

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LVI

№ 2
апрель-июнь 2021

ТАШКЕНТ
2021

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Роман ДОРОФЕЕВ
Татьяна КОТЮКОВА
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Кирилл СУЛТАНОВ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

- Стр. 2:** Священномученик Григорий V, патриарх Константинопольский (С. 6).
- Стр. 3:** Митрополит Арсений (Стадницкий). Ссылное и местное духовенство Полторацка: сидят (слева направо) – митр. Анатолий (Грисюк), митр. Арсений (Стадницкий), архиеп. Никодим (Кротков) и еп. Павел (Гальковский). Красноводск, фотография начала XX в. (С. 21).

Восток Свыше. 2021, № 2 (LVI)
Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Ольга ПАНИНА. «Постучала я...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Патриарх на воротах. 200 лет преставления священномученика

Григория V, патриарха Константинопольского

(10 апреля 1821 года) 6

Новостные страницы *иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)*

Восьмисотлетие Александра Невского и другие новости 18

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ. Ссылное духовенство в письмах

и воспоминаниях. Митрополит Арсений (Стадницкий)

в Средней Азии 21

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Жозеф КАСТАНЬЕ. Басмачи. Национальное движение коренных народов

Средней Азии после революции (с октября 1917 года

по октябрь 1924 года). Перевод с французского

Анатолия Цапенко 33

Ефрем РЯБОВ. «И там Кастанье, и тут Кастанье...»

Книга «Басмачи» и ее автор 77

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О браке и семье 87

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».

Избранные записи в «Фейсбуке» последних лет 91

Михаил КАЛИНИН. Разрозненные мысли 103

Содержание (окончание)

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года 117

Авторы номера 133

Информация для авторов 134

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Ольга ПАНИНА

Постучала я
В дверь Сада Райского –
Никто не отозвался.

Толкнула тяжелую дверь –
И отворилась она.

Зашумела листва,
Расступились травы и цветы.

Затаив дыхание,
Прошла я по дорожкам Сада
И спрашивала себя:
«Не здесь ли Адам?
Не здесь ли муж мой?»

Сад был пуст,
Лишь птицы кричали в ветвях...

Но возможен ли
Рай без Адама?

Календарные страницы *главного редактора*

Патриарх на воротах

*200 лет преставления священномученика Григория V,
патриарха Константинопольского (10 апреля 1821 года)*

Впрочем, разговор
Был славный. Говорили о Ликурге,
И о Солоне, и о Петербурге,
И что Россия рвется на простор.
Об Азии, Кавказе и о Данте,
И о движенье князя Ипсиланти.
Давид Самойлов. Пестель, поэт и Анна

Ранним утром 14 апреля 1821 года бригантину «Святой Спиридон» стояла в Константинополе, напротив Балык-Базара. Судно было греческим, ходило под английским флагом, и готовилось к отплытию в Одессу.

Солнце еще не взошло, но все уже было видно; и Балык-Базар, где прежде селились евреи, пока их не вытеснили оттуда янычары, облюбовавшие это место для себя; и иглы минаретов в легком тумане, и косые паруса фелюг.

Шкипер Николос Склавос вышел на палубу. Приглядевшись, быстро перекрестился.

В зеленоватой воде Босфора неподалеку качалось тело. Седая борода, длинные волосы, черный подрясник...

Вместе с несколькими матросами Склавос подплыл к нему на ялике.

Тело не стали поднимать, привязали к ялику и вернулись на бригантину. Чтобы не вызывать подозрения турецких властей, обернули рогожей и снова опустили в воду. Около полуночи осторожно подняли.

Трое из находившихся на «Святом Спиридоне» беженцев опознали в нем бывшего вселенского патриарха.

На палубе наступила тишина, нарушаемая плеском воды и криками чаек. Кто-то прикрыл лицо руками.

Тело так же тихо перенесли в трюм и скрыли под балластом.

За полтора месяца до этих событий, в ночь 22 февраля князь Александр Ипсиланти со спутниками выехал из Кишинева.

Погода была скверной, дул встречный ветер. Под шубой князь был одет в форму генерал-майора русской армии и имел при себе русский заграничный паспорт.

В шесть часов пополудни они перешли замерзший Прут и направились в Яссы.

– Рубикон перейден... – проговорил князь, негромко, но так, чтобы остальные услышали.

Российская империя осталась за спиной. Впереди, в кровавых вечерних лучах, лежала другая, Османская.

В Яссах князя уже нетерпеливо ожидали греческие повстанцы, вождем которых ему недавно предложено было стать. Встречали его с энтузиазмом; он обнимал их, повторяя:

– Я пришел умереть с вами!

На другой день Ипсиланти издал несколько прокламаций к греческой нации. Как сообщалось в русском «Вестнике Европы»,

В сих прокламациях, сочиненных с истинно политическим восторгом, утверждает он, что призван тысячами своих соотечественников для их освобождения; также, что сие возмущение греческих племен с нескольких уже лет было приготовлено тайными патриотическими обществами.

Князь также уверял, что восставшим вскоре будет оказана помощь со стороны «одной великой державы».

Князь блефовал. Никакой помощи от России ему обещано не было. Был, конечно, граф Иван Каподистрия, министр иностранных дел России, грек, друг Ипсиланти и горячий сторонник независимости. Но еще до начала восстания Каподистрия предупредил друга, что русское правительство помощи ему оказать не сможет. «К сожалению», добавил граф.

Но надежд Ипсиланти не оставлял. Из Ясс он написал в Вену, где находился в тот момент император Александр Павлович. «Государь! Неужели вы предоставите греков их собственной участи?»

В Вене как раз шел знаменитый конгресс; Россия была поставлена в неудобное положение. В план нового европейского порядка повстанческие движения, пусть даже на территории Османской империи, не входили. Особенно недовольна была Австрия, только что погасившая восстание карбонариев. Каподистрия, по приказу императора, ответил князю жестко. «Разве какой-нибудь народ может подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора?»

Ипсиланти пробыл в Яссах шесть дней. На третий день была отслужена торжественная обедня в церкви Трех Святителей, митрополит Михаил Костакиос освятил меч князя и знамена.

10 марта, в Фокшанах, в храме, состоялась присяга повстанческой армии. Большую ее часть составляли греческие студенты из Молдавии, России и Австрии.

– Как православный христианин и сын нашей Кафолической Церкви, – повторяли молодые голоса, – клянусь именем Господа нашего Иисуса Христа и Святой Троицы остаться верным своему Отечеству и своей Вере...

Ипсиланти слушал с горящими глазами.

Был ли сам он верным сыном Церкви? В Греции он никогда не был и свою родину он знал больше по событиям из древней ее истории и античным мифам. Его письма и воззвания пестрели именами языческих богов и древних героев.

Деятнадцатый век начался с пробуждения национализма. Немцы, французы, итальянцы, поляки, все наперебой заговорили о своей прекрасной языческой древности, о своем историческом величии. Греки не были исключением. Восемнадцать веков христианства поблекли, вперед выступили античные боги, с ледяными глазами и прелестной улыбкой. И эти боги жаждали крови.

Но не только языческая древность вдохновляла Ипсиланти.

С 1810 года он состоял в масонской ложе «Палестины», затем – в ложе «Трех добродетелей», из членов которой возникнет декабристский «Союз спасения». Сама «Филики Этерия» – тайное общество греков, которое возглавил Ипсиланти, – была устроена по подобию масонского ордена.

«Этеристы, – писал церковный историк Фёдор Курганов, – держались свобод, возвещенных Французской революцией и составляющих прямую противоположность Богом данным законоположениям».

Но без поддержки Церкви восстание было обречено, и восставшие это понимали. Понимали это и османские власти в Константинополе.

Григорий был хорошим патриархом.

Возможно, даже слишком хорошим для своего времени, поэтому его дважды изгоняли с патриаршего престола.

Патриарх был худощав, с бледным, уставшим лицом. Ему было семьдесят пять лет. Возраст, когда думаешь о покойной жизни в одном из монастырей, среди книг и молитв.

Здесь, в столице, о покое можно было только грезить. Особенно в эту весну, когда одна за другой шли новости о восстании.

Патриарх еще раз перечитал письмо от Ипсиланти. Мятежный князь призывал его поддержать их в своих проповедях, «подобных звонкой трубе».

Патриарх горько улыбнулся. Князь, воспитанный в Петербурге, не представлял себе условий, в которых находилась здесь Церковь. Даже одно тихое, неосторожное слово, сказанное патриархом, и не с амвона, а в ближнем его кругу, может стоить жизни сотням, тысячам неповинных людей.

Желал ли патриарх освобождения своего народа?

Не просто желал. Добивался открытия новых школ, переводил на новогреческий труды святых отцов и древних философов. Возродил пришедшую в упадок Патмосскую академию, создал первую греческую типографию. Еще в первое свое патриаршество добился от султана особых указов, защищавших приходские церкви от местных корыстолюбивых чиновников. И в дальнейшем делал всё для независимости Церкви и просвещения народа; в этом он и видел залог его грядущей независимости.

Многие, очень многие греки были за постепенный, ненасильственный путь освобождения. Султанская власть слабела; каждая война с европейскими державами завершалась унижительным миром. Солнце Османов шло на закат; солнце

греков, напротив, восходило. Никогда прежде они не имели такого веса в империи. Ни одного дела не делалось без греков, их участия, их капиталов, их предприимчивости.

И вот теперь, благодаря действиям князя Ипсиланти, все это рушилось.

Да, османское владычество удушало мысль греков; но веяния, шедшие из Европы, ее развращали. Отучившаяся там греческая молодежь приезжала, зараженная неверием и Вольтером, и распространяла их повсюду. Патриарху даже пришлось издать особую грамоту против увлечения «лжеименной и суемудрой европейской философией». И вот – первые плоды этих увлечений.

Узкие улицы Фанара обезлюдели. В этой части города, где, поближе к патриархату и кафедральному собору Георгия Победоносца, селилось большинство греков, каждый день производились новые аресты.

Махмуд Второй был взбешен известиями из Ясс. Султан быстро составил фирман об избиении «неверных». Город наводнили янычары.

Какой-то бедный грек, которому понадобилось сходить к брадобрею или в мелочную лавку, торопится назад, едва встретив янычара, идущего ему навстречу. Грек прижимается к стене, плотно, как только возможно, чтобы дать тому пройти, но в этот момент янычар неторопливо извлекает свой ятаган и закалывает его. Несчастный падает замертво, а убийца перешагивает через его тело и, отряхивая окровавленный ятаган, заходит в кофейню, где я чуть позже вижу его, спокойно покуривающим свой чубук.

Так писал Роберт Уолш, капеллан английского посольства. Притихли и затаились другие кварталы: армянский и еврейский. Один из янычар хвастался отрубленной головой торговца-армянина: тот имел неосторожность запросить слишком высокую, по мнению янычара, цену за свой товар.

В патриархии, окруженной зубчатыми стенами, пока спокойно. Перед воротами продолжают нести свой караул янычары. По законам империи, патриарх был еще эфнархом, главой народа, «эфноса». Визирем по делам греков.

Не ограничившись фирманом, Махмуд Второй призвал шейх-уль-ислама Хаджи Халила Эфенди и потребовал составления фетвы, призывающей к джихаду против греков.

– Всех? – переспросил Халил Эфенди.

Султан кивнул.

– И тех, кто не встал на сторону восставших и не помышлял об этом?

Султан снова кивнул; он заметно терял терпение.

– Но Коран не позволяет пролитие крови невинных... – тихо, но твердо сказал Халил Эфенди.

Лицо султана потемнело. Шейх-уль-ислам был из черкесов и славился своей прямоотой. Впрочем, мать самого султана была то ли черкешенка, то ли грузинка...

– У нас нет времени выяснять, кто из них виновен, а кто нет! – загремел султан. – По последним донесениям, эти ублюдки через своих людей в Стамбуле собираются поджечь наши корабли, и даже готовят покушение на нашу особу!

Халил Эфенди слушал, склонив голову. Гнев султана был подобен морской буре; лучше всего переждать его в гавани здравомыслия.

– Они везде кричат, что ведут войну за свою веру!

– Повелитель, – Халил Эфенди поднял голову, – насколько мне известно, Григорий Эфенди не на их стороне.

– На словах. Но что в голове у этого старика...

– Пусть объявит их вне своей веры. Ведь греки считают его своим главой.

Султан пошевелил бровью.

– Хорошо, – сказал он уже спокойнее.

И чуть помолчав, добавил:

– А фетва все же должны быть составлена.

Халил Эфенди попросил несколько дней.

В тот же день он встретился с патриархом.

– Вы должны сделать это, чтобы избежать пролития невинной крови, – убеждал он Григория. – И это будет основанием не издавать фетву.

Патриарх молчал. Он ожидал нечто подобное. Еще в марте 1807 года, когда британский флот подошел к Константинополю, и часть греков заволновалась, он особым посланием призвал народ к повиновению. А наиболее своенравным пригрозил церковным отлучением. Он даже лично тогда вышел на работы по укреплению городских стен. И султан, еще не нынешний, а его предшественник Мустафа Четвертый, выразил ему свое высочайшее удовлетворение...

Халил Эфенди молчал, глядя на патриарха и ожидая ответа.

Поэт томился в Кишиневе.

Рядом, в двух шагах от него, делалась история. А он? Он сидел здесь, в ссылке, как алжирский раб. О небо!

Он собирался тайно бежать к Ипсиланти. «Скоро оставлю благословенную Бессарабию, – писал он другу Дельвигу, – есть страны благословеннее. Праздный мир не самое лучшее состояние жизни».

Вести из Валахии, где собирал под свои знамена Ипсиланти, шибали в голову, как молодое молдавское вино.

«Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен, – писал поэт другому своему товарищу, будущему декабристу Василию Давыдову. – Он счастливо начал – и мертвый или победитель, он отныне принадлежит истории».

Что-то все же смущало его.

За два дня до приезда Ипсиланти в Яссы Василий Каравиас поднял восстание в Галаце. Каравиас, бывший российский майор на турецкой службе, был комендантом Галаца; восставшие перебили всех турок, включая мирных обывателей.

«60 из их числа были сожжены в одном доме, где они укрывались», пишет поэт. И чуть ниже: «Галацкую резню велел произвести Ипсиланти...»

Не многим лучше судьба турок в Яссах; к прибытию Ипсиланти военных поубивали, остальные спаслись бегством. «Семеро турков были приведены к Ипсиланти и тотчас казнены – странная новость со стороны европейского генерала».

Шло время, и таких «странных новостей» доходило до Кишинева все больше. Право, точно ли этеристы – европейцы? В одной деревне, на которую они напали, были убиты триста турок. Для чего? Дело освобождения – свято, в этом поэт не сомневался. Но ради чего столь крайние жестокости?

Поэт смотрел в окно. По пыльной улице двигалось несколько беженцев из турецкой части Молдавии. С каждым днем их становилось все больше.

Опьянение первых побед проходило. Князь Ипсиланти скоро рассорился с молдавскими боярами; обращался с ними, как с лакеями, заставлял их по целым часам дожидаться в передней, и вообще давал им понять, что те должны почитать за великое счастье, что их допускают к участию в греческом деле... Начались разногласия и среди самих греков. А турецкие войска все прибывали.

Вечером 1 апреля поэт был в греческом обществе. Настроение было подавленное. «Между пятью греками, – писал Пушкин на следующий день, – я один говорил как грек – все отчаявались в успехе предприятия Этерии. Я твердо уверен, что Греция восторжествует и 25 миллионов турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла».

Сам поэт готовится вступить в масонскую ложу «Овидий». Заседания ложи проходят в доме этериста Кацики, входят в нее и несколько других этеристов, а также Павел Пестель, три раза ездивший к Ипсиланти для сбора сведений. Поэт встретился с ним 9 апреля; проговорили все утро.

Приближалась Пасха.

Поэт не говел; в церкви пару раз бывал, но стоял рассеянно, больше наблюдая местные типы. К Пасхе он, впрочем, готовился, хотя и своеобразно: подучивал говорящего попугая в доме наместника Инзова, в котором сам проживал. Когда на Пасху к Инзову явился с поздравлениями местный епископ, попугай встретил его бранным молдавским словом...

Поэту был двадцать один год, он томился и скучал.

25 марта восстал Пелопоннес. Знамя восставших благословил митрополит Герман, также бывший челном «Филики Этериа».

Теперь уже в Великой Порте не сомневались, что Церковь действует заодно с восставшими.

27 марта, в воскресенье пятой недели Великого поста, патриарх прочел отлучительные грамоты на начальников восстания.

– С таким коварством они, любители свободы, а вернее, ее ненавистники, разыграли гибельную комедию и решились на дело позорное, богоненавистное и бессмысленное, желая нарушить спокойствие своих соотечественников, верно-подданных могущественного царства, которым они пользуются под его широкою сенью...

Голос патриарха слегка дрожал. Накануне прошла новая волна арестов. От него потребовали списки всех жителей Фанара; он отказался. Тогда они прислали трех янычар; те уже ходят по домам. Как раз сейчас, когда он говорит тут про спокойствие под широкою сенью...

В столице появились янычары с отрезанными ушами, носами. Это были те, кто

побывал в плену у восставших. Кипение взаимной ненависти дошло до предела.

– Если эта смертоносная зараза не будет очищена, – дочитывал патриарх, – и некоторые будут уличены в дерзких замыслах, тогда справедливый гнев правительства и ярость мщения всех шейхов ислама вспыхнут и против нас и будет несправедливо и преступно пролита кровь многих неповинных...

Ему оставалось недолго, он знал это. Русский посланник барон Строганов уже несколько раз предлагал ему помощь, чтобы безопасно покинуть столицу. Патриарх поблагодарил. И отказался.

– Так фетвы еще нет? – переспросил султан.

– Но Григорий Эфенди выполнил свое обещание... – Халид Эфенди замолк. Оправдываться в таких случаях – продлевать себе казнь.

– Григорий Эфенди... – криво усмехнулся султан.

После недолгой тишины султан вызвал стражников и велел увести Халида Эфенди. В тот же день он был лишен своего сана, имущества и отправлен в ссылку. Там он вскоре скончался, не выдержав унижений.

Была решена и участь патриарха.

5 апреля, в Страстную неделю, было казнено несколько видных лиц из греческого населения Константинополя, брошено в тюрьмы несколько архиереев. Но главное зрелище было припасено на Пасху, выпадавшую на 10 апреля.

Пасха началась с пушечной пальбы. Поначалу решили, что это восстали константинопольские греки, о чем уже давно ходили слухи. Однако палили только турецкие орудия. Порта решила показать, что готова к любому нападению.

А греки были в церквях. Хотя патриарх до этого обратился с воззванием, ради спокойствия и безопасности, не собираться в них. Кафедральный собор был полон; от шума пальбы вздрагивали стены, народ переглядывался и крестился, но служба шла, как положено. Даже еще торжественнее.

Вот пропели «Христос воскрес из мертвых...» перед вратами храма.

Вот все входят в храм. Духовенство переоблачается – белые одеяния меняются на алые, пасхальные.

Патриарх выходит к народу.

Он видит их. Давно уже видит их. Они стоят чуть в стороне и ждут. Султанская полиция – чауши. Вокруг них, несмотря на обычную пасхальную толчею, пустота. Люди жмутся в стороны.

Патриарх поднимает чашу. Он уже все понял. Да, Господи. Да, он готов.

Они дали ему дослужить: таков был приказ.

Верующие расходились. Пальба давно прекратилась, небо светлело.

Чауши спокойно дождались, когда патриарх и остальные архиереи, сослужившие ему, выйдут из алтаря. Один из чаушей, по виду главный, подал знак.

Дальше изображение становится нечетким. Свидетельства и сообщения о том страшном пасхальном утре начинают расслаиваться, разниться, противоречить. Обрастать все более жуткими и сомнительными подробностями.

Одни сообщали, что убийцы ворвались прямо во время службы, при всех выволокли патриарха из алтаря и устроили погром в соборе. Другие – что никакого погрома в тот день не было, он произошел позже. Одни сообщали, что патриарха повесили сразу же. Другие – что его вначале вызвали во дворец (или привели в тюрьму), а потом вернули в Фанар и лишь после этого повесили. Но как? Одни уверяли, что прямо на дверях собора, другие – что двери оказались низковаты, и пришлось мастерить виселицу.

Для распоряжения казнью прибыл великий визирь Бендерли Али; сел на табурет у подножия виселицы, закурил трубку и просидел до конца казни. Одни говорили: несколько минут, другие – полтора часа.

Рядом с повешенным была выставлена стража; всякий, кто входил в храм, должен был бы пройти мимо него. Но никто не пытался войти. Храм стоял, залитый солнцем и пустой. Было слышно только, как переговариваются снаружи стражники и где-то вдалеке перелаиваются собаки.

Началось разрушение церквей. Вначале была снесена до основания церковь святого Романа, затем подверглись нападению еще тринадцать храмов; одни уничтожили полностью, в других – крышу и часть стен, в третьих – иконы, книги и облачения.

Через несколько дней толпа ворвалась в патриархию, разграбила собор и разгромила типографию, набив карманы литерами... Это была константинопольская чернь, почуявшая запах вседозволенности.

Тело патриарха висело уже три дня, и с ним нужно было что-то делать.

Еврейский квартал Балат находился рядом. Османские власти, пишет Уолш, «выбрали из этого района самых подлых и низменных людей, которых они могли найти среди отбросов тамошнего общества... По прошествии трех дней тело патриарха сняли, и вместе с веревкой, на которой оно было подвешено, передали в руки этим подонкам и приказали им тащить его за шею к воде».

Отношения между греками и евреями в Константинополе всегда были тяжелыми. Сказывалась не столько разность веры, сколько близость занятий – и те, и другие промышляли торговлей, где их интересы постоянно сталкивались. Поразному относились они и к османской власти. Для греков османы оставались работодателями; для большинства константинопольских евреев – благодетелями: в Османской империи нашли прибежище тысячи евреев, некогда бежавших из Испании от инквизиции.

Но ненависти, подобной той, которая пылала во времена Трульского собора (VII век), решения которого запрещали христианам дружить с иудеями, лечиться у них и даже мыться в одной бане, уже давно не было.

...13 апреля двадцать балатских евреев с истошными криками протащили тело патриарха до пролива. Как им и было приказано, они выкрикали:

– Сей есть царь христианский, и да узнают народы, что един только есть государь и самодержец вселенной – султан Махмуд, по повелению которого влачим мы царя православных!

Накричавшись, они сбросили тело в Босфор и разошлись по своим делам.

«Поведение евреев, – писал Уолш, – в этом случае рассматривалось как проявление смертельной ненависти, которую они испытывали к христианам... Но, скорее всего, существа, выбранные для этой цели, были неспособны ничего понимать или чувствовать; они были столь же невежественны, сколь и жалки – они действовали из страха и тупости, и ликование, которое они выказывали, было направлено на удовлетворение их более жестоких и свирепых господ».

Действительно, чуть больше чем через год, 22 июня 1822 года, сцена повторится: кучка балатских евреев, выполняя приказ властей, протащит на веревке и сбросит в Босфор другое тело. Но это будет не христианин, а, напротив, янычар Хасан Байрактар, грабивший христианские семьи. Он был застрелен, сопротивляясь патрулю, назначенному османами для защиты греков...

Как и всякая империя, Османская руководствовалась принципом: «Разделяй и властвуй». По мере роста национализма, разделять становилось все легче, властвовать – все труднее.

6 мая бригантин «Святой Спиридон» прибыла в Одессу и стала на карантин.

О том, что на борту судна находятся останки патриарха, было тут же сообщено русским властям. Вице-губернатор граф Ланжерон велел вынести тело на берег со всеми предосторожностями, требуемыми карантинными законами. Останки освидетельствовали еще двое высокородных греков, бывших в Одессе и лично знавших патриарха, и дали письменное подтверждение. После этого тело было положено в гроб, запечатано и поставлено в карантинную башню.

Вице-губернатор тем временем вступил в экстренную переписку с Петербургом, запрашивая, как он должен «воздать последние почести сему злополучному начальнику Греческой церкви».

26 мая прибыл высочайший ответ из Петербурга. К нему прилагалось облачение для останков патриарха из придворной ризницы, панagia и крест из Кабинета Его Величества и архиерейская митра из Александро-Невской лавры.

Еще три недели ушло на подготовку похорон, оповещение архиереев, которые должны были совершать отпевание и погребение, и прочие распоряжения.

Гроб с останками патриарха был открыт. Хотя «совет докторов предполагал разрушение их на части и совершенную невозможность открыть ящик, в котором они находились», тело, как сообщал очевидец, «найденно целым и невредимым».

17 июня началось в Одессе с пушечной пальбы с кораблей и брандвахты и колокольного звона всех церквей. После совершения малой панихиды гроб был вынесен из карантинного дома.

Шествие двинулось в соборную Преображенскую церковь.

Впереди несли большой крест с двумя зажженными фонарями; следом – хоругви, за ними шли четыре диакона с крышкой гроба. На некотором расстоянии следовали псаломщики, один с архиерейским жезлом, другие несли на малиновых подушках малый омофор и крест с панagией. За ними, протяжно запевая, двигались певчие, духовенство, два митрополита и один епископ.

Гроб с телом патриарха везли шесть лошадей. Четыре дьякона, по углам гроба,

помахивали кадилами, шесть священников поддерживали балдахин, двенадцать факельщиков несли пылавшие факелы, двенадцать почетных граждан города держали зажженные свечи; позади гроба шел граф Ланжерон с высшими военными чинами... После следовали уже все остальные.

На третий день останки патриарха были перенесены из Преображенской церкви в Греческую и погребены в ней.

Еще не закончилось погребение, как начался погром – первый в истории Одессы.

Это было общее нападение на евреев... на всех трех рыночных площадях в одно и то же время и час. Одесская полиция, должно быть, уже слышала об этом плане, потому что евреев предупредили, чтобы они не выходили в тот день утром, не попадались на глаза и не открывали свои лавки...

Истязание детей Израиля было отвратительным. Их избивали большими деревянными палками. Потекла кровь. Некоторые были убиты; еще несколько тяжело ранены; некоторые ослеплены. ... На Еврейской улице, в квартирах, даже в синагоге, творились безобразия, окна и двери были выбиты, в один момент сто еврейских семей потеряли почти все.

После этого, конечно, было начато строгое расследование. Произведены аресты. Но выяснить, кто виноват, было сложно. Говорили, что все эти беспорядки были спровоцированы греками, обвинявшими евреев в предательстве своего дела в Константинополе. Но несчастные одесские евреи были невиновны в том, что произошло в Константинополе... Они не знали, за что их убивали, громили и грабили.

Так описывал погром немецкий писатель и журналист Генрих Чокке.

Одесские евреи действительно были невиновны в гибели патриарха. Как были невиновны в ней и паломники, направлявшиеся на турецком бриге в Мекку. 28 апреля два корабля греческих повстанцев захватили бриг. Все турки на борту, включая экипаж, муллу и паломников, были вырезаны – «в отместку за патриарха Григория».

Восставшие, отлученные патриархом, размахивали его именем, как знаменем. 5 октября они взяли главный город Пелопоннеса, Триполицу. Победа закончилась массовой резней турок и евреев: не менее девяти тысяч мужчин, женщин и детей были убиты.

Количество мирного греческого населения, уничтоженного турками во время восстания, не поддается исчислению.

Восстание захлебнулось. Лишь военное вмешательство России, Франции и Англии вынудило османское правительство признать в 1829 году автономию Греции.

После чего произошло то, что и должно было произойти. История писалась победителями – «жаркими сторонниками и хвалителями греческой Этерии и восстания 1821 года, желающим во что бы то ни стало связать с этим “великим делом” выдающееся в греческой церкви лицо патриарха Григория» (Фёдор Курганов).

Были отысканы различные «свидетельства», доказывающие, что патриарх был чуть ли не духовным главой этеристов; «подлинные» письма, в которых он призывал к лицемерию и двуличию ради их победы... И что после отлучения эте-

ристов патриарх якобы в ту же ночь явился в собор и это отлучение тайно снял. Даже османские власти, обвиняя патриарха, не додумались до такого.

Сходным образом оправдывалось и уничтожение этеристами евреев. Кучка отщепенцев, которой османские приказали сбросить тело патриарха в море, превратилась под пером «очевидцев» в высших раввинов, которые сами упростили султана выдать им тело для поругания; да еще заплатили за это восемьсот пиастров...

Поэт томился в Петербурге.

Стоял дождливый северный апрель 1828 года. Поэт жил в Демутовом трактире, глядевшем окнами на темную Мойку. Что за унылый вид! Город пышный, город бледный... Скука, холод и гранит. И он посреди этой скуки. Скоро ему двадцать девять.

Россия, наконец, вступила в войну с Османской империей. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Следовало, конечно, сделать это семь лет назад, а не бросать этих несчастных этеристов с их легкомысленными вождями на произвол судьбы. Какое было прекрасное начало! И как быстро оно выродилось в печальную карикатуру. Он видел в Кишиневе и Одессе этих «новых Леонидов». «Толпа трусливой сволочи, – писал он тогда Давыдову, – воров и бродяг, которые не могли выдержать даже первого огня скверных турецких стрелков... Ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма».

А Ипсиланти, в которого он так верил? После несчастного сражения при Драгашанах, где погиб цвет греческого юношества, князь ускакал к границам Австрии и послал оттуда проклятие своим прежним сподвижникам, которых называл трусами и негодяями. Потом пять лет томился в австрийских застенках, наконец, был выпущен по ходатайству государя Николая Павловича, живой руиной, и вот пару месяцев назад скончался... И, однако, какая судьба! Готовый роман.

Что ж, он и напишет этот роман. Пора делать себе имя в прозе, за прозой будущее. Но нужны сведения, впечатления! Где ж их взять? Уж конечно, не здесь, глядя в стылые воды Мойки. Он написал прошение зачислить его в действующую армию, он должен побывать в Турции; история делается на войнах. И вот... отказ! Так и торчи до старости в этом безжизненном городе.

...Вечером, точно почувствовав его хандру, стали являться друзья. С друзьями он расцветал, горечь отступала. Пришел осторожный, милый Жуковский. Вяземский привел с собой Мицкевича. Где-то подобрали старика Крылова; решено было устроить дружескую пирушку. Мицкевича уговорили угостить их знаменитыми его импровизациями. Польского никто не знал, но поляк умел мастерски импровизировать и французской прозой. Мицкевич немного поотказывался, сравнив мысли, выражаемые на неродном наречии с лавой, кипящей под землей, но не имеющей вулкана, чтобы извергнуться... Сам он в этот момент точно напоминал вулкан. Он стоял с бледным лицом, освященным множеством свечей.

На небольших бумажках были написаны предполагаемые задачи. Вытянули жребий:

– Приплытие к одесскому берегу тела константинопольского патриарха, убитого турецкой чернью!

Головы собравшихся закивали. Тема и поэтическая, и современная...

Мицкевич на несколько минут задумался. Он недолго жил в Одессе, и хотя не застал самих похорон, обладал достаточным воображением, чтобы дорисовать нужное.

Вскоре выступил он с лицом, озаренным пламенем вдохновения: было в нем что-то тревожное и прорицательное. Слушатели в благоговейном молчании были также поэтически настроены. Чуждый ему язык, проза, более отрезвляющая, нежели упоющая мысль и воображение, не могли ни подавить, ни остудить порыва его. Импровизация была блестящая и великолепная. Жаль, что не было тут стенографа. Действие ее еще памятно; но, за неимением положительных следов, впечатления не передаваемы. Жуковский и Пушкин, глубоко потрясенные этим огнедышащим извержением поэзии, были в восторге.

Так через много лет вспоминал этот вечер Вяземский.

...Ночью поэт долго не мог заснуть. Вначале мысли кружили вокруг Мицкевича и его дара. Потом перешли на патриарха Григория. Вот еще более трагическая судьба. Какая смерть! И какая страшная и великая участь останков его... Поэт вздохнул и неожиданно для себя перекрестился. Он должен написать об этом. Он истребует себе путешествие в южные страны, побывает в Константинополе, посетит Афины и Смирну; он соберет нужные сведения и засядет за роман. А назовет он его... Назовет его...

Поэт спал.

Этого романа он так и не напишет, и ни в одном из этих мест не побывает. От великого замысла останутся несколько набросков. И финальная строка из «Выстрела»: «Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами». Поэт подарит этому странному герою свою несостоявшуюся судьбу.

Поэт спал, выпятив губы. И все, о чем он думал – и слушая импровизацию Мицкевича, и ворочаясь только что, – нахлынуло на него в виде необычайно ярких и сочных образов. Тут было всё. И последние дни патриарха, его сомнения и великая готовность к жертве. И страшная и одновременно радостная пасхальная ночь, ставшая для него последней. Крики константинопольской черни, плеск волн, солнечные улицы Одессы... И снова патриарх – не висящий, но точно парящий над землей, у распахнутых ворот церкви, в ласковом золотом сиянии...

Новостные страницы *иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)*

Восьмисотлетие Александра Невского и другие новости

2021 год в Русской Православной Церкви проходит под знаменем 800-летнего юбилея со дня рождения святого благоверного великого князя Александра Невского. Неудивительно, что с ним были связаны основные события в жизни Ташкентской епархии за первое полугодие.

20 апреля в общинном центре при ташкентском храме святого благоверного князя Александра Невского прошел региональный этап международных чтений «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память». На конференции были заслушаны доклады духовенства епархии, преподавателей и студентов Ташкентской Православной духовной семинарии.

4 июня из города Краснотурьинска Екатеринбургской митрополии в Свято-Успенский кафедральный собор города Ташкента, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, был доставлен чудотворный образ святого благоверного великого князя Александра Невского с частицей его святых мощей. За десять дней святыня, которую сопровождал клирик краснотурьинского храма во имя святого преподобного Максима Исповедника иерей Анатолий Чулочников, посетила многие приходы епархии.

7 июня глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий доставил чудотворный образ святого князя Александра Невского с частицей его святых мощей в молитвенный дом в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона города Нукуса и совершил Божественную литургию. Затем архипастырь принял участие в праздничном концерте, посвященном 800-летию со дня рождения святого благоверного князя в нукусском Государственном академическом театре имени Бердаха. В театре были развернуты две выставки: первая посвящена 150-летию юбилею Ташкентской епархии, в которой отразились основные исторические вехи присутствия Русской Православной Церкви на территории Узбекистана; вторая рассказывала об истории Республики Каракалпакстан. Состоялась театрализованная постановка с участием артистов Русского драматического театра, посвященная встрече великого

князя Александра Невского с ханом Сартаком. В концертной программе приняли участие каракалпакский фольклорный ансамбль «Айкулаш», ансамбль дутаристов «Мухаллес», артисты музыкального театра имени Бердаха, балетная группа «Тумарис», активисты Русского культурного центра в Республике Каракалпакстан.

8 июня митрополит Викентий доставил святой образ Александра Невского с частицей его святых мощей в храм праведного Иова Многострадального города Ургенча, совершил Божественную литургию, а затем посетил дворец культуры Ургенчского Государственного Университета, где прошел концерт, посвященный юбилейной дате святого благоверного великого князя Александра Невского.

Внесло свой вклад в проведении юбилейных мероприятий и Ферганское благочиние. 30 мая в храме преподобного Сергия Радонежского города Ферганы был проведен певческий конкурс хоров храмов благочиния «Тебе Бога хвалим». На нем выступили церковные хоровые коллективы Андижана, Намангана, Коканда, Кува-сая и Ферганы. Участниками также стали дети воскресной школы при ферганском храме.

Другие новости с приходов. Своя звонница появилась в храме святого апостола Фомы города Ахангарана. Вечером 15 января ее освятил митрополит Викентий.

Первую заупокойную службу в строящемся храме в честь Собора всех святых Среднеазиатского митрополичьего округа на кладбище в Уртасарае Ташкентской области 11 мая, в праздник Радоницы, совершил митрополит Викентий. Торжественная закладка первого камня под строительство этого храма состоялась 1 октября 2017 года, в дни визита Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Узбекистан.

В ночь с 1 на 2 мая православные жители столицы Узбекистана встречали Пасху Христову. В этом году не были введены жесткие антиковидные ограничения, а потому в пасхальную ночь на службу смогли прийти все желающие. В праздник Светлого Христова Воскресения митрополит Викентий доставил в Свято-Успенский собор Благодатный огонь из Иерусалима и раздал его верующим. Благодатный огонь был доставлен спецрейсом «Ташкент – Тель-Авив – Ташкент», организованным при поддержке Правительства Узбекистана и Посольства Узбекистана в Израиле.

10-11 июня в Ташкенте прошли торжества, посвященные памяти святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского, начинавшего свое сужение в Ташкентской епархии. В этом году исполняется 60 лет со дня преставления святителя Луки, 25 лет со дня прославления и обретения мощей, а также 100 лет со дня принятия будущим святителем Лукой священного сана.

11 июня Божественную литургию совершил митрополит Викентий в Свято-Успенском кафедральном соборе в сослужении епископа Скопинского и Шацкого Питирима, духовенства Ташкентской епархии, а также прибывших на торжества клириков Симферопольской и Скопинской епархий. По окончании Литургии в конференц-зале Духовно-административного центра епархии прошли VII международные научно-просветительские чтения «Духовное наследие и вклад в медицину святителя Луки (Войно-Ясенецкого)».

23 июня в конференц-зале Духовно-административного центра состоялся торжественный акт 19-го выпуска студентов Ташкентской Православной Духов-

ной семинарии. В 2020-2021 учебном году на подготовительном и четырех базовых курсах Пастырско-богословского отделения, трех курсах Катехизаторского и Регентско-певческого отделений, а также на экстернате проходили обучение 117 студентов. В этом учебном году Ташкентскую семинарию закончили 19 студентов: 12 человек с Пастырско-богословского отделения, 2 человека с Регентско-певческого отделения, а также 5 человек с Катехизаторского отделения.

Почетных церковных наград на первые 6 месяцев 2021 года были удостоены клирики епархии: протоиерей Александр Несин вручен орден святителя Макария, митрополита Московского, третьей степени; протоиерей Сергий Стаценко, настоятелю ташкентского храма в честь святого благоверного великого князя Александра Невского – Патриаршая грамота во внимание к трудам во благо Святой Церкви, а также в связи с 20-летием служения в пресвитерском сане, а протоиерей Геннадий Бурякову – орден благоверного князя Даниила Московского третьей степени.

Старшая сестра Свято-Покровского женского монастыря города Дустабада монахиня Евфросиния (Лозинская) 1 марта награждена правом ношения наперсного креста.

17 апреля в Духовно-административном центре Ташкентской епархии состоялась первая официальная встреча митрополита Викентия с новым Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Узбекистане Олегом Мальгиновым и его супругой. На встрече владыка Викентий рассказал об истории епархии и о ее планах. Архипастырь также провел для почетных гостей небольшую экскурсию по Духовно-административному центру и Свято-Успенскому кафедральному собору.

В завершение обзора – о диаконских и пресвитерских хиротониях, совершенных за минувшие полгода.

28 марта в сан пресвитера был рукоположен насельник Свято-Троице Георгиевского мужского монастыря иеродиакон Иов (Коннов).

4 апреля студент 3 курса ТПДС иеродиакон Пантелеимон (Дорошев) был рукоположен в сан иеромонаха, а студент 1 курса семинарии Лука Иргашев – в сан диакона.

29 апреля клирик собора и преподаватель Ташкентской православной духовной семинарии диакон Григорий Химониди сподобился получить пресвитерский сан, а студент заочного сектора Пастырско-богословского отделения ТПДС Сергей Матыцин был рукоположен во диакона.

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Ссылное духовенство в письмах и воспоминаниях. Митрополит Арсений (Стадницкий) в Средней Азии

Возвратить... образ мыслей праведников (Лк. 1, 17)

В 1920–1930-х годах Средняя Азия и Казахстан стали местом ссылки для нескольких тысяч православных священнослужителей, монашествующих и мирян, среди которых были и видные архиереи, и приходские священники. Многие из них прославлены в лике новомучеников, имена других также навсегда вписаны в историю Туркестанской епархии. Вызывает сожаление тот факт, что годы среднеазиатской ссылки в их жизнеописаниях чаще всего освещены крайне скудно, а порой и с ошибками. Неверные маршруты и даты передвижения, непонятные названия населенных пунктов, отсутствие дат освобождения – все это до сих пор можно встретить в биографиях даже самых выдающихся архиереев.

В последние десять лет в печати и в сети Интернет было опубликовано множество писем, посланий, воспоминаний; обнаружены также и неизданные еще документы личного происхождения. Уникальные факты, непосредственные наблюдения и яркие впечатления авторов этих источников помогают восстановить многие эпизоды из жизни ссылного духовенства, дают представление о его нравственном, эмоциональном, интеллектуальном состоянии, о его характерных чертах, образе мыслей и особенностях быта, позволяют по-новому взглянуть на церковную жизнь Средней Азии и Казахстана. Поэтому возникла идея на основе таких источников создать цикл публикаций, посвященных видным церковным деятелям и главным эпизодам истории Церкви первой половины XX века.

Очень важно собрать, сохранить и представить читателю все факты из источников. Но не менее важно использовать их главный потенциал: субъективные мнения, пространные рассуждения, описания чувств и переживаний авторов. Поэтому,

восстанавливая хронологическую канву биографий и церковной истории, было решено публиковать некоторые документы – целиком, из других – пространные цитаты с необходимыми комментариями и рассуждениями. Во всем этом разном хоре мы надеемся услышать голос Церкви, вступившей после Февральской революции 1917 года на путь мученичества и исповедничества.

ЧАСТЬ 1. Москва-Полторацк-Красноводск

Митрополит Ташкентский и Туркестанский Арсений (Стадницкий, 1862–1936) – один из самых выдающихся архиереев, оказавшихся в среднеазиатской ссылке. Жизненный путь владыки в целом хорошо освещен в научной литературе¹, поэтому здесь напомним только о самых важных событиях, предшествовавших его ссылке в Среднюю Азию.

Авксентий Георгиевич Стадницкий родился 22 января 1862 года в молдавском селе Кумарэу (ныне село Комарово, Украина) в семье священника. Окончив Киевскую духовную академию, он преподавал в Кишиневской и Новгородской духовных семинариях, занимался литературными трудами и научными исследованиями, за которые был удостоен двух Макариевских премий и многих других наград. 30 декабря 1895 года был пострижен в монашество с наречением имени Арсений, на следующий день рукоположен во иеродиакона, а 1 января 1896 года – во иеромонаха. В том же году он стал ректором Новгородской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита; затем – инспектором, профессором и ректором Московской духовной академии. 28 февраля 1898 года хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1903 года – епископ Псковский и Порховский. В 1900-х годах – председатель Учебного комитета при Святейшем Синоде, член Предсоборного присутствия и Государственного совета. С 1910 года – архиепископ Новгородский и Старорусский. На Соборе Российской Православной Церкви 1917–1918 годов – Старший товарищ председателя; второй кандидат на патриарший престол. 28 ноября 1917 года возведен в сан митрополита; был членом Священного Синода и Высшего Церковного Совета при патриархе Тихоне.

После окончания Собора митрополит Арсений проживал в Москве, служил в храме Христа Спасителя. В конце 1919-го был арестован и 5 января 1920 года выслан из Москвы в Новгород. Там его арестовали по делу о епархиальном совете и в феврале 1921 года приговорили к пяти годам ссылки в Архангельск. После кассационной жалобы приговор был отменен, и митрополит Арсений остался в Новгороде. В июле 1922 года по решению ГПУ его вызвали в Москву, привлекли к следствию по делу патриарха Тихона в качестве обвиняемого, вызывали на допросы, а затем арестовали. Около года – с 22 марта 1923-го до 10 января 1924 года – владыка Арсений находился в тюрьме. Через 5 дней после освобождения его вновь арестовали, предъявив обвинение в антисоветской деятельности, в распространении «провокационных слухов о гонении церкви и религии советской властью»². Владыку Арсения принуждали перейти в лагерь церковных реформаторов-обновленцев, активно сотрудничавших с большевиками – он категорически отка-

зался. Следствие по делу патриарха Тихона в марте того же года было прекращено, всех обвиняемых оправдали. Несмотря на это, 28 марта 1924 года Комиссия НКВД по административным высылкам приняла постановление о высылке митрополита Арсения, архиепископа Никандра (Феноменова)³ и управляющего синодальной канцелярией Петра Гурьева из Москвы сроком на 3 года. Патриарх Тихон писал о них в письме от 8 мая 1924 года Председателю СНК Алексею Рыкову: «Указанные лица доселе еще не только не освобождены, но, как передано, высылаются в административном порядке в Бухару. Ходатайствую и об этих лицах, ибо, отбывая предварительное заключение, и немалое время, они не могли совершить каких-либо новых, заслуживающих кары преступлений»⁴.

Уточнить обстоятельства и дату отправки митрополита Арсения в ссылку позволяют воспоминания игуменьи Иулиании (Невакович)⁵.

Воспоминания игуменьи Иулиании (Невакович). Москва

В период ареста святейшего патриарха Тихона и заключения его в Донском монастыре, был переведен митрополит⁶ Крутицкий Никандр из Владимирской тюрьмы, и митрополит Арсений из Новгородской, в Москву во внутреннюю тюрьму на Лубянку, по делу патриарха. Дело патриарха неожиданно кончилось, но митрополиты оставались под стражей. Потом выяснилось, что митрополиты отправлены будут этапом в Туркестан и для этого находятся в Таганской тюрьме, которая в то время считалась пересыльной. Это было на Страстной неделе. Всю Страстную пришлось по очереди дежурить перед тюрьмой в ожидании этапа, и только на второй день Пасхи они были назначены на этап. День был весенний, теплый и яркий. С ними еще отправлялся архиепископ Симферопольский Никодим⁷. Конечно, конвой, построившийся, чтобы вести заключенных на вокзал, разгонял нас, но совсем нас отогнать было трудно. После долгого ожидания стали выводить заключенных и строить их по четыре в ряд. Вышли и Владыки все вместе и встали в один ряд.

Начались окрики конвойных и щелканье затворов, и этап двинулся. Пользуясь тем, что этап шел по трамвайной линии «Б», провожающие, когда конвойные уж очень ругались и грозили арестовать, садились на трамвай, проезжали одну остановку, и опять встречали этап. Когда линия «Б» кончилась, то, опытные в тюремных делах, мы поспешили скорее встать около той платформы, где сажают заключенных в тюремные вагоны, и стали ждать прибытия этапа.

Когда митрополиты стали подниматься на платформу, мы смогли их разглядеть. Бледные особой тюремной бледностью, в подрясниках и скуфьях, они несли каждый свои вещи в двух мешках на перевес через плечо. Но лица у них были радостные. И мы не плакали, провожая их, а громко, сколько было сил, крикнули: – Христос Воскресе! И услышали ответ не только от них, но и от близ их стоящих заключенных: – Воистину Воскресе!

Позже, в ответ на посылаемые посылки митрополитам, я и другие сестры получали очень интересные письма, но из-за постоянных обысков мы не могли их хранить⁸.

Согласно воспоминаниям игуменьи Иулиании, в храме Христа Спасителя о ссылке митрополита Арсения узнали на Страстной седмице, 21–26 апреля 1924 года, а этап был отправлен из Таганской тюрьмы «на второй день Пасхи» – 29 апреля. Ходатайство патриарха Тихона об освобождении архиереев и Петра Гурьева, изложенное Рыкову в письме от 8 мая, опоздало на неделю. Полагаем, что в любом случае к просьбе Святейшего власти бы не прислушались – удаление от него

всех близких людей, всех верных помощников было намеренным и проводилось властями последовательно и целенаправленно. Об этом свидетельствует и выбор места ссылки – пребывание архиереев в Бухаре, ставшей тогда на короткое время столицей Бухарской народной советской республики, исключало их неподконтрольные контакты с патриархом. Отсутствие общин православных верующих в этом недавно присоединенном к РСФСР мусульманском городе также способствовало полной изоляции архиереев. Так виделось из Москвы, но туркестанские реалии внесли свои коррективы – местом ссылки архиереев Бухара не стала. Возможная причина – территория бывшего Бухарского эмирата вплоть до 1930-х годов оставалась главным очагом басмачества, из-за чего средства связи с центром и передвижение были затруднены не только для ссылных, но и для самих представителей органов советской власти. Это могло помешать московским разработчикам интриг «церковно-государственных отношений» осуществлять полный контроль над жизнью митрополита Арсения. Второй претендент на патриарший престол – важная фигура с точки зрения стратегов уничтожения Церкви – должен был быть хоть и в отдалении, но под постоянным присмотром из центра.

Обычный путь ссылных из Москвы в Среднюю Азию проходил через Кзыл-Орду и Ташкент. Скорее всего, именно так митрополит Арсений оказался в Полторацке (до 1919 года – Асхабад, ныне Ашхабад, Туркменистан). В те годы Полторацк был пересыльным пунктом – на этой узловой станции Среднеазиатской железной дороги происходило распределение репрессированных по населенным пунктам Туркмении. В 1920-х годах через Полторацк этапом проследовало несколько десятков священнослужителей. Большая православная община закаспийской столицы – до революции здесь было семь церквей, женская обитель и братство Святого Креста – усердно помогала ссылному духовенству.

О том, что митрополит Арсений останавливался в Полторацке в 1924 году, известно из рапорта епископа Ладожского Иннокентия⁹ патриарху Тихону.

Рапорт епископа Иннокентия (Тихонова)

Ваше Святейшество Святейший Отец наш. Находясь в 1923/4 году в Асхабаде (он же Полторацк), я пред расставанием с отъезжавшими к местам их ссылки священнослужителями позволил себе для их утешения и ободрения сделать им радость, какую мог. Имея в виду впоследствии донести о том Вашему Святейшеству, я удостоил их наград¹⁰.

Владыка Иннокентий перечислил имена награжденных им священнослужителей, а затем сообщил о настоятельнице местной обители:

<...>7. Игуменья Казанского, что в Асхабаде монастыря Евгения (Александрина). Я возвел ее в 1923 году в сан игумении, на что получил утверждение Вашего Святейшества. Впоследствии я возложил на нее наперсный крест. Она – простой и малограмотный, но с редкими душевными качествами человек. Она очень много сделала для православия в Асхабаде благодаря уважению, которым она пользуется со стороны православных. Много потрудилась в деле предоставления приюта и помощи сосланным в Туркестан священнослужителям. Из них могу назвать: Митрополита Новгородского Арсения, Архиепископа Таврического Никодима <...> и других¹¹.

Епископ Иннокентий, следуя в туркменскую ссылку, приехал в Полторацк 20 декабря 1923 года. Вскоре его отправили в Кизил-Арват (ныне Сердар, Туркменистан), а с апреля 1924-го весь оставшийся срок ссылки он находился в поселке Кара-Кала (ныне Махтумкули, Туркменистан). В начале 1925 года, получив указ об освобождении, епископ Иннокентий отправился через Полторацк в Москву. Во время своих странствий по Туркмении он имел возможность встретиться с митрополитом Арсением; мог также от верующих и от самой игуменьи Евгении узнать о той помощи, которую она оказывала ссылным архиереям.

В рапорте владыки Иннокентия не упомянут архиепископ Никандр (Феноменов). Где-то на этапе, скорее всего – в Ташкенте, помощников патриарха Тихона разлучили – архиепископ Никандр и Гурьев находились в ссылке в Каракалпакии. В Полторацке с митрополитом Арсением оказался следовавший тем же этапом из Москвы архиепископ Никодим (Кротков). Вместе они проживали затем в Красноводске. Об этом времени есть бесценные свидетельства самого митрополита Арсения. Из ссылки он писал в Ленинград к Анатолию Кони¹². Со знаменитым юристом владыку связывали дружеские отношения и общие занятия в Государственном совете, и в ссылке они не прерывали общения.

Письма из туркменской ссылки митрополита Арсения к Кони здесь впервые публикуются целиком¹³.

1. Письмо от 30 января 1925 года

Красноводск. 1925 г. Янв[арь] 17/30 дня

Глубокоуважаемый Анатолий Феодорович!

С берегов Каспия, из града Красноводска Туркменской Области, пишу Вам сии строки, побуждаемый благодарной памятью о Вас и добрыми воспоминаниями о древних днях. С половины 22 года я нахожусь вне пределов своей епархии, в невольном странствии, главными этапами которого являются Бутырки и Красноводск – настоящее место моего пребывания. В Бутырках я провел весь 23-й год и начало 24 г., в ожидании суда по делу Патр[иарха] Тихона. 21-го марта ЦИК прекратил это дело и мы признаны социально неопасными.

Тем не менее я сослан был в Бухару, на три года, а затем в Красноводск, где и нахожусь уже 10-ть месяцев. Вместе со мною здесь шесть моих собратьев. О здешнем житии нашем я, если получу Ваш отклик, напишу в следующий раз. А теперь скажу только, что благодарю Бога, утешающего нас Своими испытаниями!

Приветствую Вас со прошедшими Праздниками и новым годом, с молитвенным пожеланием всех милостей Господних. Не могу не выразить своей искренней радости, что Господь милует Вас долголетием и Вы продолжаете светить тихим вечерним светом. В прошлом году я читал о торжествах празднования Вашего 80-тилетия; но не мог приобщить своего гласа к лику торжествующих, так как Бутырские запоры препятствовали этому. Мысленно я послал Вам свой привет, и молитвенно пожелал, чтобы закат Ваш длился еще долго-долго, освещая и просвещая жаждущих истинного просвещения. Теперь, благодарение Богу, оканчивается 81-ая годовщина Ваша (кажется, 27 янв[аря]. ст. ст.), и я приветствую Вас с такими же пожеланиями.

Позвольте при этом обратиться к Вам со следующей просьбой. Всегда я был усердным читателем Ваших художественных творений, которые мною частью приобретены, а ча-

стью получены от Вас в качестве дорогого для меня дара. Теперь библиотека моя взята в общее пользование и трудно мне достать что-либо оттуда. Здесь же – отсутствие библиотек. Поэтому прошу Вас, если у Вас имеются лишние экземпляры каких бы то ни было Ваших литературных произведений – давних или недавних – прислать мне. Хотя многие из них и читаны мною, но они никогда не теряют своего интереса, сколько бы их не читать. Это будет большим утешением для меня и для моих собратий.

Жив ли Н.С. Таг[анце]в¹⁴? [приписано слева на полях]

Призывая на Вас Божие благословение,
остаюсь Вашим всегдашним
почитателем и молитвенником
Арсений Митрополит Новгородский.

Мой адрес: Г. Красноводск.
Туркменской области.
Ул. Максима Горького д. № 3.
М. Арсению Георгиевичу
Стадницкому¹⁵.

Как следует из этого письма, митрополит Арсений к концу января 1925 года уже десять месяцев, то есть с апреля 1924 года, находился в Красноводске. Если игуменья Иулиания точно указала день отправки этапа из Москвы (29 апреля), то приходится предположить, что десять – число округленное¹⁶ – в конце января только начинался десятый месяц пребывания владыки в Красноводске. В любом случае, на проживание в Полторацке остаются считанные дни в мае сразу по прибытии из Москвы. Был ли митрополит Арсений в Бухаре? «Я сослан был в Бухару, на три года, а затем в Красноводск» – эту фразу можно понять так, что владыку все-таки доставили в Бухару, а затем отправили к новому месту ссылки. Если и так, то в Бухаре он находился не дольше, чем в Полторацке, то есть, проездом.

В Красноводске в 1924–1925 годах образовалась немалая община ссылных священнослужителей. Владыка пишет о *шести собратях*, поясняя в следующем письме: *нас 7 человек: четыре архиерея и три протоиерея*. С первой половины 1924 года в ссылке в Туркмении – то в Полторацке, то в Красноводске – находились архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк)¹⁷ и его викарий епископ Бузулукский Павел (Гальковский)¹⁸. 4 марта 1925 года архиепископ Анатолий писал в Ленинград Александру Бриллиантову¹⁹, указывая тот же самый адрес, по которому проживал в Красноводске митрополит Арсений:

Адрес мой пока: г. Полторацк, Туркменск. респ., Журавлевская ул., 29, несколько спустя: г. Красноводск, ул. Максима Горького, 3²⁰.

Протоиереи, которых упоминает в письме митрополит Арсений, могли быть из числа тех, кто был осужден в 1924 г. по одному делу с самарскими архиереями. Из них один – протоиерей Иван Колесников²¹ – точно был в Красноводске с начала 1924-го до 1925 года, затем – в Ташкенте; имена других не установлены.

В архиве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

хранится фотография, которая иллюстрирует слова владыки о его красноводских собратях. На этом снимке запечатлены сидящими четыре архиерея – Арсений, Никодим, Анатолий и Павел. Стоят сзади четыре священника: трое из них, видимо – те самые ссылные протоиереи, с которыми проживал владыка Арсений, а четвертый, крайний справа – красноводский священник Александр Щербов²². В одном из изданий эту фотографию датировали 1927 годом, указав место съемки – Турткуль²³. Однако, судя по составу изображенных на фотографии архиереев, она была сделана в Красноводске в 1924-ом или в первой половине 1925 года.

В следующем письме к Кони владыка Арсений, как и обещал, описал свою жизнь в Красноводске.

2. Письмо от 22 марта 1925 года

9/22 м[арта] – 25 г.

Глубоко чтимый Анатолий Феодорович!

Искренне благодарю Вас за письмо и за присланные брошюры. Ваше внимание слишком дорого для меня, пребывающего в невольном преселении (так! – *Е.О.*). Я привык читать Вас еще с ранней юности, лично не ведая Вас. Когда же в годах зрелости познакомился с Вами, во время общих наших служебных занятий, то мое уважение к Вам укрепилось, и я очень был рад, что Вы не отринули меня, относясь ко мне всегда с добрым расположением, которое я всегда ценил и ценю. И Ваше последнее письмо является выражением его. Вседушевно мечтаю, чтобы оно не было последним. Поверьте, что Ваше неизбежное отшествие «в путь всяя Земли»²⁴ будет сопровождаться чувством сиротства для всей мыслящей России, лишившейся того, кто служил ей верою и правдою. Да будет же отодвинут сей жизненный предел еще на многие-многие годы. Вы пишете, что «насытились днями», но «насыщение днями» есть милость Божия, по выражению Псалмопевца (Пс. 90.) и даруется тем, которые заслуживают ее. В сознании сего Вы и можете спокойно ожидать призыва Высшего Судии, чтобы услышать глас Его: «рабе благий и верный... вниди в радость Господа Своего» [Мф. 25:21].

Когда я прочитал о Ваших многочисленных просветительских трудах, при Вашей физической немощи, то и в этом усмотрел благодатную помощь как силу, которая совершается в немощи. И литературными трудами продолжаете Вы заниматься. Как жаль мне, что я не имею возможности познакомиться и с последними тремя томами Вашего «Жизненного пути»²⁵. Благодарю Вас за «С.Ю. Витте»²⁶ и за «И.Я. Голубева»²⁷. Мемуары Ваши мне как-то удалось прочитать частью в Москве, а частью здесь. Несомненно они выдаются среди расплодившейся мемуарной литературы. И я чувствовал, что в ней, осторожно говоря, много субъективизма и желчи, и что они вызовут чей-нибудь отклик. А какую теплотою дышат Ваши воспоминания об И. Я-че²⁸! Хотелось бы мне иметь и упоминаемые Вами воспоминания о М.М. К[овалевско]м²⁹. И его я очень чтил. Лет шесть назад, в бытность мою в Петербурге, я посетил его могилу на Лаврском кладбище и любовался прекрасным бюстом его и надписью. Чередной иеромонах, по моей просьбе, отслужил по нем тут же панихиду. И вообще я усердно прошу Вас не забывать меня, если что-нибудь выйдет из-под Вашего пера.

Наш город – малый, тысяч шесть населения, разноплеменного, разноверного; расположен на южном берегу Каспия; с трех сторон окружен совершенно обнаженными горами; в городе нет почти никакой растительности вследствие отсутствия пресной воды, которая привозится за полтора верста и продается по 7 к[опеек] за ведро; есть и опреснители,

но вода хуже. Климат в общем здоровый. Зимы почти нет; снег выпадает на день-два; самый большой холод до 7% [так в источнике]. Зато лето знойное и жара доходит до 50%. Часто ветры дуют и наносят много песку. Здесь нас было вначале 7 человек: четыре архиепископа и три протоиерея. Теперь один протоиерей освобожден, и нас шестеро. Живем в двух маленьких комнатах настоящей коммуной, вместе молимся, вместе трапезуем от щедрот благодеящих нам, сами по очереди стряпаем. Такое купное житие имеет и свои хорошие стороны, но много и плохих, принимая во внимание наш почтенный возраст, установившиеся привычки, различие характеров и темпераментов. Хуже всего – вынужденное безделье, так как работы никакой не дают... Конечно, это не жизнь, а прозябание; не жизнь, а – житие. За что? Затрудняюсь ответить. Во всяком случае не за мои личные грехи, а – за исторические. Утешаю себя только упованием, что такие испытания будут иметь спасительное значение для тебя и для других.

Пока довольноно.

Да хранит Вас Господь в добром здравии души и тела.
С душевною преданностию помянувший о Вас в молитвах.
М[итрополит] Арсений³⁰.

3. Письмо от 15 апреля 1925 года

2/15 апр[ель]–25 г.

Глубокопочтимый Анатолий
Феодорович, Христос
Воскрес!

Только что отправил Вам благодарственное и поздравительное письмо, как получил Ваше и хочу откликнуться на него хотя несколькими словами, опять – словами благодарности и [слово неразобрано]. Благодарю Вас за любовь, которою проникнуто Ваше любвеобильное сердце к моему недостоинству. Наше совместное служение принесло мне великую пользу в смысле самопознания пред лицом многих достойнейших, к которым иные, даже из нашей братии, в своем «эгоистическом самомнении» относились по меньшей мере подозрительно. Кстати, этот лукавый Б-ч (Буткевич)³¹ отъиде в путь всея земли и потому de mortuis³²... Господь ему Судья!..

Благодарю Вас за addenda³³ к «Самоубийству». С Вашего мысленного разрешения я поделился чтением его с моею братией. Целый вечер мы дискуссировали, и вообще делились по этому вопросу разными воспоминаниями. Право на самоубийство с юридической точки зрения особенно много вызвало прений. В конце концов мы возгласили Вам искреннее благодарение за христианское решение вопроса и спасение погибающей [далее возможно пропущено слово «души»].

Когда получите сии строки, Св. Церковь будет торжествовать основание Своей веры. Еще раз поздравляю Вас как истинно верующего и научающего других вере, как основе нашего счастья и возможной радости здесь на Земле. В свое время, по долгу службы, Вы были блюстителем законности, а теперь являетесь глашатаем внутренней правды и любви, и проповедником веры. Ап. Иаков в своем соборном послании говорит: «обративший грешника от ложного пути его, спасет душу от смерти и покроет множество грехов» ([Иакова]5, 20).

Будьте здоровы и Богом хранимы. Не забывайте меня, а я Вас непрестанно памятую в своих недостойных молитвах.

Душевно преданный
Арсений М[итрополит] Н[овгородский]³⁴.

4. Письмо от 23 апреля 1925 года

10[23]/IV-25.

Глубокоуважаемый
Анатолий Феодорович!

Сегодня имел утешение опять получить дар Вашей души. Не говоря о качествах его, я тронут Вашим вниманием и любовью, какими Вы руководились ко мне, находящемуся в невольном преселении, посылая его. Сердечно благодарю Вас и впредь прошу не забывайте меня.

Эти строки Вы получите, наверно, к Празднику Праздников. Примите мое искреннее «Христос воскрес» с братским целованием. Вседушевно желаю, чтобы радость Праздника озаряла долгие дни жизни Вашей до вечного празднования в невечернем дни [так в источнике] Царствия Божия. Думаю, что Вы получили мое благодарственное письмо от 22 марта. Нечего и говорить, что все присланное Вами я тотчас же «проглотил» с большим услаждением. Неприятно было только видеть последнюю страницу в «Самоубийстве»³⁵ ликвидированною. Неужели эта ликвидация простирается и на Вас?..

Мы теперь уже давно наслаждаемся летом, но еще не жарким. Скоро наступят жары, при одних воспоминаниях о которых бросает в пот. По опыту годичного проживания здесь, знаю, что это за муки. Но человек есть существо все переносящее и ко всему привыкающее.

Будьте здоровы и Господом хранимы.
Душевно преданный и благодарный
А[рсений] М[итрополит] Н[овгородс]кий.

Красноводск.
Ул. Макс[има] Горького, д. № 3³⁶.

5. Письмо от 8 июня 1925 года

26 мая/8 июня 25 г.

Глубокоуважаемый
Анатолий Феодорович!

Искренне благодарю Вас за неоскудевающее внимание ко мне. Получил Ваши прекрасные задушевные «Memorabilia»³⁷ и сразу «проглотил» их, а смакование оставил до следующих разов. За все-все благодарен Вам теперь, а особенно за М.М. К[овалевско]го, которого я очень чтю. Как живой стоит он теперь предо мною, особенно в передаваемом Вами инциденте, который я очень хорошо помню. Лориса[-Меликова]³⁸ не видал и не знал, равно как и других, которых Вы plangete³⁹; но теперь не только узнал, но восчувствовал их духовную красоту и записал их в свой ежедневный memorial⁴⁰. Еще раз благодарю Вас и прошу не оставляйте и впредь меня дорогим своим вниманием.

С душевной преданностью
М[итрополит] Арсений / Стадницкий⁴¹.

Хорошие стороны «купного жития» четырех архиереев с тремя протоиереями в помещении из двух комнат представить непросто. Но следует помнить, что за плечами этих ссылных почтенных священнослужителей были не только просторные покои, сытные трапезы, личные и общественные кабинеты, но также тюрьмы и этапы. Митрополит Арсений провел в Бутырской тюрьме больше года, а

затем проследовал под конвоем в столыпинском вагоне через всю Россию на крайний юг. Нет никаких упоминаний о келейниках, иподиаконах или родственниках, которые сопровождали бы владыку. Может быть, одиноки были и его собратья по ссылке, и потому им самим по очереди приходилось готовить еду и решать другие бытовые проблемы. На это владыка Арсений в письмах к Кони ни разу не жаловался – тяготили его невозможность служить и трудиться. В вынужденном безделье утешали молитвы, созерцание природы, книги, письма, беседы.

О том, что становилось предметом обсуждения ссылных священнослужителей, митрополит Арсений, опасаясь перлюстрации, открыто и подробно не писал. Но по некоторым фразам можно заключить, что и в ссылке он оставался ученым, церковным историком, ум которого занимали проблемы не бытовые, а академические и богословские. За что испытания? Какое значение они имеют? Отвечая на эти историософские и сотериологические вопросы, владыка заключал: *не за мои личные грехи, а за исторические... такие испытания будут иметь спасительное значение для тебя и для других.*

Отзвуки тех же рассуждений и переживаний – в процитированном ранее письме архиепископа Анатолия. Как и митрополит Арсений, он был «из ученого монашества» – профессором академии, церковным историком – таковым, по умонастроению, оставался и в ссылке.

...А что до нас, то мы теперь не столько изучаем древнюю церковную историю, сколько являемся жертвами трагизма новейшей русской церковной истории. Служебная и неслужебная одиссея поставила нас далеко от библиотек и даже от собственного небольшого собрания книг по специальности. Очень любопытно было бы узнать – каково состояние науки древней [ерковной] истории в Европе после войны и какие открытия, капитальные издания и крупные исследования можно там отметить <...> Мы делаем историю, а не пишем ее: 1923 год в нашей церковной истории напомнил нам 449-й. А теперь говорят даже о 8-м вселенском соборе! Все теории акривии и крайней икономии представлены у нас в лицах. Иной раз думаешь – не грозит ли русскому православию печальная участь древней северо-африканской или древне-сирийской церкви, притом от причин не столько внешних, сколько внутренних унаследованных от прежнего периода нашей церковной истории. Будущий поместный собор, если он состоится в ближайшее время, будет очень бурным. Когда утихомирится взволнованное море, когда выйдет из испытания истории наша родная церковь, – ведомо самому Богу, которому и будет молиться Ваш покорный слуга⁴².

Митрополит Арсений также, как и архиепископ Анатолий, в письмах интересовался состоянием науки и академического сообщества, беспокоился о судьбе своего архива и научных исследований, сожалел о том, что лишен возможности пользоваться своей библиотекой. В ответ на такие письма из Ленинграда присылались книги, в которых священнослужители находили и утешение, и пищу для ума, и поводы для обсуждения. Четыре архиерея, очевидно, во многом были единомышленны – красноводскую коммуну владыка Арсений с теплом вспоминал на новом месте ссылки, сожалея о расставании с ней.

(Продолжение в следующем номере)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Савинова И.Д. Дело митрополита Арсения Стадницкого // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 139–144; За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. Биограф. справочник. Кн. 1 (А). М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 607–612; Одинцов М. Высокопреосвященнейший Арсений (Стадницкий), митрополит Ташкентский и Туркестанский // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 109–145.

² За Христа пострадавшие... Кн. 1 (А). С. 611.

³ Никандр (Феноменов, 1872–1933) – в 1924 г. архиепископ на покое, бывший Крутицкий, 1927–1933 – митрополит Ташкентский и Туркестанский.

⁴ Цит. по: Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М.: Изд-во РАГС, 1999. С. 131. (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5263. Оп. 1. Д. 57. Л. 51).

⁵ Изуменья Иулиания (Невакович, в схиме Варвара) – духовная дочь архиепископа Феодора (Поздеевского), в 1920-х гг. – старшая сестра храма Христа-Спасителя в Москве; активно участвовала в помощи арестованным и ссылным священнослужителям, арестована, заключена в Соловецкий концлагерь, после Второй мировой войны эмигрировала в США, где возглавила Свято-Успенскую женскую обитель г. Калистоги (Северная Калифорния), с 1950-х гг. проживала в Нью-Йорке. Скончалась 5 декабря 1972 г., похоронена на Сербском кладбище Сан-Франциско.

⁶ Неточность в воспоминаниях – владыка Никандр тогда еще был архиепископом.

⁷ Сщмч. Никодим (Кротков, 1868–1938) – в 1924 г. архиепископ Симферопольский и Таврический, с 10 июля 1932 г. – архиепископ Костромской и Галичский; скончался в тюремной больнице.

⁸ Иулиания (Невакович), изумения. Из воспоминаний // Русский пастырь. Духовное наследие Зарубежной Руси, 2000. № 37.

⁹ Иннокентий (Тихонов, 1889–1938) – в 1924 г. епископ Ладожский, викарий Петроградской епархии; с 1933 г. епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии; в 1937 г. архиепископ Харьковский, затем архиепископ Винницкий. Местночтимый святой Харьковской епархии; расстрелян.

¹⁰ Цит. по: Зегжда А. Александро-Невское братство. Ярославль: Изд. дом «Новости Мира». 2009. С. 48.

¹¹ Там же. С. 49.

¹² Анатолий Федорович Кони (1844–1927) – юрист, государственный деятель, писатель; в 1918–1920-х гг. – профессор Петроградского университета. Митрополит Арсений много лет находился в переписке с А.Ф. Кони, а в 1921 г. обращался к нему за помощью в составлении и доставке Ленину кассационной жалобы для опротестования приговора по делу о епархиальном совете.

¹³ Письма публикуются с сохранением стилистических и синтаксических особенностей подлинников. Ис-

правления коснулись только случаев употребления отдельных приемов дореволюционной орфографии.

¹⁴ Николай Степанович Таганцев (1843–1923) – юрист, криминолог и государственный деятель, член Государственного совета.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 18–19об. Письмо от 30 января 1925 г.

¹⁶ Возможное объяснение – отсчет срока ссылки от даты приговора – 28 марта 1924 г., а не от даты прибытия в Среднюю Азию. Пример тому – и в письме от 1 октября 1925 года, где митр. Арсений пишет о *1 ½ годичном пребывании* в Красноводске.

¹⁷ Сщмч. Анатолий (Грисюк, 1880–1938), в 1925 г. архиепископ Самарский, с 1932 г. митрополит Одесский; скончался в лагере.

¹⁸ Сщмч. Павел (Гальковский, 1864–1937) – в 1925 г. епископ Бузулукский, викарий Самарской епархии, с 1935 г. митрополит Иваново-Вознесенский; расстрелян.

¹⁹ Александр Иванович Бриллиантов (1867–1933?) – историк церкви, богослов, член-корр РАН, в 1925 г. – главный библиотекарь Государственной публичной библиотеки.

²⁰ Цит. по: Сосуд избранный. История Российских духовных школ. 1882–1932 / Сост., авт. предисл., послесл. и коммент. М. Склярова. СПб: Изд-во «Борей», 1994. С. 332.

²¹ Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 14–15, 164. Кроме протоиерея Ивана Карповича Колесникова в тюрьме с самарскими архиереями в конце 1923 года находились протоиереи Александр Арсентьевич Ключарев, Александр Федорович Бечин и Александр Епифанович Архангельский.

²² Александр Иванович Щербов (1868–1957), протоиерей; с 1923 по 1926 г. – настоятель церкви г. Красноводска. О местах служения о. Александра более подробно расскажем ниже в связи с другим эпизодом из жизни митр. Арсения.

²³ За Христа пострадавшие... С. 610.

²⁴ Предсмертные слова Давида Соломону: *аз отхожду в путь вся земли* (3 Цар. 2, 2).

²⁵ Кони А.Ф. На жизненном пути. В 5-ти томах. Т. 1–2. СПб.: тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912; Т. 3–4. Ревель–Берлин: «Библиофил», 1922–1923; Т. 5. Л.: «Прибой», 1929.

²⁶ Сергей Юльевич Витте (1849–1915) – государственный деятель, председатель Совета министров. Имеется в виду книга: Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания. М.: Право и жизнь, 1925.

²⁷ Иван Яковлевич Голубев (1841–1918) – государственный деятель, статс-секретарь, сенатор, вице-председатель Государственного совета. Имеется в виду: Кони А.Ф. Из недавнего прошлого (Ив. Як. Голубев) // Кони А.Ф. Прошлое и настоящее / Под ред. М.К. Соколовского. Вып. 1. Л. 1924).

²⁸Расшифровать не удалось.

²⁹ *Ковалевский Максим Максимович* (1851–1916) – юрист, ученый, общественный деятель, член 1 Государственной думы и Государственного совета. Имеется в виду книга: *Кони А.Ф.* М.М. Ковалевский в законодательной деятельности. Петроград: Типо-лит. акц. об-ва «Самообразование», 1916.

³⁰ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 21–22об. Письмо от 22 марта 1925 г.

³¹ *Тимофей Иванович Буткевич* (1854–1925), протоиерей, богослов, публицист, профессор Харьковского университета, член Государственного совета. Сокращение «Б-ч» расшифровано самим автором письма, фамилия написана над строкой.

³² *De mortuis [nihil nisi bonum]* (лат.) – О мертвых ничего, кроме хорошего.

³³ *Addenda* (лат.) – дополнения, приложения.

³⁴ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 23–24об. Письмо от 15 апреля 1925 г.

³⁵ *Кони А.Ф.* Самоубийство в законе и жизни. М.: «Право и жизнь», 1923.

³⁶ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 25–25об. Письмо от 23 апреля 1925 г.

³⁷ *Воспоминания* (лат.). Речь идет, скорее всего, о книге воспоминаний А.Ф. Кони «На жизненном пути».

³⁸ *Лорис-Меликов Михаил Таризолович* (1824–1888) – военачальник, министр внутренних дел, член Государственного совета. А.Ф. Кони о нем: «Граф М.Т. Лорис-Меликов» (Голос минувшего. СПб., 1914. № 1. С. 181–202).

³⁹ *Оплакиваете* (лат.).

⁴⁰Здесь: поминание (лат.).

⁴¹ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1072. Л. 26–26об. Письмо от 8 июня 1925 г.

⁴²Цит. по: *Сосуд избранный...* С. 331–333.

Жозеф КАСТАНЬЕ

Басмачи

*Национальное движение коренных народов Средней Азии после революции
(с октября 1917 года по октябрь 1924 года)*

Перевод с французского Анатолия ЦАПЕНКО

ВВЕДЕНИЕ

Этапы развития тюркского национализма в Средней Азии

Средняя Азия, чаще упоминаемая российскими географами под названием «Туркестан» («страна тюрков»), – это огромная территория, простирающаяся от Каспийского моря до Китая и от южных казахских степей до полупустынной линии, которая служит границей между СССР, Персией и Афганистаном.

В пределах этой географической области, столь кратко нами очерченной, большевистская революция создала три советских государства, которые включают в себя старые политические единицы: собственно Туркестан, Бухарское и Хорезмское ханства. Эти государственные образования в процессе трансформации были преобразованы на этнической основе для формирования республик и автономных областей, объединенных в конфедерацию советских социалистических республик Средней Азии.

Население этого региона может составлять от семи до восьми миллионов жителей. Этнический состав этих жителей довольно разнообразный, но они могут быть сведены к двум основным группам: *тюрки*, куда входят узбеки, киргизы, туркмены, кипчаки и каракалпаки; и *иранцы*, к которым относятся таджики, галча¹ и ягнобцы².

Узбеки из всех этих групп являются самыми многочисленными и самыми спокойными. Благодаря своим военным достоинствам, своей дисциплине и храбрости они смогли играть выдающуюся роль в истории Средней Азии. Политическое, а не этническое выражение для обозначения этой группы появляется в течение XIV века при узбекском хане, потомке Джучи (1312–1342). Это имя первоначально служило для обозначения людей его орды, которые кочевали в то время в степях Дешт-и-Кипчак, тогда название Узбекистан было дано стране, которая лежит между нижним течением реки Сырдарья, Аральским морем и Уралом.

Что касается иранской группы, то в процессе тюркизации до недавнего времени она имела только крошечное меньшинство, затерянное среди других этносов мусульман Средней Азии. Советское правительство, выведя их из забвения, решило создать из них советскую политическую единицу.

Колыбель древних цивилизаций, Туркестан видел за череду столетий лавины народов: скифов, массагетов, персов Кира, фаланги Александра, гуннов, арабов, тюрков, монголов, узбеков, русских. На этом перекрестке людских потоков выросли и расцвели древнейшие религии планеты: маздаизм, буддизм, шаманизм, несторианство, ислам и двадцать других философско-религиозных течений, более или менее устойчивых. Несмотря на бесчисленные перипетии, на этой земле процветала очень развитая цивилизация. Мерв, Самарканд, Хива, Бухара, Коканд были, поочередно, центрами крупных государств с независимой политической организацией, ханами и эмирами. В этом отдаленном уголке мира, располагающем несметными богатствами, появились великие государственные деятели: Чингизхан, Тамерлан, Бабур, Надиршах; объединители народов, могущественные монархи, основатели менее известных, но не менее грозных династий: сельджуки, Бограхан, Тогрул (Ванхан), Мелик-шах, Алп-Арслан, Узбекхан, Шейбанихан; люди науки, порой чрезвычайно талантливые: Ибн-Сина (Абу-Али-ал-Хосейн ибн Абдуллах), более известный на Западе как Авиценна, – известный философ и врач, родившийся в 980 году под Бухарой, умерший в Хамадане в 1037 году; такие авторы, как Самани, Газневи, Хафиз Абри, такие любители наук, искусств и прогресса, как Абдуллахан, правитель Улугбек, который сам был ученым, чьи астрономические таблицы поражают своей точностью; историки, летописцы: Аль Бируни из Хорезма (XI век), султан Бабур, автор замечательных воспоминаний, хан Абул Гази из Хорезма, написавший историю этой страны (1643 – 1663), Абдул-Карим Бухари, Мирза Шамс Бухари, Агтар Мулла Аваз Мухаммад, автор истории Кокандского ханства; поэты Дивана-и-Машраб из Намангана и Навои из Хивы³, такие проповедники, как Ахмад Ясави, Саид Ахмад Кассани⁴, Бахауддин Накшбанди, Ходжа Ахрар и так далее. К этим именам следует добавить огромное количество безвестных художников, архитекторов, оформителей, химиков, рисовальщиков, орнаменталистов, резчиков, керамистов и других мастеров, авторов замечательных памятников мусульманской архитектуры Средней Азии, которые на протяжении веков, вплоть до наших дней, вызывают восхищение.

Со своими огромными однообразными и печальными равнинами, плодородными оазисами и пустынями Туркестан – страна грандиозных контрастов. Здесь все поражает воображение до крайности: горы с исполинскими ледниками, длинные и величавые потоки Амударьи и Сырдарьи; быстрые и глубокие реки – Зарафшан, Мургаб, Сох, Чу, которые, напоив своими водами богатые оазисы, теряются в песках. Этой земле свойственна как пышная, так и, порой, скудная растительность, в зависимости от места произрастания; многочисленная фауна, разнообразная флора, очень сухой климат с изнуряюще жаркой погодой летом и холодом зимой, иногда очень сильным. Так мы представляем Туркестан в целом с его частично

кочевым, частично оседлым населением, с его огромными богатствами, все еще не использованными в полной мере, с его залежами угля, меди, серебра, свинца, его месторождениями золота, нефти, драгоценных камней, радиоактивных руд и т.д. Среди его промышленного и сельскохозяйственного секторов – шелководство, выделка шкур, каракулеводство, ковроткачество, керамика, хлопководство, рисоводство и табаководство, выращивание фруктов и лекарственных растений.

Средняя Азия – преимущественно тюркская страна, длительное время находившаяся под иранским влиянием. Борьба между Ираном и Тураном описана в ее древних исторических хрониках. В середине X века турки стали стремиться подорвать власть Ирана; об их первых успехах сообщается в истории Караханидов или Илекхана, который основал первую тюркскую мусульманскую династию в Средней Азии. С этого времени начинается национальное движение по тюркизации иранского элемента. В 992 году Богра-хан из династии Караханидов захватывает Бухару и ускоряет падение иранской династии Саманидов. С этого момента иранская культура [в регионе] начинает исчезать. Персидский язык сохраняется еще какое-то время в большинстве актов ханов, но в конце XIV века Тамерлан решает заменить персидский язык восточно-тюркским, или чагатайским. В этот день родился тюркский национализм; он продолжал существовать и проявляться в разных аспектах, пока пришедшее русское вторжение не остановило этот подъем. Один за другим крупные города Средней Азии переходят в руки русских: Ташкент в 1865 году, Самарканд в 1868-м, Хива в 1873-м, Коканд в 1876-м, Мерв в 1884-м.

Русская администрация изменила политическую организацию коренных народов. Только ханства Хивы и Бухары сохранили видимость независимости, под непосредственным контролем российских властей.

Спустя двадцать лет после ликвидации Кокандского ханства, несмотря на то, что умиротворение страны казалось полным, в Андижане вспыхнуло восстание. 17 мая 1898 года отряд повстанцев, обманув бдительность русских часовых, атаковал ночью русский летний военный лагерь под Андижаном, убив несколько десятков солдат и серьезно ранив еще столько же. После этого, потеряв убитыми и ранеными часть своих сторонников, повстанцы, оставив раненых, отступили. Восставших стали преследовать уцелевшие солдаты и новые войска, срочно отправленные из Андижана. Вождь и организатор восстания Мухаммед-Али халфа, по прозвищу Мадали⁵, был схвачен и предстал перед военным судом, приговорившим его к повешению. Его кишлак Минг-Тепа, приблизительно в двадцати километрах к востоку от Кувы, был разрушен. На его месте вскоре разместилось село переселенцев, которому дали название Русское.

В своей брошюре об этом восстании Сальков⁶ дает некоторые подробности о личности Ишана Мадали и о характере восстания. Согласно этому автору, Мухаммед-Али, называвший себя Мадали Ишан, происходил из бедной семьи, не умел читать и писать и не имел никакого образования. И все же он знал, как установить свою власть среди односельчан. Убежденный патриот, он был способен идти на жертвы. Опечаленный упадком морали и религиозной жизни своих соотечественников,

в чем он винил русских, Мадали задумал организовать ряд восстаний против завоевателей, поднять против них Фергану⁷ и весь Туркестан, чтобы восстановить прежние мусульманские порядки. В этом ему помогли некоторые местные жители, которые в свое время играли определенную роль в прежней администрации кокандских ханов.

В ночь на 17 (29) мая 1898 года во главе отряда численностью от 1500 до 2000 человек, состоявшего в основном из киргизов и кипчаков, Мадали неожиданно напал на русский лагерь близ Андижана. Из 163 спящих русских солдат 22 было убито и 20 ранено; но другие сумели подняться и разогнать нападавших. Ишану удалось скрыться, но вскоре он был схвачен, осужден и повешен. Народное воображение долго отказывалось верить в его смерть.

Вместе с Мадали Ишаном, спровоцировавшим бунт, были приговорены к различным наказаниям также 382 местных жителя. На суде они не упоминали о каких-либо личных обидах, о притеснениях туземцев или о строгости по отношению к ним русской администрации. Сам Ишан признал мягкость правления русских, но обвинял их в способствовании моральному упадку и равнодушию к религии.

«Русские хорошо к нам относятся. Везде растет процветание. Мусульмане становятся богатыми. Но за все это мы платим дорогой ценой, потому что теряется душа мусульманина. Тело наслаждается, а душа гибнет. И вот тогда небесный голос приказал мне действовать, чтобы спасти мусульман от этого предательского процветания, которое является концом правления Мухаммада и его закона».

Среди мятежников, кроме фанатиков, было, несомненно, некоторое количество интриганов, которых к участию в восстании привели материальные соображения; но это были только их личные интересы, и повстанцы этой категории появились лишь среди кипчаков, которые мечтали о возвращении прошлого, потому что время ханов было для них очень выгодным⁸.

Одним из самых известных людей этой группы был фаворит Ишана, некий Мулла-Зиаутдин Магзум – полный сил, несмотря на свои 80 лет, старик, бывший активным участником различных волнений во времена ханов⁹.

Анонимные письма туземцев, которые предупреждали русских об опасности; более поздние доносы двух туземцев, один из которых был из Оша, а другой – из Минг-Тепе, резиденции Ишана; вялое развитие восстания, никак не соответствовавшее планам вождей; легкость, с которой туземцы соглашались выполнять роль палачей во время казни главных повстанцев, – все это подтверждает, что в то время, по крайней мере, в народной массе не было очень глубокой враждебности по отношению к победителям.

Внезапная вспышка в Андижане была быстро ликвидирована и не имела продолжения. Спокойствие в крае воцарилось снова вплоть до Великой войны¹⁰. Прибытие в Туркестан немецких и австрийских военнопленных стало сигналом к новому национальному пробуждению. Контакты военнопленных с местным населением усилили антироссийскую пропаганду. Эти действия, а также мобилизация туземцев на Западный фронт привели к Джизакскому восстанию (14 июля 1916 года).

Восстание в Джизаке и частично в Самаркандской области едва не привело к восстанию во всем Туркестане. Если бы не его жестокое подавление карательными войсками генерала Иванова, на священную войну поднялась бы и Фергана. Это восстания докатилось до Бухары, где я, находясь там в это время, видел прибывших беглецов из Самаркандской области. Центром движения были Джизак и Заамин. Разрушения были огромны, бунт грозен. От Самарканда до Урсатьевской¹¹, где начинается Ферганская ветка железной дороги, все станции были в большей или меньшей степени разрушены. На станциях Обручево и Ломакино остались только сгоревшие стены. Путейцы и станционные служащие, которые не успели бежать, были убиты. Телеграфные столбы были опрокинуты, рельсы сняты, мосты разрушены.

Преследуемые казаками, повстанцы достигли Ферганы по горному хребту, окружающему бассейн реки Зерафшан. Другие бежали в Бухару.

Однако спокойствие было далеко не восстановлено; брожение продолжалось, особенно в Фергане. Русская революция 1917 года только подогрела националистическое движение, особенно после того, как большевики провозгласили право народов России на самоопределение, вплоть до отделения и создания независимого государства.

Национальное движение коренных народов Средней Азии после Октябрьской революции 1917 года и до октября 1924 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Антисоветские организации Туркестана

После Октябрьской революции 1917 года большевистское правительство, желая обеспечить себе поддержку мусульманского населения, решило создать автономную федеративную республику Туркестан¹². Эта мера, которая, казалось, отвечала национальным чаяниям местных жителей, вызвала, однако, недовольство масс. Еще в декабре 1917 года контрреволюционное движение вспыхнуло в Чарджоу на Амударье. Казачьи отряды, возвращавшиеся из Хивы и Персии под предводительством полковника Зайцева, свергли большевистскую власть и при поддержке туземцев создали временное правительство автономного Туркестана.

Сигнал был дан: Туркестан, который до этого времени отличался относительным спокойствием, день ото дня все больше волновался. Российское контрреволюционное движение, поддерживаемое местными отрядами *басмачей*, будоражило умы. Вначале это были группы преступников, которых российское Временное правительство «подарило» обществу своей грандиозной амнистией¹³. В конце 1917 года самые смелые из них – Иргаш, Мадаминбек и некоторые другие – сумели объединиться в Фергане, Коканде, Маргилане, Андижане в отряды из тридцати, шестидесяти и ста человек. Эти отряды жили разбоем и грабежом. Топографиче-

ские условия Ферганы делали разбой легким делом. Спрятавшись за песчаными дюнами, в камышах или в горах, эти разбойники чувствовали себя в безопасности. Большевистский государственный переворот, разрушивший административный организм власти, привел к усилению басмачей, действия которых изо дня в день становились все более угрожающими.

Хотя и преследуя разные цели, басмачи и русские контрреволюционеры иногда объединяются для борьбы с большевистским правительством. Это обстоятельство позволяет рассматривать антисоветское движение Туркестана в двух разных аспектах: с одной стороны – как антибольшевистское белое движение, состоявшее из русских, под командованием офицеров бывшей царской армии; с другой стороны – как местное национальное движение, состоявшее из мусульман, которыми командовали вожди басмачей или бывшие офицеры коренных национальностей.

Очень трудно провести грань между этими двумя движениями, которые гармонично взаимодействовали, но не смешивались. Эти две силы, действующие иногда совместно, иногда отдельно, имеют свою организацию, своих сторонников и своих лидеров. Мы постараемся рассмотреть здесь участие каждого в борьбе, которая на протяжении почти семи лет идет в Средней Азии, сея хаос и разрушение.

После создания двух правительств в Чарджоу – одного русского, другого – из коренных народов, казачьи отряды, стремящиеся вернуться в свои дома, лишили власти второе [правительство] и двинулись в Самарканд, свергая по мере своего продвижения вдоль Закаспийской железной дороги советскую власть. Прибытие большевистского отряда Колузаева¹⁴ и дезертирство казаков привели к укреплению большевистского режима в Самарканде. Разоруженные казаки смогли продолжить свой путь в Ташкент, где в то время было много антисоветских элементов.

В то же время в Коканде открылся четвертый мусульманский региональный съезд, который должен был способствовать созданию Временного автономного правительства Коканда и Туркестана (10 декабря 1917 года). Это правительство состояло почти исключительно из мусульман, избранных среди интеллигенции коренных национальностей. Учреждение местного самоуправления быстро распространилось по всему Туркестану. В Ташкенте царило воодушевление; его разделяло и небошевистское население, как русское, так и мусульманское. 13 декабря 1917 года, в день празднования автономии, объявленной в Коканде, состоялись демонстрации. Это привело к столкновениям между Красной Армией¹⁵ и демонстрантами. Коалиционное правительство большевиков и левых эсеров разгромило автономистское движение Ташкента, и затем все его усилия были направлены на Коканд. Оно должно было любой ценой уничтожить эту автономию, вокруг которой вскоре будут сгруппированы русские элементы, недовольные советским режимом. Новое Временное правительство Коканда, лишенное денег, без боеприпасов и солдат, не могло оказать сопротивления. Оно располагало лишь отрядами басмачей, которые, если их должным образом контролировать, могли бы отчасти защитить его, но их было необходимо прежде дисциплинировать и вдохновить идеей, которая была для них чуждой. Это составляло большую, но не непреодолимую трудность. Правительство Коканда, которому угрожали большевики, начало

переговоры с басмачами. Обращаясь к национальным чувствам каждого из них, Временное правительство Коканда пригласило их на службу и сформировало ядро национальной армии. Был восстановлен титул *курбаши*¹⁶, ранее использовавшийся при ханах, и им стали именоваться главные вожди басмачей.

Иргаш одним из первых отозвался на этот призыв; разбойник с большой дороги, когда-то осужденный на каторгу, он сумел создать грозный отряд из профессиональных преступников и местных крестьян, которых подталкивал к тому голод и экономический крах страны. В этих обстоятельствах сила, которой он стал обладать, сделала его востребованным. Он был назначен курбаши (командиром) Коканда, его отряд слился с зарождающейся национальной армией, которая тогда только создавалась.

Примеру Иргаша последовали другие вожди басмачей, в частности Хамдан из села Багдад (станция Серово¹⁷), Исламкул, Мадаминбек, Холходжа и другие.

Так возникли те повстанческие организации, которые носят общее название *басмачество*. Его вожди, бывшие прежде бандитами, теперь действовали во имя народа и боролись за защиту национальных интересов. Именно так коренное население понимало это, когда, забыв о прежних провинностях басмачей, видело в них только освободителей. Теперь они выступали как герои, борющиеся за великое дело. Басмачи вскоре стали *моджахедами*, то есть героями, ведущими священную войну – *джихад*. С того момента местные жители, служащие Советам, покидают свои посты и присоединяются к басмачам; в 1921 году к мятежникам перешли зампреда Туркестанского исполкома Джанузаков и влиятельный член Народного суда Мулла Садриддинхан.

(а) Внутренняя организация басмачества

Басмачи имели независимую военную организацию. У каждого командира отряда и курбаши были свой штаб, свои инструкторы, своя кавалерия, свои винтовки, свои боеприпасы. Организация была хорошей, однако вооружение – негодным. Орудия были разных систем, ощущалась и нехватка боеприпасов: недоставало, а то и совсем не было пулеметов и орудий. Самые влиятельные курбаши разделили между собой территорию Ферганы следующим образом:

1. Район влияния Иргаша: от Коканда до Маргилана и Учкургана;
2. Район влияния Мадаминбека: Маргилан-Скобелевский район, Кува, Асака;
3. Район Курбаши Хамдана: Андархан, Ходжент, Исфара и до нефтяных скважин «Санто»¹⁸;
4. Район Холходжи: между Андижаном и Наманганом;
5. Район Исламкула: от Намангана до Кара-Куля на Сырдарье;
6. Район Ишмата Байбача курбаши: от Коканда до Бешарыка и Каратегина.

У каждого курбаши были назначенные им курбаши-заместители, их число варьировалось в зависимости от значимости отряда, которым он командовал. Каждый из этих помощников был ответственным за определенный регион – один

или несколько кишлаков. Они больше не грабили жителей, но собирали налоги, в основном с самых состоятельных; они также принимали жертвоприношения натурой для нужд отряда; они по заявлениям выдавали разрешения на проезд по своей территории неместных, за исключением большевиков. Русские рабочие и инженеры, отвечающие за ирригационные работы, пользовались в районе, занятом басмачами, полной безопасностью. В статье, опубликованной в берлинской газете «Руль» (от 13 февраля 1923 года), доктор Росс утверждал, что легче было получить разрешение на ирригационные и другие работы от вождей коренного населения – басмачей, чем от советских властей. Курбаши назначили себя местными чиновниками, руководителями поселков и кишлаков, кази и т.д., поскольку советская власть почти не была признана, за исключением городов, расположенных вдоль железнодорожных путей.

Единства, которое могло бы быть силой басмачей, не существовало; каждый курбаши действовал по своему усмотрению, что было только на руку большевикам. Враждебность между вождями вскоре переросла в борьбу, вследствие чего они были один за другим побеждены армией Советов.

После падения Кокандского автономного правительства группы басмачей рассеялись, и в первые месяцы советизации большевики не были обеспокоены¹⁹. Однако вскоре курбаши, воспользовавшись экономическим кризисом и политическими ошибками Советской власти, снова взяли за оружие. Сотрудничество большевиков с армянской организацией Дашнакцутюн по умиротворению страны усилило недовольство коренных мусульманских масс. Группы басмачей увеличивались, и к концу лета 1918 года вожди басмачей сосредоточили свои силы в горах Алая²⁰. Там они организовали фронт, целью которого было изолировать Памир от Коканда. Вождями движения стали Иргаш, Мадаминбек и Джанибек. Вскоре большевистскому правительству пришлось держать там для борьбы с ними целую армию.

Иргаш, поступки которого обросли легендами, даже направил ташкентским большевикам объявление войны. Этот курбаши стал настолько популярен по всей Фергане, что ему приписывали качества, которых у него не было. Его слава достигла и Ташкента, где его подвиги передавались из уст в уста. На первом Съезде бойцов Красной Армии, состоявшемся в Ташкенте 2 декабря 1919 года, председатель Центрального исполнительного комитета Туркестана Вотинцев²¹ заявил, что курбаши Иргаш провозгласил себя Ферганским ханом, а его авторитет растет изо дня в день. Насилие и поборы, чинимые Красной Армией в отношении местного населения и необходимые для борьбы с басмачами, лишь укрепляли популярность этого нового хана, славе которого угрожало только соперничество других курбаши.

Как бы то ни было, конституция Кокандской автономии, хотя и недолго существовавшей, сыграла значительную роль в традиционной жизни и представлениях народов Ферганы. Моральный эффект был огромен; результатом стало пробуждение национального чувства, доселе здесь неизвестного.

Тот факт, что могло быть сформировано местное национальное правительство,

произвел значительное впечатление; он показал, с одной стороны, слабость советского правительства и, с другой стороны, возможность жить самостоятельно. Более того, коренное население, которое ранее считало курбаши главарями разбойничьих банд, начало менять свое отношение. Подвиги Иргаша, Мадаминбека и других курбаши подняли их престиж, поскольку они сражаются с большевиками, врагами традиционного порядка. Постепенно население, неспособное отличить большевика от небольшевика или беспартийного, стало считать пребывание любого неместного нежелательным. Курбаши превращаются в национальных героев, борцов за счастье местных жителей, за защиту собственности, семьи, дома, своих прав, за торжество обещанной автономии.

(в) Представители коренных народов в организациях белогвардейцев

Еще не был окончательно погашен пожар в Коканде (с 30 января по 6 февраля 1918 года), как большевистские войска двинулись в Бухару. Без всякого повода²², кроме жажды наживы, и без объявления войны 10 марта 1918 года Красная Армия вторглась на территорию Бухарского ханства и захватила Зиадин, а 12 марта заняла и разграбила Кермине. В ужасе жители бежали в Бухару. Комиссар Колесов, глава большевистского правительства Ташкента, отправил ультиматум эмиру, призывая его передать власть младобухарцам, друзьям большевиков. Получив отказ, Колесов сосредоточил войска на станции Каган, примерно в десяти километрах от Бухары. Боевые столкновения не принесли успеха ни одной из сторон, но превосходящие численностью бухарские войска атаковали воинские части в Кагане, после чего Колесов, поняв бесперспективность дальнейшей борьбы, принял решение отступить.

Поход большевиков на столицу ханства привел к росту антирусских настроений бухарского населения, которое начало убивать всех русских, живущих на территории Бухарского ханства. Железнодорожная линия от Бухары до Термеза была отрезана, туннели перекрыты, рельсы засыпаны песком. Опасаясь взрыва религиозного фанатизма, который мог бы привести к всеобщему восстанию Туркестана, Колесов поспешил подписать мир с Бухарой в Кызыл-Тепе 24 марта 1918 года²³.

Результатом этих событий стало оживление антибольшевистских организаций, состоявших из русского населения в Туркестане. В Ашхабаде, Хиве, Бухаре, Самарканде, Коканде, Андижане, Скобелеве, Аулие-Ате, Верном и др. стали создаваться их ячейки.

Во главе этих русских организаций стоял бывший комендант Петрограда генерал Джунковский²⁴, которого московская «Правда» (от 10 ноября 1922 года) обвиняет в том, что он заключил соглашение с британским правительством на следующих условиях²⁵:

1. Английское правительство обязалось оказывать поддержку в борьбе с большевиками оружием, деньгами, техническими средствами и, в случае необходимости, людьми;

2. После падения Советской власти Туркестан должен был стать автономной республикой под исключительным влиянием Англии.

Кроме того, было якобы дано устное обещание о том, что лидеры антисоветской организации позволят передать Туркестан под английский протекторат сроком на пятьдесят пять лет («Правда», 5 июня 1923 года).

Англичане передали на нужды организации первый взнос в сто миллионов рублей, а также шестнадцать горных орудий, сорок пулеметов и достаточное количество винтовок для вооружения партизан.

Благодаря этой поддержке ташкентская антибольшевистская организация вступила в переговоры с некоторыми влиятельными выходцами из Ташкента и через них – с вождями басмачей: Иргашем, Ишматом и некоторыми другими. Переговоры, в которых, согласно московской «Правде» (от 10 ноября 1922 года), принимал участие английский представитель, состоялись в сентябре 1918 года. Они основывались на следующих условиях:

1. Иргаш и Ишмат со своими курбаши поступают на службу в антибольшевистскую организацию Ташкента. Они будут командовать собственными бойцами, но следовать инструкциям, данным ташкентской организацией, которая делегирует им ряд офицеров и инструкторов;

2. Организация отвечает за снабжение отрядов;

3. Представители британского правительства отвечают за предоставление денег, оружия и боеприпасов для антибольшевистской организации (10 ноября 1922 года).

Как только соглашение было достигнуто, полковник Зайцев был отправлен в Фергану в качестве полевого инструктора генерал-майора белой армии. Была создана служба связи между г-ном Эссертоном, британским консулом в Кашгаре, и полковником Зайцевым. И, чтобы лучше обеспечить связь, города Ош и Андижан были окружены.

В это же время в Фергану прибыл казачий есаул Юдин из армии Дутова. Дутов послал его с целью представить проект договора об образовании восточной конфедерации, к которой принадлежали оренбургские казаки. От имени мусульманского населения Ферганы и Сырдарьи этот договор подписали влиятельные бошкурбаши, ишаны и курбаши. Затем его отправили к эмиру Бухары с просьбой о помощи. Эмир принял этот договор и пообещал поддержать контрреволюционное движение при условии, что ему будет предоставлена гарантия от любого вторжения Красной Армии в его пределы.

Однако этот план не успел реализоваться, так как события в Ашхабаде отвлекли поддержку тех, кто вел переговоры с организацией Ташкента, в Закаспийский регион.

25 июня 1918 года девять большевистских комиссаров Ашхабада были расстреляны; Советская власть пала, было сформировано временное демократическое правительство. Чтобы защитить свои границы, оно вступило в союз с мусульманскими племенами теке и туркоман²⁶, которые объявили себя врагами большевиков, и совместно организовали армию национальной обороны.

Временное правительство Ашхабада, лишенное собственных сил, испытывающее недостаток в людях и деньгах, не могло защитить свою столицу, которой угрожали большевистские войска. Тогда оно обратилось к англичанам. 19 августа 1918 года в Мешхеде был подписан договор с генералом Маллессоном, командовавшим английской базой в Персии, и наступление возобновилось. Англо-индийские войска присоединились к мусульманским отрядам Закаспия, и контингент русских антисоветских сил был спасен. Большевики были отброшены к Чарджоу и потеряли все железнодорожные станции на Закаспийской линии²⁷.

Однако этот провал вскоре будет отомщен. Большевики возобновили наступление и добрались до Ашхабада, который они захватили весной 1919 года. Продолжая свое победоносное наступление, большевики идут дальше к Кызыл-Арвату, занимают его и появляются в Джебеле под Красноводском, на берегу Каспийского моря. Этот порт, имеющий большое стратегическое значение, был оккупирован англичанами (отрядом подполковника Флемминга) в конце 1917 года. После провозглашения власти Временного правительства Ашхабада некий Кун был отправлен туда в качестве комиссара. Облеченный, благодаря покровительству англичан, диктаторской властью, он не пользовался расположением населения, состоящего в основном из портовых рабочих и железнодорожников. Что касается коренного населения, не менее враждебного к диктатору, то оно было передано под контроль молодого хана Йомудского, который в то время занимал пост заместителя главы Красноводского района.

Но человеком, который имел наибольшее влияние на местное туркменское население и, в частности, на йомудов, был старый хан Йомудский, бывший полковник русской армии. Вскоре между Куном, диктатором и полковником ханом Йомудским началось соперничество, которое заставило Куна принять ответные меры против йомудов в этом районе, особенно на острове Челекене. После взятия Джебела большевики подошли к Красноводску, из которого только что были эвакуированы англичане (август 1919 года). Хан Йомудский, который в этом деле сыграл определенную роль, видя, что его надежды обмануты, отступил в Персию; за ним последовали некоторые его сторонники.

Пока в Закаспии происходили эти события, активизировалась подпольная организация полковника Зайцева в Ташкенте. Агитаторов даже послали в киргизские аулы, чтобы настроить их против большевиков. Чтобы лучше подготовиться к восстанию, в октябре 1918 года в армию Дутова в Оренбургскую область был отправлен поручик Папенгут. Вскоре связь между ними была налажена, но большевик Колузаев, командовавший гарнизоном Ташкента²⁸, узнав об этом, разоружил сомнительные элементы, а ЧК, удвоив слежку, узнало о существовании заговора. Большинство членов антисоветской организации и все, кто был с ней связан, были арестованы и расстреляны. Этого не избежали и иностранные подданные из стран Антанты, находящиеся в Ташкенте. В сентябре был выписан ордер на мой арест. Предупрежденный накануне, я успел бежать. Британский полковник Бейли и французский офицер связи Кэпдевилль последовали моему примеру. В то же время отряды Красной Армии получили приказ занять перевалы в горах, отделяющих

Фергану от Сырдарьинской области, чтобы изолировать басмачей от контрреволюционных элементов Ташкента.

Обеспокоенные отсутствием известий из Ташкента, антибольшевистские силы Ферганы делегировали в этот город полковников Зайцева и Корнилова – брата генерала, известного своей борьбой против большевиков²⁹, и есаула Юдина. Их целью было выяснить обстановку. С огромным трудом они достигли Ташкента, где узнали о событиях, сорвавших их планы. В приговоре, вынесенном полковнику Корнилову после его ареста и опубликованном в русской парижской газете «Общее дело» (от 18 июня 1921 года), приводятся некоторые подробности того, как была организована эта антибольшевистская организация.

Как следует из обвинительного заключения, целью подпольной ташкентской организации было свержение путем государственного переворота, с помощью британского капитала, советской власти в Туркестане. Кроме того, организация якобы собиралась передать Туркестан английским империалистам. Для достижения этой цели указанная организация поддерживала контакты с руководителями басмачей. При поддержке внушительной мусульманской массы страны она надеялась захватить полностью власть, а затем передать ее представителям коренного населения³⁰.

Среди главных членов подпольной организации, упомянутых в обвинительном заключении, помимо русских – Корнилова, Назарова³¹, Арсеньева, – фигурируют имена представителей местного населения: Молла Даулет Ахматов, Абдулла Каххар Ишмухамедов; все эти лица были в контакте, с одной стороны, с вождями басмачей Иргашем и Ишматом и с англичанами – с другой.

Разгром главной антисоветской организации в Ташкенте не помешал преобразоваться отдельным ее ячейкам. Военный комиссар Осипов, с помощью некоторых членов подпольной организации, избежал кары ЧК и поднял в ночь с 17 на 18 января 1919 года³² восстание. Большинство народных комиссаров были арестованы и расстреляны. Так погибли председатель Центрального исполнительного комитета Советов Туркестанской республики Вотинцев, члены советского правительства Финкельштейн, Шумилов, Пашко и т.д. Те, кого пощадили, были в большей или в меньшей степени вовлечены в заговор; в частности Успенский³³ был обнаружен в казармах, в которых начался мятеж, что впоследствии заставило большевиков его заподозрить и стало одной из причин его последующего осуждения. Оправившись, большевики перешли в наступление. Спустя три дня мятеж был подавлен, Осипов бежал из города с несколькими соратниками, сохранившими ему верность. Восстание провалилось, но оно показало возможность сотрудничества коренных жителей края и с Красной Армией, и с русскими контрреволюционерами.

Антибольшевистское движение, разгромленное в Ташкенте, возобновилось в Фергане, где успели организовать басмачи. Там борьба продолжалась в течение 1918–1919 годов. Железнодорожная линия от Намангана до Андижана, длиной около 90 километров, была полностью разрушена. Согласно докладу в «Известиях» от 18 октября 1923 года, все металлические детали, болты, накладки и скобы были вырваны вместе со шпалами; станции, дома, все здания были подожжены,

телеграф разрушен, провода унесены. Горный ландшафт позволял басмачам постоянно нападать на гарнизоны Красной Армии, разбросанные по этой обширной области. Одиночные гарнизоны на дороге из Оша на Памир и Алай были уничтожены. Конвой со снабжением грабили и переходили в руки басмачей. Многие красноармейцы попали под пули ферганских повстанцев в холодных безлюдных ущельях Памира.

(с) Роль басмачей в событиях на Памире и в Джалал-Абаде

Революционная волна Октября не достигала Памира до лета 1918 года. В то время командующим памирскими войсками был полковник Фенин. Изолированный от остального мира, не имея никакой помощи от кого-либо, он покинул свой пост и добрался до Индии; последовала отставка некоторых его сторонников. «Новый Восток» (№ 3) сообщает о проходе отряда Фенина к Пуне в Индии, где он якобы поступил на службу к англичанам во время англо-афганской войны 1919 года. Согласно другой версии – из устного источника, упомянутый отряд был отправлен англичанами в Сибирь в распоряжение колчаковской армии.

В любом случае оккупация Памира Красной Армией привела к перегруппировке сил. Большевики назначили новых командиров, в том числе австрийцев – врача Вичича, бывшего военнопленного, и Воловика, а также русского Колмакова, бывшего писаря фенинского отряда.

От русского Памира революционная волна докатилась до Бухарского Памира³⁴, Рушана и Шугнана. Настроенные большевиками и при их поддержке, мятежные туземцы изгнали бухарских чиновников и беков и организовали революционные комитеты, как в России. Но новая власть не пользовалась поддержкой басмачей.

В апреле 1919 года отряды басмачей из Ферганы атаковали посты Ранг-Куль, Памир и Кызыл-Рабат на восточном Памире. Окруженные гарнизоны были вынуждены сдать. Все арестованные были расстреляны за исключением двух австрийцев, Воловика и Вичича. Что касается Колмакова, то в ходе инспекционной проверки патрулем венгров он был уличен в сотрудничестве с белогвардейцами и 23 июля 1919 года убит на пути к Памирскому посту. Его политические функции были возложены на Воловика. Последний вместе с врачом Вичичем продолжал обеспечивать дисциплину гарнизона без формального возложения на него таких обязанностей.

Между тем, в сентябре 1919 года в Джалал-Абаде в Фергане было создано крестьянское правительство. Оно состояло из представителей русских поселенцев в Джалалабадской области под председательством генерала Монстрова³⁵, но в то же время было связано с национальным правительством коренного населения, возглавляемым курбаши Мадаминбеком. Оказавшиеся в трудном положении, все офицеры русских гарнизонов региона перешли на сторону этого белого правительства, а также примкнули к отряду чехов. Воловик и Вичич, опасаясь за себя, бежали; они пытались добраться до Ташкента через восточную Бухару, но были арестованы чехами и отправлены в Иркештам³⁶ для суда.

Прибывший в октябре 1919 года полковник Тимофеев, которого белое правительство назначило командиром памирских постов, собирался обосноваться в Хороге. Под его командованием, в качестве начальника поста в Кызыл-Рабате, находился молодой ташкентский офицер по фамилии Васильев. Белый гарнизон Памира насчитывал всего 120 человек, 70 из которых были чехи, венгры, турки, немцы; остальные – русские или местные жители.

Белое правительство Джалал-Абада не смогло долго продержаться среди населения, которое, хотя и не было враждебным по отношению к нему, однако не поддерживало его. Под натиском большевиков в марте 1920 года белое правительство пало. Эта победа большевиков имела свои последствия и для Памира. Командир Ташкурганского поста Вилгорский ушел в Китай, где, согласно большевистским источникам, распродал свое имущество китайским властям за семь пудов серебра. Затем он ушел в Кашгар, чтобы посвятить себя торговле.

В это же время курбаши Джанибек, который был союзником белогвардейцев, решил действовать самостоятельно. Он захотел захватить власть. Для этого он окружил белый отряд Юнга, который был вынужден сдаться, и вскоре после этого всех их расстрелял.

Узнав о судьбе своих соратников, полковники Тимофеев и Мостовенко, капитан Зайцев, лейтенант Васильев и их семьи пересекли индийскую границу. Будучи хорошо приняты мехтаром Читрала³⁷, они сдали ему оружие и были отправлены внутрь страны. Вскоре они должны были встретиться с другой группой российских офицеров, которые раньше, после разгрома большевиками белых в Закаспийской области, отправились в Афганистан. В их числе были русские и местные офицеры из Ферганы или Бухары. Среди тех, чьи имена нам известны, следует упомянуть М.М. Мельникова, Грачёва, Еникеева, Струсовского, Степурского и др.

После ухода белых австрийские командиры Вичич и Воловик, вернувшиеся в Хорог после короткого задержания в Иркештаме, бежали в Афганистан. Вскоре они были отозваны на Памир местными революционерами и вновь заняли свои посты. В их распоряжении было несколько десятков коренных жителей и пять русских, сторонников Советов.

В последние дни ноября 1920 года на Памире появился отряд, направленный большевистским правительством, и большевики наконец завладели им. С этого момента началась советизация Памира. Впервые население Памира увидело, как один из их сограждан прибыл в качестве комиссара; это был некий Шохтемур³⁸, который раньше служил переводчиком в российской администрации Ташкента. Его роль впоследствии оказалась важной, и его деятельность была отмечена большевиками. На съезде таджикских революционных комитетов на Памире, состоявшемся в феврале 1922 года, Шохтемур был назначен председателем Центрального комитета. Этот комитет состоял из пяти таджиков. Месяц спустя был созван очередной съезд революционных комитетов Восточного Памира. Их, как правило, состоящих из киргизских кочевников, было трудно сформировать: непрекращающиеся атаки басмаческих банд были сильным препятствием для советизации Памира.

(d) Деятельность басмачей в Фергане и Бухаре

В то время, когда большевики, взбираясь по склонам Памира, установили красный флаг на «Крыше мира», басмачи кружили вокруг них, возобновляя наступление. Сообщалось об их вторжениях в крупные центры Ферганы и даже в пригороды Коканда. Перед тем как уйти, эти банды уничтожали склады товаров, жгли хлопковые фабрики, грабили на шахтах Шураба, нефтяных скважинах Чимиона и совершали другие подобные преступления.

В Маргилане басмачи, прятаясь в городе, в рыночные дни неожиданно нападали на посты милиции, разоружали милиционеров, грабили государственные магазины и уходили с награбленным. Центр снабжения Джалал-Абада, окруженный басмачами, был разграблен, некоторые советские чиновники убиты. Русское население деревень укрывалось в городах, крестьяне бросали свои поля из страха перед басмачами. Фергана, когда-то столь богатая, столкнулась с тем, что ее поля пустеют, ее ирригационные каналы, источник плодородия, приходят в негодность. Наблюдалось тревожное падение урожая хлопка; один за другим закрывались заводы; шахты, оставленные шахтерами, больше не эксплуатировались, а оборудование на них было частично разрушено повстанцами. Начались массовые аресты в городах и поселках, за ними следовали репрессии.

Раздраженное население вливалось в ряды басмачей. Все более обеспокоенное этим, советское правительство искало способ договориться с вождями повстанцев. Вскоре было заключено соглашение с Мадаминбеком, а после этого с Иргашем. Советская делегация была послана в Скобелев, где связалась с Мадамином, чтобы договориться о мире. Иргаш, в свою очередь, отправился в Ташкент, чтобы договориться относительно находящихся в его подчинении отрядов.

Мир между двумя сторонами был недолгим. Иргаш в сопровождении своих людей вернулся в горы, недовольный приемом, который ему оказало большевистское правительство. Басмачи возобновили наступление. Их активность была особенно интенсивной в течение 1921 года; она распространилась на всю Фергану и через Самаркандскую область охватила восточную часть Бухары, включая горные бекства Гиссар и Байсун. В советской прессе неоднократно отмечалось разрушительное влияние деятельности повстанцев-басмачей на экономическое положение страны. Московские газеты «Известия», «Правда» (от 12 и 26 октября 1921 года соответственно) выражали надежду на скорейшую ликвидацию повстанческого движения. О сдаче некоторых вождей басмачей было даже объявлено как в Фергане, так и в Самаркандской области. Абду-Кадыр Хан, один из самых влиятельных курбаши, чья группа действовала в регионе Ура-Тюбе, как сообщалось, решил на переговоры с Советами; по сообщениям газет, Мухитдинбек и некоторые другие лидеры сложили оружие.

Но спокойствие было далеко не восстановлено. Вскоре появляются новые лидеры, отряды переформируются, и партизанская война с использованием обновленных армий повстанцев начинается в районах Намангана, Андижана, Коканда, Маргилана, Ходжента, Джизака, Ура-Тюбе, Заamina. Из Ферганы, где за-

рождались движение, борьба распространилась на бассейн Зерафшана, на высокогорные долины Самаркандской области и на окрестности Пенджикента и Ургута. Продолжилась медленная война, без славы и пользы для Красной Армии, разрушительная для Советов и страны. Скрывающиеся в своих горах партизанские отряды басмачей продолжают вторгаться в окрестности крупных центров, где действует советская администрация. Помощь, оказываемая басмачам населением из равнинных районов, делает их неуязвимыми. Их появление, как сообщает газета «Правда» (от 10 марта 1922 года), сопровождается паникой: останавливают работу интернаты, школы закрываются, государственная администрация прекращает работать, попытки большевиков реквизировать продовольствие у коренного сельского населения встречают отказ.

Видя тщетность своей борьбы, большевики начинают переговоры на равных с теми, кого они называют «бандитами». Они даже принимают условия, выставленные басмачами: восстановление местных судов, правосудие которых основано на шариате и авторитете кази в правовых вопросах. Вакуфы³⁹ были возвращены прежним владельцам, свобода торговли восстановлена, и представителям местного населения было предложено сотрудничать с властью, но при условии, что басмачи сложат оружие.

Эти меры привели к сближению басмачей и большевиков. Советское правительство даже приняло на службу басмачей, которые прекратили борьбу с советской властью, и разрешило им держать под ружьем от тридцати до сорока джигитов. Таким образом, некоторые известные курбаши: Мадаминбек, Рахманкул, Мухитдинбек – перешли на службу к Советам. «Правда» (от 26 августа 1923 года) оценила число басмачей, которые в первые месяцы 1922 года сдались большевикам, в 4000 человек. В то же время около 50 курбаши, захваченных большевиками, были расстреляны. В их числе были два повстанческих лидера из Самарканда, на которых М. Чокаев ссылался в парижской газете «Последние новости»⁴⁰ (от 30 августа 1924 года): Бахрамбек и Кари Камил, последний был учителем в Самарканде. Головы казненных были продемонстрированы большевиками в Ташкенте в сентябре 1922 года на одной из сессий региональной конференции Коммунистической партии⁴¹.

Благодаря политике приспособления к ситуации и гибкости, прибегая порою к мягкости и хитрости, а иногда к насилию и террору, большевики добились заметных результатов. Переговоры с другим лидером повстанцев – курбаши Алаяром принесли двухмесячное перемирие. Условия мира были согласованы, но переговоры затянулись. Большевики воспользовались этим, чтобы вести активную пропаганду в туземных кишлаках, которые до этих пор не признавали их власти. Коммунистические и военные организации Ферганы приложили все возможные усилия, чтобы завоевать доверие местного населения. Людей постарались убедить, что экономика быстро восстановится, если они решат сотрудничать с советской властью. Умиротворение Ферганы, казалось, идет полным ходом, однако прибытие в регион Энвера-паши дало национальному движению новый импульс. Чтобы полностью понять суть диверсии, проведенной Энвером, необходимо вернуться

немного назад и в двух словах обрисовать ситуацию, сложившуюся в Бухаре после внезапного нападения большевиков, о котором мы уже говорили выше.

Заклучив мир с эмиром Бухары, большевики не отказались от планов ее завоевания. 2 сентября 1920 года, за несколько дней до моего отъезда из Туркестана во Францию, в Ташкент прибыло известие о захвате Бухары младобухарцами при содействии Красной Армии⁴². Эмир Бухары Сеид Мир Мухаммед Алим-хан, успевший покинуть свою резиденцию, укрылся в восточной Бухаре, чтобы организовать сопротивление. Бывшие сановники Бухары – министры, влиятельные муллы, которым не удалось убежать, были арестованы и расстреляны. Постепенно начал образовываться новый фронт повстанцев- басмачей.

Эмир Сеид Алим-хан, сопровождаемый небольшим количеством сторонников, смог, покинув Бухару, добраться до горного района Гиссар. Бухарское население каратегинцев, туркменские племена равнин и таджики гор присоединились к движению, и началась партизанская война.

Повстанцы по приказу Фазилоуддина, Ибрагимбека и ряда других бухарских националистических лидеров поддержали войну против большевистских войск. Однако под давлением регулярной армии бухарцам пришлось покинуть вилайеты Карши, Гузар, Шахрисабз, чтобы отойти в более недоступные районы Байсуна, Душанбе, Файзабада. Уже 20 февраля 1921 года московская «Правда» объявила, что эмир, видя, что его территория становится все более и более ограниченной, весной должен будет достичь неприступных гор или покинуть территорию Бухары. 10 марта 1921 года эмир Бухары, а затем и несколько тысяч его сторонников ушли в Афганистан. Разоруженный, он отправился в Кабул и поселился в десяти километрах от столицы в месте под названием Галла-и-Фату со своими сторонниками. По требованию российской стороны окружение эмира Сеида Алим-хана было сокращено до трехсот человек, которые сформировали его личную охрану.

Действия большевистских войск во время боевых действий были настолько безжалостными, что мусульманское население восстало. Организовав отряды басмачей, бухарские националисты атаковали советские войска и заставили покинуть оккупированный ими горный район. Затем, присоединившись к повстанцам Ферганы и Самаркандской области, они вступили в беспощадную борьбу против большевиков.

Из своего наблюдательного пункта в Афганистане эмир Бухары с интересом следил за тем, что происходило за Амударьей, в его бывших владениях. Он надеялся вернуться на свой трон и сильно полагался на недовольство людей, вызванное новым режимом. Десятки, сотни агентов свергнутого эмира агитировали среди бухарцев против джадидов⁴³, то есть младобухарцев, и, соответственно, против большевиков.

Чтобы укрепить свою популярность, басмачи, объявившие борьбу за независимость бухарского народа, дали понять населению, что будут отменены налоги. Но что касается возвращения эмира, о чем часто спрашивали, то вопрос этот пока еще считался несвоевременным. Таким образом, движение, не имея реакционного характера, было направлено на освобождение страны.

Тем временем Красная Армия покинула захваченные ею города восточной Бухары: Куляб, Бальджуан, Файзабад, Кафарниган, оставив охрану этих городов на своего рода местное ополчение, очень маленькое. Но когда Красная Армия отступила, появились басмачи, вновь захватили города и нанесли ответный удар по представителям революционной власти.

В сентябре 1921 года под властью бухарских басмачей оказалась территория от Байсуна до афганской границы и на юго-востоке вдоль Пянджа; на востоке – до границ вилайята Гиссар и реки Вахш. Именно на территории Гиссара и к востоку от него, в вилайяте Гарма, был самый сильный очаг басмачества. Этот регион населен *локайцами*, во главе которых стоял один из самых популярных вождей басмачей по имени Даулетман-бей.

Племена локай и матча сохранили свои патриархальные и феодальные нравы. Ими всегда управляли могущественные беки при поддержке мусульманского духовенства. Они постоянно находились под гнетом, но случалось так, что некоторые люди, более стремящиеся к свободе, чем другие, покидали эти места и промышляли бандитизмом. Эмир, благодаря поддержке царских войск, умирал эти буйные племена. Он назначал беков, которые жили за счет местного населения, взимая налоги для своего хозяина. Разоренные таким образом крестьяне иногда восставали, убивали деспотичного бека и, чтобы избежать наказания, уходили в горы, становясь басмачами, то есть разбойниками.

Живя насилием, эти группы, до революции незначительные, после революционных событий стали очень опасны. Под предводительством националистических лидеров эти банды бухарских горцев, пополнившиеся антисоветскими элементами, приобрели весьма внушительный политический характер.

Во главе этих отрядов басмачей, которые теперь выступали в защиту нарушенных прав бухарцев, были курбаши, действующие заодно с руководителями басмачей из Ферганы. Один из них, по имени Ишан-Султан, действовал в вилайяте Гарм. Большевики, желая вступить в переговоры с этими повстанцами, направили к ним бывшего турецкого офицера, которого они использовали в качестве инструктора. Отправившись к мятежникам почти в одиночку, он обратился к ним с речью, в которой подчеркнул роль Советской России в борьбе против английского империализма за освобождение мусульман. Он призвал повстанцев прекратить борьбу против Советов, которая, по его словам, была выгодна только эмиру и поддерживавшим его англичанам.

Большевистский агент был настолько эмоционален в своей речи, обращенной к Ишан-Султану, что тот даже прослезился. «Турок прослезился, басмачи прослезились» («Новый Восток», № 3). Чтобы продемонстрировать свою лояльность, Ишан-Султан приказал бойцам сложить оружие и вручить его посланнику Советов. Было отдано сразу триста винтовок. Турок объявил сдавшим оружие басмачам, что он назначает Ишан-Султана председателем Революционного комитета Гарма.

Это событие, впрочем, не предотвратило осложнений, возникавших в других местах. Небольшие отряды басмачей курбаши Джабара начали проникать в запад-

ную Бухару. Их появление сопровождали грабежи, захват оружия, лошадей и насилие над представителями советской власти. Вскоре их численность увеличилась за счет бывших солдат эмира, бухарских крестьян и повстанческих сил Мухитдина Магзума из партии младобухарцев, бывшей врагом эмира. В вилайятах центральной Бухары формируются и другие повстанческие группы. В «Известиях» от 10 ноября 1921 года сообщалось, что в районе Байсуна правительственные войска нанесли тяжелый урон отряду Мухитдина Магзума, объединившемуся с отрядами Джабара, и что связь с Душанбе восстановлена.

Именно в этот момент партия младобухарцев, которая составляла декоративный фасад правительства Бухары, порвав с большевиками, бежала. Усманходжа, председатель Центрального исполнительного комитета Бухары, Али Ризабек, министр внутренних дел Бухарской республики, Хасанбек, военный комендант Термеза, Ходжа Самибей и несколько других деятелей присоединились к повстанцам.

Обеспокоенное складывающейся ситуацией правительство в Москве попыталось уладить ситуацию с помощью переговоров. И послало для этого человека, которому советская власть доверяла, – Энвера-пашу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

І. Эпопея Энвера-паши. Его роль в Средней Азии. Его смерть

Энвер-паша – одна из самых любопытных фигур среди тех, кто в Средней Азии пытался бороться с властью Советов за национальное дело восточно-тюркских народов и, возможно, также за панисламское дело. Офицер турецкой армии, он заявил о себе уже в 1908 году. Будучи членом комитета «Единение и прогресс», он руководил переворотом, который сверг султана Абдул-Хамида.

После итало-турецкой войны Энвер переехал в Германию, где в качестве военного атташе Турции обратил на себя внимание немецкого генерального штаба. После Балканской войны он вернулся в Турцию и пытался при поддержке Германии вернуть себе потерянную власть.

10 января 1913 года Энвер-бей с группой преданных ему военных заняли Блистательную Порту⁴⁴ и ворвались к военному министру Назыму-паше, который был убит. Затем Энвер возглавил армию и поддержал андрианопольских болгар в их войне с сербами. Комитет «Единение и прогресс», который получил от Германии поддержку в деньгах и боеприпасах, встал на его сторону во время Великой войны. Энвер-бей вместе с Талаат-беем и Джемаль-пашой являлся одним из самых активных членов комитета «Единение и прогресс».

Вскоре он получил титул паши, женился на одной из дочерей султана и стал таким образом *зятем халифа*. Этот титул, еще более усиливший его величие в глазах мусульман, стал апогеем его славы.

Поражение Турции, ознаменовавшее конец Великой войны (с 1914 по 1918 годы), стало и его собственным поражением. Опасаясь за свою жизнь, Энвер бежал в Германию.

Энвер-паша не участвовал в турецком освободительном движении Кемаль-паши. Его амбиции не допускали, чтобы командовал не он, а кто-то другой, поэтому он начал против Кемаль-паши тайную кампанию. Сблизившись с большевиками⁴⁵, Энвер стал одним из самых верных их друзей. Именно в этом качестве он был отправлен в Туркестан для выполнения особо важной миссии. Но своих новых «союзников» Энвер предал без всяких колебаний. Его предательство может показаться удивительным, если не знать подробностей, проливающих новый свет на методы восточной политики Москвы. Русские газеты, в частности «Голос России», пишут, что Энвер-паша был сильно обманут большевиками⁴⁶, которые пообещали оказать ему безоговорочную помощь.

Подписав с Мустафой Кемаль-пашой соглашение о сотрудничестве и взаимной поддержке, большевики решили воспользоваться этим договором, чтобы разжечь революционные настроения среди народов Востока. Материальная помощь, которую они оказали Анкаре в ее борьбе против Греции, завоевала у мусульманского населения Турции симпатии к большевикам. Но Мустафа Кемаль-паша и его правительство, принимая помощь Москвы и поддерживая дружественные отношения с Советами, тем не менее, действовали с большой строгостью по отношению к турецким большевикам. Они не допустили никакой большевистской пропаганды в Анталии. Вот почему в Москве были им недовольны. Но когда большевики обнаружили, что положение Кемаль-паши в Турции укрепилось и что авантюры Энвера не имеют шансов на успех, они решили пожертвовать своим протекже, воспользовавшись, как предлогом, его неудачными действиями. Поэтому они согласились прекратить всю пропаганду и приказали Энверу распустить «советское правительство», которое он сформировал в Аджарии и с помощью которого надеялся вернуться в Турцию. В то же время правительства Армении и Грузии заставили Энвера покинуть Кавказ. После этого он возвратился в Москву⁴⁷. В красной столице Энвер-паша снова был полон новыми проектами и щедро раздавал советским лидерам обещания. Те, в свою очередь, хотели использовать его влияние для оказания давления на российских мусульман, сохранявшим враждебность по отношению к большевикам.

Всемогущий в ту пору господин Карахан⁴⁸ предоставил в его распоряжение в Москве целый особняк, реквизированный для нужд Наркомата иностранных дел. Энвер жил там за счет Советского правительства, ожидая момента, когда он сможет осуществить планы, возникшие у него после неудачи на Кавказе.

Бакинский конгресс⁴⁹, прошедший в 1920 году, переполнил чашу терпения Энвера и усилил его разногласия с большевиками. После того, как Зиновьев⁵⁰ отказался предоставить ему слово на конгрессе, Энвер, полный негодования, вернулся в Москву и только и думал о мести. Вскоре он решил, что для реализации его замыслов наступил благоприятный момент. Его план, поначалу очень скромный, заключался в том, чтобы создать небольшую монархию в любой части Средней Азии, которая затем могла бы расширяться. Индия, писал он в то время, слишком труднодоступна; у Афганистана уже есть лидер, который мечтает о великой мусульманской империи. Осталась только восточная Бухара, пребывающая в анар-

хии и ожидающая прибытия вождя. Говорят, что в случае успеха он надеялся распространить свое влияние на весь русский Туркестан (западный) и Туркестан китайский (восточный), а затем двинуться на Индию.

В Кашгарской области, которая образует китайскую провинцию Синьцзянь, проживает тюркское население, связанное культурными и деловыми отношениями с ферганскими узбеками. Страдая от деспотического правления, кашгарцы часто делали попытки избавиться от китайского ига. Репрессии, которые всегда за этим следовали, заставляли их еще тяжелее ощущать это ярмо; после русской революции там оживились сепаратистские движения. Советская пропаганда, действующая по всему региону через мусульманских эмиссаров из Ташкента, угрожала Западному Китаю тюркским сепаратизмом. При умелых действиях и малейшем толчке извне Синьцзянь не преминула бы присоединиться к Союзу советских республик⁵¹.

По-прежнему существуют, хотя и в более долгосрочной перспективе, возможности объединения к югу от Амударьи с территорией, которая образует афганский Туркестан, населенный в основном тюрками (узбеками или туркменами), связанными со своими северными соседями гораздо теснее, чем это кажется; государственная граница между ними порой довольно условная и культурных различий меньше, чем с жителями юга Афганистана – доминирующим этносом страны.

Все эти народы, объединенные общим языком, религией и исторической памятью, казалось, только ждали лидера, чтобы объединиться. И Энвер поспешил начать действовать.

Для понимания эпопеи Энвера-паши нужно представить себе обстановку, в которой он сформировался. Турок по происхождению, он не забыл о корнях своих предков. Наступление большевизма заставило его надеяться на скорое освобождение тюрко-татарских стран, которые были присоединены к Москве силой оружия. Обещанная автономия, вплоть до независимости, наполнила радостью сердца народов Средней Азии, чуждых большевистским идеям по языку, религии, укладу и обычаям. Для Энвера независимость означала свободу от иностранного влияния. Московские лидеры, показывая карту Советской Федерации с линией границ, разделяющей каждое автономное государство, доходчиво объяснили Энверу произошедшую трансформацию, но когда он сам захотел на месте выяснить существование этих государств, он нашел только простые административные единицы с целой армией русских чиновников, чуждых ее населению.

Пережив очередное разочарование, Энвер не стал надолго откладывать свою месть.

8 ноября 1921 года Энвер-паша прибыл в Бухару, чтобы связаться с новым советским правительством⁵². 11 ноября ранним утром он якобы отправился на охоту в сопровождении трех людей из своего ближайшего окружения. Вскоре после этого все с удивлением узнали, что Энвер упорхнул, чтобы присоединиться к басмачам. За несколько дней до этого он предупредил их о своем прибытии письмом, адресованным бывшему назиру⁵³ Хасану из вилайята Шерабад⁵⁴. Бывший полковник турецкой армии Хасан знал Энвера. В сопровождении небольшого эскорта из

шестидесяти человек он отправился на встречу с ним в место под названием Джиликуль⁵⁵, где должна была пройти их беседа. Сразу же после этого Энвер связался с бывшим эмиром Бухары, бежавшим в Афганистан Абдул-Сеид Мир Алим-ханом. Тот назначает его главой всех отрядов басмачей Бухары, и Энвер отправляет послов в Хиву, Самарканд и Фергану, чтобы связаться с басмачами в этих районах. В своем обращении он писал о необходимости объединения и формирования Союза всех мусульман Средней Азии для создания великого мусульманского государства.

19 мая 1922 года Энвер направил в Москву через Председателя Совета народных комиссаров Азербайджана Н. Нариманова следующий ультиматум:

Господин Народный комиссар Нариманов,

Прошу передать Совету народных комиссаров и Центральному Исполнительному Комитету России настоящую резолюцию, сформулированную Верховным Советом Народов Хивы, Бухары и Туркестана.

По моему настоянию Совет воздерживался от объявления войны Российской Советской Республике до тех пор, пока не будет получен ответ Центрального Исполнительного Комитета России и Совета народных комиссаров. С другой стороны, он поручил мне передать вам непоколебимую волю народов Бухары, Туркестана и Хивы жить свободно и независимо. Эта независимость должна быть признана Советской Россией.

Совет предлагает правительству Российской Советской Республики, иностранная армия которой (Красная Армия) в настоящее время находится на территории Хивы, Бухары и Туркестана, в течение двух недель отозвать ее в Россию. Административные органы Российской Советской Республики в этих странах также должны быть упразднены в течение того же периода.

Политзаключенные и заложники освобождаются после получения этой резолюции Советом народных комиссаров.

Верховный Совет народов Хивы, Бухары и Туркестана просит вас, Комиссар, проинформировать Военного комиссара Троцкого и Верховного главнокомандующего советскими войсками Каменева⁵⁶ о том, что для предотвращения кровопролития между отрядами мусульманской народной армии и Красной Армии необходимо немедленно эвакуировать последнюю в Россию.

Чувства глубокой симпатии к русскому народу, которые воодушевляют Верховный Совет народов Хивы, Бухары и Туркестана, заставляют воздерживаться от любых актов враждебности ради освобождения мусульманских стран, привыкших с незапамятных времен уважать порядок и законность и сегодня подвергающихся режиму насилия, привнесенному извне демагогическими и коммунистическими элементами.

Если российское советское правительство не сочтет нужным уважать волю мусульманских народов, которые находятся под гнетом комиссаров-самозванцев и взялись за оружие, чтобы освободить свою территорию от иностранной власти Москвы, я должен предупредить вас, господин Комиссар, что через две недели после объявления этой декларации Верховного Совета я приступлю к активным действиям.

Я возвращаю вам мандат, выданный мне Центральным Исполнительным Комитетом России 11 апреля 1922 года.

Верховный главнокомандующий армиями Бухары, Хивы и Туркестана
Энвер-паша⁵⁷

Считая себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов власти Советов, поддержанный мусульманским населением территорий, захваченных его сторонниками, Энвер объявил себя эмиром Туркестана. Ему помогал штаб офицеров и со-

ратников, которые раньше были его подчиненными и сотрудниками в Константинополе. Оружие и боеприпасы, средства и солдат в изобилии поставляли ему среднеазиатские националисты. Некоторые племена, особенно локайцы, предоставили ему помощь. Его престиж после первого поражения красных был таков, что он угрожает правительству Москвы пантуранским движением. На печати, которой он скреплял свои официальные документы, были выгравированы слова: «*Главкомандующий всеми силами Ислама, зять Халифа и представитель Пророка*».

Благодаря своему авторитету и своей власти Энвер смог поднять большую часть Бухары. Он начал с одновременного направления своих атак на два разных пункта: на Байсун и Керки, где укрепилась Красная Армия. Все его усилия были направлены на захват этих двух пунктов.

Ситуация складывалась для Энвера довольно благоприятно. Восстание охватило Туркестан от одного конца до другого. В Фергане, в Самаркандской области, в Бухаре, в Туркмении и даже в оазисе Хивы хорошо организованные банды басмачей преследовали Красную Армию. Хорезмских басмачей в это время возглавил лидер повстанцев Джунаид-хан, бывший диктатор при режиме хивинского хана.

Энвер, понимая, что он не может многого изменить в сложившейся ситуации, задумал создание национальной армии, под единым командованием, в которую влились бы отряды басмачей. Но если Энвер был известен бухарским интеллектуалам, которые учились в Константинополе, то для народных масс он был чужаком. Это объясняет то, почему вожди басмачей, боявшиеся потерять свое влияние, оказали ему прохладный прием. Они ценили его военные и организаторские способности и не сомневались в его стратегических талантах; однако он плохо понимал то, что выходило за рамки его планов. В панисламистской идеологии, которой он руководствовался, он остался одинок. Он не мог объединить мусульманские массы, чуждые этому великому движению религиозного объединения. Кроме духовенства и некоторых интеллектуалов, никто не желал следовать за ним по пути панисламизма для создания мусульманской державы. Торговцы и крестьяне, рабочие и интеллигенция ограничили свои планы созданием регионального и национального государства в рамках бухарского государства; они представляли его в окружении независимых государств, объединенных, большей частью, в среднеазиатскую конфедерацию, но без какого-либо иностранного влияния. Именно для достижения этой цели басмачи использовали Энвера в своих интересах прежде, чем он успел использовать басмачей в своих. За эту идею борются националисты Средней Азии и по сей день⁵⁸.

Основные намерения Энвера ясны из его программы. Судя по краткому изложению «Правды» от 5 августа 1923 года, они таковы:

Цель наших усилий по работе с мусульманскими народами – освободить их от империалистического ига; проводить в странах ислама и востока политику, которая привлекла бы к нам большинство населения; объединить эти страны через демократические организации, которые будут опираться на большинство⁵⁹.

Но возможность создания в центре Средней Азии великой тюркской империи, во главе которой оказался бы Энвер-паша, новый Тамерлан, встревожила Москву,

которая, понимая опасность, поспешно направила в Туркестан подкрепление. Этот обширный план также обеспокоил правительство Анкары, которое опасалось того, что во главе освободительного движения Туркестана будет находиться политик масштаба Энвера, чья слава станет постоянной угрозой престижу Турции в странах мусульманского мира.

Достаточно интересное мнение об Энвере высказал Джемаль-паша за несколько дней до своего отъезда из Москвы в Тифлис, где он скончался. Если верить «Известиям» (от 28 июня 1922 года), Джемаль-паша открещивался от авантюры Энвера:

Борьба, предпринятая Энвером-пашой, является прорывом единого фронта мусульманского мира. Английский империализм, несомненно, этим воспользуется. Если мусульманские массы хотят получить свободу, они должны оставаться едиными и так противостоять английской колониальной политике... Опять же, я заявляю, что самый большой враг мусульманского мира, возможно, единственный – это английский империализм...

Мусульманский мир глубоко убежден, что только Советское правительство может принести ему независимость. Но необходимо, чтобы Советское правительство учитывало то преимущество, которое ему дает дружба мусульманского мира, и удовлетворяло тех, кто живет в Советской Федерации... Я был рад узнать, что такие меры уже предусмотрены, чтобы удовлетворить чаяния мусульман Хивы, Бухары и Туркестана.

На вопрос, есть ли отношения между ним и Кемалем-пашой, Джемаль ответил утвердительно, добавив:

«Долгое время нас связывала братская дружба. Мы постоянно находимся в переписке».

Однако, несмотря на это дезавуирование, представляется, что Энвер-паша, Джемаль-паша и некоторые турецкие деятели хотели создать в Средней Азии зародыш империи, вокруг которого впоследствии бы сгруппировались персидский Азербайджан, Кавказ и Турция. Смерть Энвера-паши и убийство Джемалья-паши в Тифлисе помешали осуществлению этого плана.

Не менее суровым является суждение об Энвере, опубликованное турецкой газетой «Тезель» из Трабзона, (от 15 июля 1922 года). Под заголовком «Чума мусульманского мира» упомянутая газета посвящает большую статью деятельности Энвера в Туркестане. Она пишет:

Энвер-паша был причиной потери Османской империей Палестины. Война закончилась, Энвер бежал в Россию и оттуда в Туркестан, где он ввязывается в новые авантюры. Это кичливое и кровожадное чудовище ищет в Туркестане послушных лошадей, чтобы тащить его триумфальную колесницу, и людей, покорных кнуту. Для него интересы Турции и ислама не имеют значения. Он преследует только свои собственные интересы. Ситуация очень болезненная. Странам ислама и особенно Турции нужен мир, чтобы выйти из плачевного положения, в котором они оказались. Энвер уничтожил Турцию. Кровавая бойня, которая продолжается прямо сейчас, – это не что иное, как наследство Энвера. У нас была эта «чума», и поэтому мы закрыли перед ней наши двери. Как должно быть жалко мусульманские народы, попавшие в его когти; он использует их, чтобы играть и тешить за их счет свои амбиции; он жертвует ими ради своих глупых планов. Сейчас не время религиозным авантюрам. Сегодня это соперничество между Востоком и Западом. Восток предпринима-

ет сверхчеловеческие усилия, чтобы освободиться от западного ига. Тот, кто разделяет силы Востока и распыляет их, будет считаться величайшим преступником в мире. Это относится к Энверу. Охотьтесь у себя на это чудовище. Его руки и губы отравлены, его сердце – зловонный склеп. Все люди, которые любят свободу, независимость, должны изгнать этого кровожадного человека, этого амбициозного монстра.

Эти высказывания привлекли внимание Энвера; чтобы смягчить беспокойство Анкары, он направил письмо главе турецкой миссии в Кабуле. В нем он указывает на недовольство дехкан (бухарских крестьян) советской властью и пишет о возможности воспользоваться этой ситуацией:

Теперь я вижу, что пришло время освободить эти страны; большевики не выполнили своих обещаний, население начало восставать. Прибыв в Бухару, я понял, что если большевики останутся в Восточной Бухаре, они уничтожат любое чувство, любое стремление жителей к освобождению.
(«Правда», 5 июля 1923 года).

В свою очередь, советская пресса распространяет нападки и обвинения против Энвера. Комментируя его действия, «Известия» (от 28 июня 1922 года) задаются вопросом:

Какими силами Энвер-паша намерен победить Республику Советов в Средней Азии? Басмачами (повстанцами) Ферганы и Восточной Бухары!

Петерс, бывший глава ЧК в Туркестане⁶⁰, автор статьи, дает обзор организации групп басмачей, «которые в течение более четырех лет продолжают превращать Фергану, самую богатую область Туркестана, в пустыню». Он пишет:

Под предводительством отпетых бандитов, уголовников Куршермата, Мухитдина, Рахманкула и других подобных эти банды поставили страну в крайне критическое экономическое положение.

Что касается басмачей Восточной Бухары, то они ничем не отличаются от ферганских басмачей, кроме того, что они более фанатичны и подчиняются приказам бывших чиновников свергнутого эмира.

Во главе этих группировок, которым было дано название «мусульманская армия», председательствует Энвер-паша, тот самый, который поставил перед собой задачу свергнуть советскую власть в Хиве, Бухаре и Туркестане.

Москву беспокоит не авантюра этого «генерала», каких немало уже «погребено под обломками истории», а мнение мусульман Востока и Турции в частности:

Турецкий народ отверг авантюриста Энвера, который вовлек его в кровавую империалистическую войну. Не найдя больше себе места в Турции, он отправился искать славы среди басмачей Ферганы и Бухары. Но и здесь скоро ему не будет места. Раскол уже проявляется среди соратников Энвера-паши. Энвер вынужден был разделить власть с четырьмя лидерами бандитов. Его авантюры подходят к концу.

Эти утверждения были хорошо обоснованы. После первого своего успеха Энвер продвинулся со своими басмачами в направлении Душанбе. Красная Армия,

опасаясь быть окруженной, отошла в Байсун. Энвер все еще продолжал движение вперед, но Красная Армия, возобновляя наступление, контратаковала его в районе Байсуна и заставила отступить. Энвер обратился к Ибрагим-беку, бывшему офицеру бухарской армии, но тот, ревнуя к успеху Энвера, отказывается идти ему на помощь, как он проинформирует об этом эмира письмом («Новый Восток», № 2). Чтобы прикрыть фланги, Энвер вынужден был распылить часть своих сил.

Локайцы и матчинцы являются наиболее воинственными племенами в этой горной части Бухары. По приказу Тугай-сары локайские повстанцы выступили против дружественно настроенных к Энверу отрядов племен под предводительством Даулетман-бека, который пользовался большой популярностью в Восточной Бухаре и представлял эмира вместе с Энвером. В письме от 15 июля 1922 года, адресованном важной персоне, имя которой не указано, но которая является не кем иным, как эмиром Бухары, Энвер-паша указывает на трудности, которые ему сопутствуют:

15 июля 1922 года.
Дорогой брат!

Битва против русских развивается в наших интересах. На самом деле Локаи к востоку от Вахша очень сильны. Атакованные в Кулябе локайцы были разбиты, а отряды таджиков, кара-киргизов, туркмен под командованием Даулетман-бей-Датха очистили территорию от вражеских банд и разоружили население. Однако я получил письмо от Ибрагим-бека, в котором он выражает желание приехать ко мне, но ситуация в Бальджуане не позволяет ему сделать это. Ясно, что Ибрагим организовал эту атаку и послал подкрепление главному лидеру Тугай-сари. Теперь я уверен, что Ибрагим-бек никогда не придет ко мне в Байсун и что он также помешает прибытию войска. Вот почему я должен как можно скорее покончить с этими локайцами и других злодеями. Поэтому, пожалуйста, пришлите мне 500 человек с несколькими пулеметами. Я буду действовать таким же образом с другим губернатором провинции Гиссар, но вы должны как можно скорее отправить мне все это, дорогой брат, и тогда я смогу помешать Ибрагиму пойти против Даулетмана-бея. Пришлите мне, пожалуйста, патроны и винтовки. Надеюсь, что русские скоро перестанут быть препятствием для меня.

Ваш Энвер.
(«Новый Восток», № 2, 1923, с. 285).

Через несколько дней во втором письме, направленном эмиру Бухары в Афганистан, Энвер сообщает ему о враждебности Ибрагим-бека и рассказывает о политической ситуации:

19 июля 1922 года

Глубокоуважаемый брат Гази!

Сегодня Ободжа-Лахафи получил ваше письмо; он узнал, что вы в добром здравии, и был этому рад. Шавала рассказал вам о наступлении на локайцев в Кулябе, где отряд Ашур-Токчаба убил шестерых. Затем ко мне обратился Ашур-Токчаба и вместе с киргизами и туркменами перешел в наступление против этих бандитов. По дороге они встретили Даулетман-бея, и объединение состоялось. Локайцы бежали через Вахш в направлении

Гиссара. Разрушение моста Даулетман-беем позволило взять пленных, которые были немедленно разоружены...

Ибрагим-бек изменил тактику, чтобы обмануть вас. Он хочет собрать вокруг себя всех тех, кто наиболее известен, и изолировать меня. С одной стороны, он демонстрирует верность вам, с другой – организует восстание в Кулябе. Как все догадываются, Ибрагим-бек не безопасный человек, а Мирахур-бачи – честный человек. Каждый раз он склонен жертвовать своими интересами ради вашего величества. Вот почему я бы попросил вас избежать этих недоразумений. От всего сердца желаю вам крепкого здоровья. Остаюсь с уважением ваш брат Энвер.

(«Новый Восток», № 2, 1923, с. 285).

Под давлением Красной Армии, которая теперь действует совместно с отрядами Ибрагим-бека, враждебными Энверу, они вышли из района Байсуна, вновь занятого большевиками. Специальная комиссия из Бухары созывает конгресс освобожденных от басмачей жителей (5 марта 1922 года) в Байсуне для создания советской администрации в регионе.

В то время как борьба велась в Центральной и Восточной Бухаре, союзники Энвера действовали на севере под руководством муллы Абдул Кахара и даже в столице Бухары. 7 июля 1922 года было совершено нападение на главу Советского правительства Бухары Файзуллу Ходжаева. Исполнитель был арестован; он признался в принадлежности к контрреволюционной организации, в которой состоял собственный брат эмира Тура-Гузар.

Это не помешало Красной Армии продолжать победоносное наступление. Советская пресса в июле («Известия» от 12, 13, 15 и 18 июля 1922 года) объявила о череде побед. Сражение у Гиждувана под стенами Бухары, взятие Нураты, повторное занятие городов Центральной и Восточной Бухары, преследование отрядов Энвера, взятие Юрчи, Денау, Душанбе, Курган-Тюбе, Куляба и 19 июля – Бальджувана.

Племя локайцев обеспечивало кадрами армию басмачей, которую возглавлял Ибрагим-бек. После уничтожения его отряда движение басмачей оказалось сломленным. Локайцы выбрали других вождей, которые заключили мир с Советами и обязались выплатить налог в натуральной форме: продукты питания, корм, более 1000 голов скота (1922).

Однако остатки разбитых банд басмачей отступили в район Бальджувана и к востоку от Кафирнигана. Преследование этих групп, отложенное на некоторое время, было возобновлено.

Видя, что он окружен, Энвер разделил свой отряд на три группы: первые две перешли линию фронта и бежали в Восточную Бухару; третья, в которой находился сам Энвер, не смогла избежать разгрома. 4 августа 1922 года Энвер-паша, Даулетман-бей и их последние сподвижники попали под пули Красной Армии.

Тело Энвера в английском костюме, в турецких сапогах и шляпе нашли с пятью пулями. В его карманах были обнаружены его печать, письма к жене и сыну в Берлин, некоторые английские газеты из Индии и зашифрованная переписка. Сомнений относительно его смерти больше не оставалось, особенно после показаний пленных басмачей. Энвер был похоронен в том месте, где был убит, в двенадцати километрах от Бальджувана.

(«Правда», 11 октября 1922 года)

II. Политическая ситуация после смерти Энвера-паши

(а) Кабульская конференция

Смерть Энвера-паши и разгром басмачей в Восточной Бухаре не положили конец борьбе. Лидеры повстанцев, преследуемые Красной Армией, перебрались в Афганистан, где они надеялись восстановить свои силы, чтобы возобновить сопротивление. Вскоре они встретились в Кабуле и в августе 1922 года провели конференцию с участием некоторых турецких офицеров, бывших соратников Энвера. Целью конференции была подготовка плана военных действий на весну 1923 года. Она должна была рассмотреть следующие четыре проблемы:

1. Перегруппировка сил басмачей с последующим рассредоточением;
2. Создание программы, разработанной на идеологической основе, вокруг которой могут быть объединены все мусульманские антисоветские силы;
3. Разработка единого плана действий;
4. Распределение функций между всеми партизанами, на основе общего плана.

В дополнение к этим резолюциям «Правда» (от 5 июня 1923 года) сообщает о двух других, которые указывают на договор, существовавший между эмиром Бухарским и англичанами:

1. Англия обязуется поставлять оружие;
2. Усман-Ходжа и Кари-эфенди остаются в Афганистане, чтобы служить связующим звеном между англичанами и басмачами.

Этот договор также существовал вроде бы и в Персии, где агент эмира Мамед-Тати-бек якобы достиг тайного соглашения с английским агентом в Мешхеде.

Конференция приняла решение о создании руководящего центра, который, из соображений безопасности, должен был находиться за пределами российского Туркестана и Бухары, предпочтительно в афганском Туркестане. На места будут отправлены агенты.

Лейтенант Энвера – Селим-бей, которого называют Селим-паша, был отправлен в Бухару.

В то же время в Фергане появились прокламации, подписанные пятью курбаши. Они призывали к общему объединению в борьбе с большевизмом.

Не теряя ни минуты, Селим-паша принялся объединять и организовывать отряды повстанцев; с этой целью он издал прокламацию ко всем мусульманам в России, обязав их сражаться под знаменем ислама ради освобождения Туркестана, Хивы, Бухары и Закавказья от коммунистического ига. В реализации своих идей Селим-паша использует и репрессивные меры против уклоняющихся от борьбы. Он казнил, как об этом будет рассказано ниже, видного вождя басмачей Ишан-Султана, который выразил желание обособиться.

Как мы видели, Энвер-паша, несмотря на свои организаторские таланты, не знал, как сгруппировать силы басмачей. Из-за этого, в свою очередь, не удалось составить общий план действий; каждый курбаши думал только о том, как захва-

тить какой-либо район, чтобы объявить себя там беком и управлять им по старинке. Помимо этих планов, лидеры повстанцев не считали себя связанными какими-либо обязательствами. Кроме того, постоянная смена занятых районов ставила басмачей в положение, которое всегда было критическим, как с точки зрения снабжения, так и состава отрядов. С другой стороны, они очень завидовали друг другу и не желали терпеть ни малейших посягательств на свои права или свою независимость.

За несколько дней до своей гибели Энвер писал эмиру Бухары:

Мусульмане спорят между собой, что может только радовать русских. Ибрагим-бек придумал новый способ обмануть тебя; он хочет собрать вокруг себя всех известных лидеров и уйти.

С одной стороны, он посылает свидетельство о своей верности, с другой – организует восстание в Кулябе; это означает, что мы не можем рассчитывать на него.

В другом письме Энвер жаловался на то, что курбаши Абдуррахман-бек пообещал послать 3000 человек, вооруженных палками, и те, прибыв сюда, начали грабить население, а затем, дезорганизовав армию, разбежались.

(b) Последние проявления восточно-тюркского национализма

Как уже было сказано, после смерти Энвера-паши вождь повстанцев Ишан-Султан вместе со своими соратниками покинул Дарваз, чтобы спокойно подготовить новую экспедицию против советской власти; прибытие групп отступающих басмачей под командованием неизвестных курбаши нарушило его планы. Одна за другой эти прибывающие группы обосновывались в бывшем бекстве Бальджуван в труднодоступных местах. Повстанческая армия надеялась восстановить силы зимой, чтобы в начале весны возобновить действия против Красной Армии.

Недовольство Ишан-Султана только усилилось, когда он узнал о прибытии Селима-паши, который претендовал быть преемником Энвера. Между этими двумя лидерами вспыхнуло соперничество. При поддержке других вождей басмачи Селима-паши схватили Ишан-Султана и повесили его вместе с его братом в старой бухарской крепости Обидара («Правда», 9 февраля 1923 года).

Тем временем восстание усиливалось; везде организовывались отряды. Во главе их фигурируют бывшие сотрудники Энвера: Данияр, Максум Файзулла, Холбут, Фарух-эффенди, Абдул Хамид и др. Вторжения повстанцев становились настолько частыми, а их набеги такими смелыми, что советское правительство вынуждено было провести новую кампанию. Не давая ему времени перейти в наступление, банды басмачей налетали на кишлаки, находящиеся под властью Советов. Движение достигло бассейна реки Зарафшан; в начале 1923 года беспорядки возникли в Ургуте, в окрестностях Самарканда и, в частности, в Кохистане⁶¹.

«Последние новости» (от 1 мая 1923 года) сообщали об этих событиях:

Коренное население Самаркандской области восстало против власти Советов. Повстанцы объединились с отрядами басмачей. Карательные войска, отправленные из Ташкента, вступили в столкновение с повстанцами, но безуспешно. Самарканд находится в руках повстанцев. Железнодорожная линия отрезана. В Самарканде был создан повстанческий комитет, задача которого – сохранить запасы товаров. Комитет состоит из туземцев и русских. Все население деревень, окружающих Самарканд, было мобилизовано. Отряды Красной Армии, казармы в Самарканде были разоружены, некоторые перешли на сторону повстанцев.

Восстание вспыхнуло в результате все еще бушующего голода, в результате чрезмерного изъятия продовольствия и перекрытия ирригационных каналов в кишлаках, которые отказались платить налоги или контрибуцию, требуемую для борьбы с басмачами.

В Восточной Бухаре реорганизовались сторонники Ибрагим-бека. «Правда» (от 23 февраля 1923 года) сообщала об отступлении его банды, сражающейся с Красной Армией.

Группы басмачей активизировались и в Фергане. «Известия» (от 2 августа 1923 года) сообщают о нападении на село Шайдан, к западу от Намангана.

Встревоженное этим, советское правительство отправило карательные войска в верховья Зеравшана. 4 апреля 1923 года телеграмма из Ташкента объявила о захвате Оббурдона, столицы бекства Матча⁶², центра сопротивления басмачей. Бек, успевший бежать, погиб под лавиной; трое его братьев и тринадцать курбаши были взяты в плен. Захват этого бекства дал Красной Армии почти пять тысяч голов скота, триста лошадей, хлеб и немного оружия. Лидеры повстанцев, которых доставили в Самарканд, предстали перед революционным военным судом. Три брата бека и семь курбаши были приговорены к смертной казни; троим другим дали до трех лет лишения свободы («Правда» от 1 июня 1923 года).

Повстанцы, уйдя в горы, нашли себе убежище в Каратегине⁶³.

Каратегин, управляемый *миракором*⁶⁴, в начале 1921 года был охвачен внутренними разногласиями, когда курбаши Максум Файзулла, воюя с большевиками, отступил туда и занял бекство. Сложное положение в этом регионе, ограниченном на севере Алаем, на юге Дарвазом⁶⁵, на западе беспокойным регионом Душанбе, создало прекрасную базу для повстанческой армии. Редкие кишлаки, лепящиеся по скалистым склонам, на границе вечных снегов, еще недавно служили базой для армии Энвера и его преемника Селима-паши. Здесь, в этих высоких горах, прорезанных глубокими ущельями, дно которых служит руслом для стремительных рек, остатки отрядов Энвера, под командованием Данияра Халила и Фарруха-эффенди, нашли убежище после его смерти. Здесь обосновался Халбут, один из главных курбаши, действующих в районе Матчи.

Продолжая наступление после оккупации Матчи, Красная Армия вошла в Каратегин в начале июля 1923 года. 17-го числа этого месяца она заняла столицу, Гарм⁶⁶.

Повстанческая армия по приказу Максума Файзуллы, Халбута и Рахман-датха мужественно защищала подступы к городу. Они отступили на укрепленные высоты над левым берегом Гарифа⁶⁷. В течение двенадцати часов повстанцы, почти безоружные и без боеприпасов, выдерживали удар Красной Армии, имевшей пуш-

ки и пулеметы. Детали боя не сообщаются; однако трудности, с которыми сталкивается Красная Армия в ее походе через горы, можно представить из коротких сообщений, опубликованных в «Известиях» (от 2 августа и 26 сентября 1923 года):

Проход артиллерии через ущелья осуществлялся ценой больших усилий, и оружие должно было транспортироваться солдатами.

Взятие Гарма открыло Красной Армии дорогу в Дарваз. Армия устремилась туда в поисках мятежников, которые, видя тщетность борьбы, рассеялись, ожидая более благоприятного момента для перегруппировки.

Осталась область Алая, отделенная от Каратегина труднопроходимыми снежными перевалами. Именно здесь обосновались остатки групп Мухитдин-бека, которые после его смерти прибыли из Ферганы под командованием Нурмата Мингбаши. Здесь был и один из соратников Максума Файзуллы, курбаши Тохтамат Пансат.

Воспользовавшись летним сезоном, когда заснеженные перевалы становятся более доступными, Красная Армия продвинулась в Алай. 15 августа 1923 года она застала врасплох пост басмачей, захватила лагерь Нурмата, где они находились с семьями, 18-го напала на басмачей Тохтамат Пансата, а 19-го вынудила их сдать.

Эти поражения ускорили усмирение определенной части горцев. Таджики и некоторые локайские племена Восточной Бухары провели курултай, после чего последовало собрание племен марка. «Правда» (от 29 августа 1923 года) полагает, что эти племена выступили против басмачей, чтобы начать возродить нормальную хозяйственную жизнь.

Тем не менее, эмир Бухары, все более обеспокоенный той печальной ситуацией, в которой находилась его страна, обратился в первые дни июня с длинным обращением к «тем, кто любит мир и уважает справедливость», к Лиге Наций, Великобритании, США, Японии, Китаю, Турции, Персии. «Таймс» от 5 июня 1923 года опубликовала это обращение, в котором эмир Абдул Саид-Алимхан напоминает о методах, применяемых большевиками для полного подчинения Средней Азии.

Со своей стороны, руководители ферганских басмачей Исламкул, Мадумар и Али-Риза, которые добрались со своими отрядами до территории Китая, направили в Туркестанский исполком следующую декларацию:

Полагая, что в нынешних условиях борьба с узурпаторами власти неуместна и губительна для нашей страны, мы с большим сожалением решили покинуть свои дома, покинуть наши семьи, нашу собственность. Однако мы ни на минуту не сомневаемся, что недалек тот момент, когда народ Туркестана, поработанный мародерами и иностранными убийцами, действующими от имени великого русского народа, также находящегося под гнетом коммунизма, изгонит их из нашей родной страны. Горе тем из наших единомышленников, которые по причинам эгоистичного интереса оказывают им помощь. Гнев мусульман постигнет их прежде всего как предателей мусульманского населения Туркестана.

(«Дни», 1 августа 1923 года)

В конце 1923 года в российской и зарубежной прессе сообщалось об активности антисоветских элементов в Средней Азии. Это появление пиратов на Каспии

в полосе вокруг Теджена. 16 сентября «Правда» объявила о ликвидации в этом районе повстанцев-басмачей и их лидера Али Нура, сдавшегося вместе со своим отрядом. Тем не менее, в берлинском «Руле» (от 16 декабря 1923 года) все еще сообщалось о действиях нескольких курбаши: в Восточной Бухаре действовал отряд Абдул Кахара (в центральной Бухаре и на севере). В районе Карши у банды курбаши Берды-датха произошло несколько сражений с советской кавалерией. Победенные советскими войсками, повстанцы вынуждены были отступить в Китаб.

В районе Яккабага большевики напали на отряды Абдуррахмана, который в столкновении был убит.

В районе Байсуна появившийся кавалерийский отряд басмачей из 150 человек под командованием Мустафы-байбача был атакован советской кавалерией и отброшен назад за Сурхан.

Поражению повстанцев и победе Советов способствовали и разногласия между басмачами. Так, в Самаркандской области командир отряда басмачей Халиб был убит своими же джигитами.

Постоянные стычки между Красной Армией и басмачами беспокоили правительство Туркестана, которое требовало усиления войск и более эффективной пограничной охраны («Дни», 3 января 1924 года). В советских правительственных кругах полагали, что оружие и боеприпасы поступают повстанцам из-за рубежа, в то время как продовольствие поставляется населением районов, захваченных басмачами. Эмиссары, предположительно прибывшие из Турции, появились в Самаркандской области. В то же время информация, опубликованная в русской прессе за рубежом, объявила о восстании русских антисоветских элементов и представителей коренных народов.

Поскольку эти события не были подтверждены советской прессой, мы не будем настаивать на их подлинности. Однако «Правда» (от 30 апреля 1924 года) намекала на определенные волнения контрреволюционного характера, которые якобы вспыхнули в Бухаре. Учитывая эти факты и настойчивость корреспондентов газет «Дни» и «Руль», следует признать, что в течение мая 1924 года ситуация была сложной. Ввиду серьезной опасности командование туркестанских войск считало, что лучше всего начать переговоры с повстанцами. «Дни» (от 28 мая 1924 года) публикуют условия, которые должны были положить конец военным операциям:

1. Полная амнистия всем антисоветским элементам;
2. Освобождение заложников, которые должны быть возвращены в свои дома. Фактическое разрешение для семей и членов повстанческих комитетов покинуть территорию Союза;
3. Разрешение на проведение свободных выборов в сельских советах в районах, находящихся под непосредственным контролем правительственных войск;
4. Уход басмачей с распределительных систем оросительных каналов;
5. Созыв съезда Туркестанских Советов.

В то же время советское правительство Бухары по указанию из Москвы предложило делегатам первого съезда бухарского мусульманского духовенства принять следующие резолюции:

1. Басмачи, единственная цель которых состоит в том, чтобы грабить и разрушать сельское хозяйство страны, являются врагами народа. Чтобы успешно вводить людей в заблуждение и беспрепятственно грабить, они объявляют себя защитниками ислама.
2. Среди басмачей есть чиновники эмира, которые стремятся к возрождению эмирата. Вот почему курултай улемов постановил, что эмир, из-за творимых им злоупотреблений, больше не может быть главой государства. Власть Советов гарантирует предоставление власти народу, поэтому люди должны быть верны ей и оказывать ей поддержку.

Также рассчитывая на помощь мусульманских делегатов съезда, советские власти заставили улемов обратиться к народу со следующим заявлением:

Чем занимаются басмачи?

1. Грабежи и убийства жителей кишлаков (деревень);
2. Насилие над подростками и женщинами в кишлаках;
3. Грабежи мелких торговцев на деревенских рынках;
4. Обложение контрибуцией тех, кто не может платить, и сжигание их домов в случае неплаты требуемых сумм;
5. Похищение женщин и передача их посторонним мужчинам, что способствует развитию разврата.

(«Правда», 10 мая 1924 года)

Через несколько дней «Известия» (от 21 мая 1924 года) обвинили британское правительство в том, что оно вызвало беспорядки в Средней Азии и способствовало формированию в Афганистане группировки антисоветских элементов, ставящих целью возвращение в Бухару эмира Абдул-Саид Алимхана. Намекалось на то, что средства, бывшие в распоряжении бухарской и афганской контрреволюции, имеют английское происхождение.

Даже сегодня ситуация кажется проблемной в Самаркандской и Бухарской областях. В «Последних новостях» (от 30 августа 1924 года) сообщается о нападениях бухарских басмачей в окрестностях Кумушкента, Хайбар-Абада, Гуйштикента, Вабкента⁶⁸. 20 июля советские войска тщетно пытались настигнуть курбаши Джуму в районе Вангази⁶⁹. В Самаркандской области большевики захватили влиятельного повстанческого лидера по имени Гадай. На заседании революционного суда под открытым небом у одной из самаркандских мечетей Гадай был приговорен к высшей мере наказания и вскоре после этого казнен.

В недавнем заявлении, сделанном в Москве председателем Совета уполномоченных по делам Бухары Файзуллой Ходжаевым, говорится, что движение басмачей, сокрушенное в своей массе, утратило политический характер. Однако он признает активность некоторых групп, которые, по его словам, вскоре будут ликвидированы («Известия» от 5 октября 1924 года).

Это краткое изложение фактов позволяет выявить ряд этапов, характеризующих общественно-политическое движение басмачей. В течение рассмотренного периода, с Октябрьской революции 1917 года до октября 1924 года, произошло образование в Средней Азии советских республик Туркестана, Хорезмской и Бухарской республик и их распад. Они были немедленно воссозданы в другом формате

и преобразованы на основе этнического принципа в новые советские единицы: Узбекская республика, Туркменская республика, Таджикская автономная республика, Кара-Киргизская автономная республика, Каракалпакская автономная республика.

Сквозь мрачные превратности войны народы Средней Азии видят приход лучших времен. Дело не в том, что борьба за торжество их национальных устремлений закончилась. Но тюркские народы Востока, все более осознавая свою силу и свое право, кажется, готовы идти более мирными и конструктивными путями к своим национальным идеалам. Их национальная индивидуальность, признанная советским правительством вне всякого националистического духа, следовательно, и этнического и коммунистического, методично развивается под влиянием Москвы. Официальное признание местных языков, узбекского, туркменского, киргизского, которые все произошли от тюркского чагатайского диалекта, их использование в различных звеньях советской административной машины наряду с русским языком и кроме него – в литературе и обиходе, возвращение вакуфов мусульманским культурным организациям, повторное открытие судов коренных народов, обязательство российских чиновников знать узбекский язык, который в Туркестане стал государственным языком, признание пятницы выходным днем, назначение на высшие должности, хотя и под контролем Москвы, коренных жителей свидетельствуют об изменениях, произошедших после Октябрьской революции.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Краткие биографические справки об основных вождях басмачества, упоминаемых в период с 1917 по 1924 годы

Абдукадыр-хан – один из наиболее влиятельных в регионе Ура-Тюбе курбаши, где он действовал против советских войск во главе довольно большой группы басмачей.

Абдул Кахар выбрал в качестве поля своей деятельности вилайяты Нурата, Карши и Бухара; в начале 1924 года он был еще активным.

Абдул Хамид начал свою карьеру в большевистской армии. После боев на фронтах Уфы и Оренбурга он вошел в Бухару с красными. Служба у них принесла ему должность комиссара. Перейдя на сторону Энвера-паши, он стал одним из его самых верных слуг. После его смерти Абдухамид хотел объявить себя главнокомандующим всех сил басмачей.

Абдурахман-бек – бухарский курбаши, друг Энвера. Он упоминается дважды. В последнем случае его называли Абдурахман. По сообщениям, он был убит в бою с Красной Армией в районе Яккабада.

Ашур Токсаба – руководитель отряда туркмен и киргизов, сторонников Энвера-паши.

Азам Хаджи – бухарский курбаши, чья деятельность все еще отслеживалась в 1924 году.

Али Нур – лидер небольшой группы туркменских басмачей. Сдался Красной Армии в районе Теджена 10 сентября 1923 года.

Али Риза – ферганский курбаши. Чтобы спасти остатки своего отряда, был вынужден уйти на территорию Китая, откуда направил яростный протест Туркестанскому исполнительному комитету против оккупации его страны Красной Армией.

Аман Палван – обычный преступник, пробыл некоторое время на службе у Мадаминбека. В результате личной ссоры, подробности которой нам неизвестны, однажды ночью Аман Палван убил двадцать сподвижников Мадаминбека и сбежал. Он укрылся у могущественного ферганского курбаши Хамдама (краткая биография дана ниже). Хорошо принятый последним, был принят к нему в качестве советника. Более пяти лет он терроризировал страну, ведя ожесточенную борьбу против советского правительства. Взятый в плен большевиками, предстал перед революционным трибуналом Намангана, который приговорил его к смертной казни (июнь 1923 года).

Ачил-бек – настоящий курбаши, убит в бою с Красной Армией в окрестностях Самарканда («Известия», 19 мая 1923 года).

Байджуман – курбаши из Ферганы, сдался большевикам в августе 1923 года.

Баймаш – курбаши из Бухары, действовал в районе Байсуна и Сурхана («Руль», 16 декабря 1923 года).

Бахрам-бек – лидер повстанцев из окрестностей Самарканда, расстрелян большевиками в 1922 году. Его голова была отправлена в Ташкент и выставлена на одной из сессий Региональной конференции Коммунистической партии в сентябре того же года («Последние новости», 30 августа 1924 года).

Баястан – предводитель басмачей Наманганского района; согласно «Правде» (30 сентября 1923 года), этот курбаши грабил и облагал данью караваны, путешествующие из Ташкента в Намаган. Был взят в плен большевиками и предстал перед трибуналом Туркестанского фронта в Коканде 7 декабря 1923 года. Приговорен к смертной казни («Правда», 9 декабря 1923 года).

Берды-датха – курбаши из Бухары, действовал, согласно газете «Руль» (16 декабря 1923 года), в вилайятах Карши и Китаб.

Дадабал – курбаши из Ферганы, сдался Советам в августе 1923 года.

Даулетман-бей-датха – известный курбаши, представитель эмира в Бухаре вместе с Энвером-пашой; известно о нескольких его столкновениях с большевиками. Он погиб вместе с Энвером 4 августа 1922 года.

Джабар – бухарский курбаши, воевал с Красной Армией в разных местах, особенно в районе Байсуна.

Джанибек – киргизский курбаши на Памире, выступил против белых, будучи их союзником в борьбе против большевиков, взял власть на короткое время после уничтожения белого отряда Юнга.

Данияр – один из сотрудников Энвера-паши. После его смерти он сумел объединить ряд сторонников и попытался продолжить борьбу.

Джума – бухарский курбаши, действовал в районе Вангази летом 1924 года.

Джунаид-хан. Политическая деятельность Джунаид-хана начинается в 1916 году во время конфликта между туркменами и узбеками. Эти довольно частые

конфликты всегда требовали вмешательства российских войск. Самые важные конфликты со времен Хивинской войны 1873 года произошли в 1909, 1912 и 1916 годах. Во время войны 1916 года, которая по своим масштабам угрожала самому существованию Хивы, во главе туркмен стоял один из самых смелых воинов, самый воинственный из туркмен, хан Джунаид из йомудского племени Джунаид. Захватив Хиву, он казнил крупного хивинского сановника Матвафу Баккалова и заставил считаться с собой хана Хивы Асфандиярхана. Опираясь на силу, он надеялся править долгое время, но карательные войска генерала Галкина заставили его 16 февраля 1916 года покинуть Хиву.

С тех пор Джунаид-хан стал врагом русских, и эта ненависть только усилилась с появлением большевизма. Политическая деятельность Джунаид-хана возобновилась в начале 1918 года, после того как русские оккупационные войска полковника Зайцева покинули Хиву. Столица ханства вновь попала в руки Джунаид-хана, объявившего себя диктатором. Сеид Абдулла, хан Хивы, дядя убитого Асфандиярхана, стал орудием в руках Джунаид-хана.

Узурпировавший власть Джунаид-хан взял на себя обязанности бывшего есаулбаши (военного министра) хана Тази Марама.

После ухода некоторых племен и их объединения по приказу двух туркменских вождей – Кош-Мамед-хана и Гуляма Али, Джунаид-хан вынужден был покинуть Хиву. В январе 1920 года он бежал в Каракумы, откуда продолжил борьбу против советской власти. В 1922 году был союзником Энвера-паши в национальном движении за освобождение Туркестана.

В 1924 году Джунаид-хан воспользовался отсутствием достаточных военных сил в Хиве, чтобы вернуть себе город. Григорий Бройдо, бывший комиссар⁷⁰, сообщил об этом в «Правде» (от 23 мая 1924 года), добавив, что эта попытка оказалась успешной благодаря поддержке мусульманского духовенства и хивинских торговцев.

Джунаид-хан оставался в оазисе Хивы до мая 1924 года, но когда Красная Армия, разгромив движение басмачей в Бухаре, двинулась на Хиву и снова взяла ее, он отступил на юг и исчез в пустыне⁷¹.

Фаррух-эффенди – один из сподвижников Энвера-паши; после смерти последнего ему удалось объединить некоторое число сторонников и продолжить борьбу против большевиков.

Фазлитдин – бухарский националистический лидер, некоторое время боролся против большевиков во главе отряда басмачей.

Гадай – один из самых могущественных курбаши в Самаркандской области. Раненный в столкновении с большевиками, Гадай сумел бежать; он укрылся у местного крестьянина по имени Тагай Хал Джигитов, который спрятал его в сундуке. Большевики, окружив дом, обнаружили Гадаю и отвезли его в Самарканд для суда. Очень короткий суд над ним проходил за дверью мечети. Гадай, заклятый враг русских и местных коммунистов, был приговорен к смертной казни и казнен в Самарканде («Вечернее время», 9 сентября 1924 года).

Хамдам – бывший преступник, родом из деревни Багдад (Серово). Сумел сформировать отряд из 800 человек, базировавшийся в четырех или пяти деревнях под

командованием помощника курбаши. Он встал лагерем в Андархане, в деревне в 16 километрах от Канибадама и примерно в 40 верстах от Коканда. Власть курбаши Хамдама распространилась на богатые земли Исфары, Канибадама, Беш-Арыка (Мельникова) и района нефтедобычи «Санто».

Хаджи Хафиз – один из помощников курбаши Азам Хаджи; был взят в плен большевиками. Ему отсекали голову, и лидер бухарского ополчения Рахимбаев отправил ее в качестве трофея большевистским властям («Последние новости», 30 августа 1924 года).

Ходжа Сами-бей – один из главных пособников Энвера-паши, более известный под именем Селим-паша, полковник турецкой армии. После смерти Энвера он объединил остатки его армии и продолжил борьбу за освобождение Туркестана. Он не побоялся расстрелять печально известного вождя басмачей Ишан Султана, обвинив его в самоустранении от борьбы.

Ишан Султан – крупный религиозный лидер мусульман Дарваза. Ненавидя большевиков, он использовал все свое влияние для борьбы с Советами.

Ишан Султан сотрудничал с Энвером-пашой в организации повстанческих отрядов. Хотя он очень ревниво относился к авторитету Энвера-паши, но без колебаний передал верховное командование антисоветскими войсками Энверу, чье значение в борьбе за независимость быстро осознал.

После смерти Энвера-паши Ишан Султан отправился в Дарваз, чтобы реорганизовать армию, прежде чем возобновить борьбу с большевиками. Отказавшись признать власть Селима-паши как главнокомандующего, он был схвачен и приговорен к смерти. Повешен вместе со своим братом в бухарской крепости Обидара, на хребте Петра Первого.

Со смертью Ишан Султана басмачи потеряли одного из самых жестких лидеров в борьбе против Советской власти. Националистическое движение с того момента заметно пошло на спад.

Ишмурзин имеет башкирское происхождение; с 1918 года он занимал высокую должность в Стерлитамаке (Башкирия). После оккупации этого города чехословаками поступил к ним на службу. Впоследствии занимал различные высокие посты в белых правительствах.

После создания Башкирской Советской Автономной Республики Ишмурзин вступил в Красную Армию. 17 июня 1920 года дезертировал из нее вместе с некоторыми членами Революционного комитета Башкирии. Вместе со своими сообщниками добрался до казахских степей и отправился в Туркестан.

Организовав группу басмачей в Ташкенте, неоднократно участвовал в нападениях на Красную Армию. Борьба длилась до второй половины августа 1922 года.

В бою с Красной Армией он был взят в плен, предстал перед революционным трибуналом и расстрелян («Известия», 8 августа 1923 года).

Ишмат Байбача происходил из богатой ферганской семьи; он был одним из немногих курбаши начала революции, у которого не было судимости. Враг большевиков. Ему удалось организовать отряд из 400 джигитов, с которым он выступил против Советов. Его основные силы были ограничены в окрестностях Бешарыка⁷². Враг Иргаша, которого он никогда не хотел признавать союзником.

Ибрагим-бек некоторое время был вождем горного племени локаи. Он был очень близок к эмиру Бухары, будучи его представителем среди антисоветских сил. По неизвестным причинам был изгнан сходом, организованным его собственными соплеменниками.

Иргаш – бывший осужденный, вышел на свободу в 1917 году, после двенадцати лет заключения; вскоре он прославился тем, что организовал самую мощную в Фергане группировку басмачей. В нее входило более тысячи вооруженных повстанцев, базирующихся в шести или семи кишлаках под командованием нескольких помощников курбаши. Сам он располагался примерно в 30-ти верстах от Коканда, в направлении Маргилана, в месте под названием Ханават и Багир. Немногочисленные победы, которые он одержал над большевиками, принесли ему славу среди населения и вызвали определенную ревность у других курбаши.

В сентябре 1918 года, считая себя достаточно сильным, Иргаш провозгласил себя «Амир-уль-муслимим», то есть эмиром всех мусульман. Вступительная церемония прошла в соответствии с обычаем, когда-то использованным ханами⁷³.

Этот акт вызвал возмущение других басмачей, завидовавших ему.

В последние дни ноября 1918 года бывший военный комиссар Осипов неожиданно напал на лагерь Иргаша и нанес ему большие потери.

Исламкул – уголовный преступник, который десять лет занимался убийствами и грабежами. Его отряд состоял из 120 человек, дислоцировался в Каракульской области около Сырдарьи. Не слишком общительный, Исламкул избегал любых контактов с другими вождями басмачей. «Правда» (от 8 февраля 1924 года) представляет его как самоуверенного и жестокого человека, страдающего сифилисом, следы которого заметны у него на лице. Он использовал внезапные нападения, терроризируя и грабя местное население. Исламкул внушал такой страх, что было достаточно произнести его имя, чтобы напугать детей.

30 сентября 1923 года около кишлака Яйпан⁷⁴ Исламкул был окружен эскадронном большевиков, но ему удалось бежать. Через несколько дней, 3 октября, Исламкул сдался, не имея другого выхода. Военным трибуналом был приговорен к смерти и казнен в Коканде в первые дни декабря 1923 года («Правда», 9 декабря 1923 года).

Кари Камил – бывший учитель из Самарканда, пользовался определенной популярностью среди местных жителей. Был арестован большевиками и казнен; его голова, отправленная в Ташкент, была выставлена в сентябре 1922 года на одной из сессий Региональной конференции Коммунистической партии («Последние новости», 30 августа 1924 года).

Халбут, или **Халтуб** (его также называют Холтуб или Холбут) – сподвижник ферганского курбаши. «Правда» (от 24 апреля 1923 года) известила о его аресте одновременно с арестом еще 27 басмачей. Позднее сообщалось, что Халбут не был захвачен в плен и продолжал борьбу с большевиками примерно до середины декабря 1923 года. Этот курбаши упоминается как один из сподвижников Энвера-паши, действовавший в районах Матча и Самарканда. Согласно «Рулю» (от 16 декабря 1923 года), он был убит своими джигитами в результате разногласий между курбаши.

Халил – сподвижник Энвера-паши; после его смерти объединил небольшое количество сторонников и продолжил борьбу с большевиками.

Холходжа – бывший осужденный, был одним из самых могущественных и энергичных курбаши в Фергане. Союзник Мадаминбека, он пошел вместе с ним против большевиков. В его отряде насчитывалось до 900 человек, что сделало его для большевиков грозным противником. Его зона влияния распространялась на Андижанскую, Наманганскую и Джалалабадскую области.

Кул Мухаммед – лидер мятежников-туркмен. Статус бывшего студента Археологического института в Константинополе создавал ему определенный престиж среди соотечественников. «Правда» (от 5 августа 1923 года) представляет его как амбициозного мусульманского интеллектуала.

Куршермат (настоящее имя – Кур Шир Мохаммед, также известный как «Слепой»). В прошлом был осужден за убийство. После своего возвращения в Фергану он организовал из сотни своих сторонников отряд и некоторое время наводил ужас на всю долину. Надежно обосновавшись в Янги-кишлаке, недалеко от Коканда, он встал на сторону противников Советов. Узнав о предательстве курбаши Мадаминбека, перешедшего на сторону Советов, Куршермат казнил его.

В 1922 году Куршермат, командовавший всеми антисоветскими войсками басмачей Ферганы, был вынужден, отступая под натиском Красной Армии, уйти в Бухару, где он присоединился к бухарским басмачам. После их поражения в первые дни января 1923 года ушел со своими сторонниками в Афганистан («Правда», 5 января 1923 года). Разоруженный афганскими властями, был интернирован.

Мадумар – бывший уголовник, один из помощников курбаши Хамдама. Под командованием Мадумара находилась группа из 200 джигитов. Центр его деятельности находился в Иланзаре, недалеко от Беш-Арыка. «Правда» (от 14 июня 1923 года) сообщала об уменьшении числа его сторонников, у него оставалось лишь небольшое количество джигитов.

Мадаминбек – один из самых грозных лидеров групп басмачей в Фергане, бывший преступник, проведенный десять лет в тюрьме. Наряду с Куршерматом был одной из крупнейших фигур в мире басмачей. Его сторонники, очень многочисленные в Маргилане и очень дисциплинированные, не раз вызывали беспокойство советского правительства. После январских событий 1919 года Мадаминбек стал союзником мятежного комиссара Осипова из Ташкента. Он воевал с большевиками до бегства Осипова в Бухару.

Мадаминбек и его последователи участвовали в восстании русских крестьян в Джалал-Абаде; он был также союзником андижанских белогвардейцев в борьбе против большевиков.

После перехода на сторону Советов Куршермат обвинил своего соперника в измене, и Мадаминбек был убит им.

Мадали упоминается в «Правде» (от 14 июня 1923 года) как известный курбаши.

Мир Каланов организовал банду, которая осуществляла набеги в Фергане. Был взят в плен и предан военному трибуналу Туркестанского фронта в Скобелеве. Обвиненный в запугивании населения и сборе дани на свои личные нужды,

был приговорен к смертной казни («Правда», 9 июня 1923 года).

Мустафа Кул некоторое время возглавлял отряд басмачей, действовавший в районе Ходжента. «Правда» (от 24 апреля 1923 года) объявила о захвате его Красной Армией вместе с тридцатью джигитами.

Максум Файзулла (Фузайл) некоторое время сражался с большевиками; преследуемый Красной Армией, ушел со своими отрядами в горные районы Восточной Бухары.

Мирза Умар какое-то время был врагом большевиков; сдался им в августе 1923 года.

Мухитдин Магзум – бывший член партии младобухарцев, перешел на сторону эмира после его побега и сражался против советских войск в Бухаре.

Мирза Али сражался с большевиками в Фергане. В августе 1923 года перешел на их сторону.

Муэтдин-бек был одним из крупнейших лидеров киргизских басмачей в Туркестане. Бывший каторжник, он был неграмотным, но знал, как привлечь к себе всех тех, кто любит приключения, кочевую жизнь, грабежи, воинственные подвиги. Во главе своих киргизов он боролся в начале революции 1917 года с узбекским населением Ферганы. Затем заключил союз с узбекским лидером басмачей Куршерматом для борьбы с властью Советов.

Этот союз был недолгим. Муэтдин-бек, припомнив старую национальную вражду между киргизами и узбеками, объявил себя врагом Куршермата. Попеременно то друг, то враг Советов, Муэтдин-бек то сближался, то удалялся от Куршермата.

В 1920 году Муэтдин-бек находился на службе Советского правительства. Обманув вождей Красной Армии, бежал со своими сторонниками, захватив оружие и боеприпасы. В течение двух лет он боролся против Советской власти, опустошая страну, но в сентябре 1922 года был схвачен. 26 числа того же месяца приговорен Андижанским революционным трибуналом к смертной казни.

Мустафа Баймаш – командир кавалерийского отряда басмачей, действовавшего в 1923 году в районе Байсуна (см. **Баймаш**).

Нурмат-мингбаши – сподвижник Муэтдин-бека, был известен своей свирепостью по отношению к подозреваемым в сочувствии большевикам. После поражения Муэтдин-бека он принял командование его отрядами и проявил довольно высокую активность в Алае («Правда», 26 сентября 1923 года). Впоследствии перешел к большевикам (август 1923 года).

Упай считается старшим помощником курбаши Юнуса, о захвате которого в Андижанском районе сообщили «Известия» (от 11 ноября 1923 года).

Убайдулла, или Обайдулла – курбаши Ферганы, перешел к большевикам в августе 1923 года.

Усман Ходжаев – купец из Новой Бухары; ученик Энвера в Константинополе; большевики считают его сторонником панисламизма.

Рахманкул Мамасадык – старейший командир басмачей Ферганы и один из самых крупных деятелей повстанцев. Рахманкул вступил в борьбу против Советской власти в 1918 году, сразу после падения Кокандской автономии.

Ареал его деятельности простирался до Наманганского района, где на протя-

жении четырех лет он противодействовал Красной Армии. Рахманкул действовал самостоятельно, был признан населением и не подчинялся ферганским вождям басмачей. Для содержания его армии была организована целая система налогов. Он взимал их регулярно, не встречая сопротивления, во всех кишлаках, которые были под его властью. В его отрядах царила жесткая дисциплина, и когда в плен к нему попадали бойцы Красной Армии, он безжалостно казнил их.

В трудные времена, когда ему угрожал голод и стало не хватать оружия и боеприпасов, он легко перешел на сторону Советов и был зачислен в Красную Армию. Пережив эти времена, бежал с винтовками и пулеметами, чтобы возобновить борьбу против Советской власти («Правда», 5 января 1923 года). Дважды Рахманкулу удавалось так обмануть Советы. Оказавшись окруженным Красной Армией, сжег кишлаки, перед этим разграбив их, и ушел в горы. Загнанный в узкое ущелье, лишенный еды и боеприпасов, брошенный своими людьми, Рахманкул был вынужден сдаться (ноябрь 1923 года). Революционным судом в Коканде вместе с четырьмя своими помощниками был приговорен к смерти.

Рахман-датха – один из трех курбаши, защищавших Гарм в Каратегине от большевиков в 1921 году.

Селим-паша (см. выше **Ходжа Сами-бей**).

Тохтамат Пансат – один из соратников Махсума Файзуллы и курбаши Мухитдина. После периода борьбы с Советами перешел на их сторону; три раза подряд их предал. Окруженный в Алайском районе, был взят в плен 19 августа 1923 года и вскоре после этого расстрелян («Правда», 26 сентября 1923 года).

Тугай-сары – лидер отряда повстанцев локаи, врагов Энвера.

Тура-бай – согласно «Правде» (от 14 июня 1923 года), погиб в стычке возле Коканда.

Юнус – известный курбаши, о пленении которого сообщалось в «Правде» (от 11 ноября 1923 года). Месяц спустя был приговорен трибуналом Туркестанского фронта к смерти и казнен в Коканде 7 декабря 1923 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Галча* – прежнее название горных таджиков. (Прим. пер.)

² См.: *Castagne J.* Russie slave et Russie turque: les chances d'une politique islamique allemande. – Paris: Leroux, 1923.

³ Навои был родом не из Хивы, а из Хорасана. (Прим. пер.)

⁴ Имеется в виду *Махдуми Азам* (1461–1542), суфийский богослов, представитель тариката Накшбанди. (Прим. пер.)

⁵ В русских источниках обычно именуется Дукчи Ишаном. *Ишан* – титул или прозвище, которым называют руководителей суфийских тарикатов (братств). (Прим. пер.)

⁶ *Сальков В.П.* Андижанское восстание в 1898 году. –

Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. С. 36.

⁷ Здесь и далее под Ферганой подразумевается Ферганская долина. Нынешний город Фергана в описываемый период (до 1924 года) носил название Скобелев. (Прим. пер.)

⁸ См.: *Kouznietsov P.* La lutte des civilisations et des langues dans l'Asie centrale. Thèse pour le Doctorat d'Université présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris. – Paris, 1912.

⁹ См.: *Сальков В.П.* Указ. соч. С. 20 и 36, примечание 1.

¹⁰ То есть до Первой мировой войны. (Прим. пер.)

¹¹ *Урсатьевская* – ныне поселок Хаваст в Сырдарьинской области Узбекистана. (Прим. пер.)

¹² Туркестанская автономная советская социалистическая республика в составе РСФСР. (Прим. пер.)

¹³ С начала марта 1917 года по трем амнистиям Временного правительства из мест лишения свободы вышло порядка 90 тысяч заключенных. На четвертый день после вступления А.Ф. Керенского в должность министра юстиции Временного правительства (6 марта 1917 года) его ведомством был издан указ о политической амнистии. Тремя днями ранее Минюст упразднил особые гражданские суды, царскую охранку и жандармерию. 14 марта была объявлена воинская амнистия, а спустя три дня Министерство юстиции обнародовало постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления». В результате всех этих амнистий на волю вышли 80 процентов находившихся в российских местах лишения свободы. (Прим. пер.)

¹⁴ Георгий Александрович Колузаев (1882–1938) на тот момент был не большевиком, а левым эсером; и весь его отряд был «левоэсеровским». (Прим. пер.)

¹⁵ Здесь у автора ошибка. Формально Красная армия была образована после 23 февраля 1918 года. (Прим. пер.)

¹⁶ От тюркских слов «кирк» – сорок и «боши» – начальник. (Прим. пер.)

¹⁷ Серово – ныне станция Фуркат поселка Багдад Ферганской области Узбекистана. (Прим. пер.)

¹⁸ Среднеазиатское нефтяное торговое общество («Санто») было создано в Ферганской области в 1898 г., финансировалось учрежденной в Лондоне «Русской генеральной нефтяной корпорацией». (Прим. пер.)

¹⁹ «Новый Восток» (№ 4, 1923 г.) публикует на странице 96 программу кокандских автономистов, которую мы здесь приводим, но которая не соответствует принципам одного из этих автономистов, М. Чокаева:

а) Восстановление Кокандского ханства;

б) Союз всех мусульман для борьбы с христианскими угнетателями;

в) Организация Центральноазиатского халифата, включающего Персию, Афганистан, Белуджистан, Бухару, Хорезм и Туркестан.

Мустафа Чокаев (Шокай; 1890–1941) – глава Кокандской автономии (1918). (Прим. пер.)

²⁰ Алай – одна из областей горной системы Памиро-Алая, расположенная к югу от Ферганской долины. (Прим. пер.)

²¹ Здесь у автора ошибка: Всеволод Дмитриевич Востинцев, председатель ЦИК Советов Туркестанской Советской республики, погиб 19 января 1919 года. (Прим. пер.)

²² В Бухаре под влиянием происходивших в России событий усилилась конфронтация между правительством эмира и младобухарцами – политическим движением, выделившимся из джадидизма. После неудачных попыток склонить эмира к проведению ограниченных реформ лидеры младобухарцев взяли курс на вооруженный захват власти, опираясь на революционное правительство в Ташкенте. В начале декабря 1917 года они во главе с Файзуллой Ходжаевым вступили в контакт с большевиками. В ходе переговоров Ф. Ходжаева с председателем Совнаркома Советского Туркестана Ф. Колесовым последний одобрил планы младобухарцев и обещал поддержку. (Прим. пер.)

²³ По другим источникам, договор был подписан 25 марта 1918 года. (Прим. пер.)

²⁴ Евгений Петрович Джунковский (1867–1953) – начальник Ветеринарного управления МВД Российской империи, действительный статский советник, бактериолог, общественный деятель. Во время Гражданской войны – помощник командующего по гражданской части Туркестанского края Вооруженных сил юга России, входил в руководство «Туркестанской военной организации» (ТВО) в Ташкенте в 1918 году. Комендантом Петрограда не был. (Прим. пер.)

²⁵ Наибольшая активность этой организации совпадает с прибытием в Ташкент 17 августа 1918 года британских военных – полковника Бейли и капитана Блэкера (с дипломатической миссией из Индии), а также генерального консула Великобритании в Кашгаре сэра Джорджа Макартни. Они отвечали за специальную миссию связи с местными органами власти.

²⁶ Туркоманы (также туркуманы или туркмены) – используемое на западе название огузских тюркских народов. (Прим. пер.)

²⁷ Верховное командование союзными армиями было поручено туркменскому генералу Ораз-Сардару. Войсками коренного мусульманского населения командовал сын Бекмурада Тигма Сардара, который в 1880 и 1881 годах защищал оазис Теке от армии Скобелева.

²⁸ Колузаев, как отмечалось выше, не был большевиком; он также не командовал гарнизоном Ташкента. Он был командиром первого красногвардейского отряда. (Прим. пер.)

²⁹ Полковник Петр Георгиевич Корнилов (1880–1919) – младший брат генерала Лавра Георгиевича Корнилова (1870–1918). (Прим. пер.)

³⁰ Здесь неясность в самом тексте Кастанье, кому подпольная организация, по сообщениям большевиков, собиралась передать власть в Туркестанском крае – «британским империалистам» (des impérialistes anglais) или «представителям коренного населения» (indigènes). (Прим. пер.)

³¹ Павел Степанович Назаров – о нем в своем секретном докладе руководству (в русском переводе напечатан в виде приложения к книге Ф.М. Бейли «Миссия в Ташкент», изданной впервые в Великобритании в 1945 году; первое издание на русском языке – «Языки славянской культуры», Москва, 2013 г., стр. 313), британский полковник Ф.М. Бейли писал: «Вскоре после моего прибытия [в Ташкент] я вступил в контакт с теми, кого я определяю как лидеров некоторых антибольшевистских организаций. <...> Большинство реальных антибольшевистских организаций возглавлялись генералом Кондратовичем, но основным организатором был П. Назаров». (Прим. пер.)

³² На самом деле восстание в Ташкенте началось в ночь с 18 на 19 января 1919 года. (Прим. пер.)

³³ Левый эсер К.Я. Успенский, бывший зампредом ТуркЦИКа, был арестован мятежниками и находился у них в заключении, но не был расстрелян, поскольку не был причастен к репрессиям. После подавления мятежа он был избран во временный РВС. (Прим. пер.)

³⁴ На западном, или «Бухарском», Памире, проживают оседлые таджики; восточный («русский») Памир населен кочевым племенем кара-киргизов.

³⁵ Константин Иванович Монстров (1874–1920) – командующий русской Крестьянской армией в Ферганской долине в 1918–1919 годах и руководитель антибольшевистского крестьянского восстания в Туркестане в начале осени 1919 года. При большевиках во время начавшейся в Туркестане гражданской войны он был избран командующим Крестьянской армией, проживающих в Ферганской долине русских поселенцев. Созданная для защиты от набегов басмачей, первоначально эта армия сотрудничала с Советской властью и Красной армией. 22 августа 1919 года Монстров заключил соглашение с отрядами Мадаминбека о совместной борьбе против советской власти и поднял восстание против большевиков. После заключения соглашения Крестьянская армия под его руководством выступила против Красной армии и, проведя ряд успешных боев, овладела обширной территорией в Туркестане. Базой движения был город Джалал-Абад. Потерпев поражение в боях с превосходящими силами Красной армии в конце 1919 – начале 1920 гг., Монстров сдался большевикам, а возглавляемая им Крестьянская армия распалась. В феврале 1920 года Монстров и его соратники были расстреляны, однако, согласно данным некоторых историков, Константин Монстров в мае 1922 года находился на Архангельском пересыльно-распределительном пункте. (Прим. пер.)

³⁶ Иркештам (Эркеш-Там) – высокогорное село на востоке Алайской долины Ошской области Киргизии. (Прим. пер.)

³⁷ Мехтар (от перс. «большой, главный») – глава княжества Читрал в Индии, которое с 1911 года стало полунезависимым государством, подчиненным Великобритании. (Прим. пер.)

³⁸ Шириншох Шохтемур (1899–1937) – таджикский советский государственный деятель. О его работе в качестве переводчика в русской администрации в Ташкенте ничего не известно; в биографиях указывается, что до 1917 года он служил подсобным рабочим в российский пограничном отряде на Памире, а затем учился в Ташкенте на педагогических курсах, одновременно служа рабочим в Ташкентском железнодорожном депо.

³⁹ Вакуф – в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. В вакуф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество, но лишь приносящее пользу (доход) и нерасходуемое (например, в вакуф не могут быть переданы деньги). (Прим. пер.)

⁴⁰ «Последние новости» – русскоязычная газета, издаваемая в Париже с 1920 по 1940 годы.

⁴¹ Выставка таких трофеев не является единичным фактом, пишет г-н Чокаев в газете «Последние новости» (от 30 августа 1924 года): во время встречи большевиков и мятежников в Бухаре одному из полевых командиров курбаши Адзам-Хаджи – Хаджи Хафизу, попавшему в плен, отрубили голову. Лидер бухарской милиции, некий Рахимбаев, отправил эту голову большевистским властям, которые наградили отправителя большевистским орденом Красного знамени.

⁴² 2 сентября 1920 года Старая Бухара взяли штурмом части Красной армии Туркестанского фронта под командованием М.В. Фрунзе, численностью около 9 тыс.

человек, при поддержке артиллерии, бронепоездов и авиации, а также национальных формирований, представлявших движение младобухарцев, в составе около 5 тыс. человек. (Прим. пер.)

⁴³ Джадидизм (от араб. – «обновленчество») – общественно-политическое и интеллектуальное движение среди мусульманских тюркских народов в Российской империи конца XIX – начала XX веков, целью которого было путем воспитания и просвещения показать верующим мусульманам преимущества современной цивилизации. Они подчеркивали необходимость решения задач, которые ставила перед мусульманами европейская цивилизация: изучение светских дисциплин, использование достижений науки, равноправие женщин. (Прим. пер.)

⁴⁴ Резиденция османского правительства. (Прим. пер.)

⁴⁵ В 1919 году Энвер встретился в Германии с Карлом Радеком, представляющим Советскую Россию, после чего вступил в прямой официальный контакт с большевиками с целью организовать и возглавить в Средней Азии борьбу против Великобритании. (Прим. пер.)

⁴⁶ Москва в то время фактически поддерживала одновременно обе ведущие турецкие партии, борющиеся за власть в стране: националистическую Мустафы Кемала и юнионистскую Энвера-паши. (Прим. пер.)

⁴⁷ См. «Revue du Monde Musulman», vol. LI, p. 120, и vol. LII, p. 197.

⁴⁸ Лев Михайлович Карахан (1889–1937) – с марта 1918 по май 1921 гг. – заместитель народного комиссара по иностранным делам РСФСР. (Прим. пер.)

⁴⁹ Первый Съезд народов Востока, организованный Коминтерном, прошел с 1 по 8 сентября 1920 г. в Баку. (Прим. пер.)

⁵⁰ Григорий Евсеевич Зиновьев (1883–1936), на тот момент – председатель Петроградского Совета и председатель исполкома Коминтерна. (Прим. пер.)

⁵¹ Еще один анахронизм у автора. Союз советских республик (СССР) был образован только в 1922 году. (Прим. пер.)

⁵² После захвата Бухары большевиками 2 сентября 1920 года эмир, в сопровождении небольшого числа своих сторонников, спешно отступил в восточные районы своего государства. Несколько месяцев спустя, 10 марта 1921 года, он был вынужден покинуть территорию Бухары и перебраться в Афганистан.

⁵³ Назир – титул, слово арабского происхождения, означающее смотрящего за какой-то территорией, инспектора. (Прим. пер.)

⁵⁴ Шерабад – ныне Шерабадский район Сурхандарьинской области Узбекистана. (Прим. пер.)

⁵⁵ Джаликуль – ныне селение в Хатлонской области Таджикистана. (Прим. пер.)

⁵⁶ Сергей Сергеевич Каменев (1881–1936) – российский и советский военачальник, командарм 1-го ранга (1935 год). (Прим. пер.)

⁵⁷ «Последние новости» (28 июля 1922 года), «Новое Время» (3 августа 1922 года), «Revue du Monde Musulman», vol. LI, 1922, p. 229.

⁵⁸ Автор имеет в виду 1925 год – дату выхода в свет его книги. (Прим. пер.)

⁵⁹ Здесь и далее цитаты из советских газет, в связи с технической невозможностью сверить их с оригиналом, даются в переводе с французского. (Прим. пер.)

⁶⁰ Янис Христофорович Петерс (1886–1938) – в 1920–1922 гг. был членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б), полномочным представителем ВЧК в Туркестане и начальником Ташкентской ЧК.

⁶¹ Кохистан – ныне Горно-Бадахшанская область в Таджикистане. (Прим. пер.)

⁶² Матча – ныне село Оббурдон в Согдийской области Таджикистана. (Прим. пер.)

⁶³ Каратегин – область в Таджикистане, расположенная в горах по среднему течению реки Вахш (Сурхоб), правого притока Амударьи. (Прим. пер.)

⁶⁴ Нечто вроде префекта, назначаемого кушбеги, вторым по влиянию человеком после эмира.

⁶⁵ Дарваз – область в среднем течении реки Пяндж, территория которой в настоящее время разделена на две части: правобережная относится к Таджикистану, левобережная – к Афганистану. (Прим. пер.)

⁶⁶ Гарм – поселок городского типа в Таджикистане, центр Раштского района. Расположен на правом берегу реки Сурхоб, в прошлом – город, столица Каратегина, горного бекства, входящего в состав Бухарского ханства. (Прим. пер.)

⁶⁷ Гариф (Гариб) – одно из названий реки Сарбог, протекающей по территории Раштского района Таджикистана. (Прим. пер.)

⁶⁸ Вабкент и Кумушкент – ныне населенные пункты в Вабкентском районе Бухарской области Узбекистана. Остальные два идентифицировать не удалось. (Прим. пер.)

⁶⁹ Вангази (Вангози) – ныне сельский сход в Кызылтепинском районе Навоийской области Узбекистана. (Прим. пер.)

⁷⁰ Григорий Исаакович Бройдо (1871–1956) – в 1919–1920 годах заведующий Отделом внешних сношений Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, руководитель чрезвычайной экспедиции в Хиву, чрезвычайный уполномоченный РСФСР в Хиве и Амударьинском отделе. В 1921–1923 годах – заместитель народного комиссара по делам национальностей РСФСР. (Прим. пер.)

⁷¹ Джунаид-хан, самый известный и влиятельный из лидеров антисоветского движения Туркмении, скончался в Персии в 1938 году. (Прим. пер.)

⁷² Бешарык – ныне город в Ферганской области Узбекистана. (Прим. пер.)

⁷³ Хан сидит на прямоугольном богатом ковре, который самые знатные персоны поднимают за углы. Поднятый таким образом хан усаживается на белого верблюда. Все вокруг хана падают ниц, в то время как муллы произносят молитвы, сопровождаемые государственным гимном.

⁷⁴ Яйпан – ныне город в Ферганской области Узбекистана. (Прим. пер.)

Ефрем РЯБОВ

«И там Кастанье, и тут Кастанье...»

Книга «Басмачи» и ее автор

В 1925 году в Париже на французском языке вышла книга Жозефа Кастанье (1875–1958) «Басмачи» об антисоветских повстанцах, действовавших на территории советской Средней Азии в период с конца 1917-го и по 1924 год.

Кастанье писал свой труд, вернувшись в 1920 году во Францию из Советской России, по материалам советской и парижской русскоязычной прессы. Автору удалось выдержать политически неангажированный взгляд на события, недавним свидетелем которых он был, и продемонстрировать объективности профессионального историка, хотя по образованию и опыту работы он был преподавателем французского языка, а по увлечениям – археологом-любителем и коллекционером туркестанских древностей. Даже удивительно, как его фактографическая книга не была напечатана в каком-нибудь издательстве раннего СССР в период относительной цензурной свободы. Возможно, советское партийное руководство боялось, что по книге Кастанье «Басмачи» можно было увидеть, как мелкий послереволюционный бандитизм с анархическим уклоном вскоре перерос в антисоветские выступления, а затем и вовсе вырос до национального движения.

Но в начале несколько слов об авторе. В двадцать три года французский преподаватель-лингвист приехал в Россию и начал карьеру гимназического учителя французского языка в Пятигорске. Затем он удачно женится на дочери оренбургского казачьего полковника А.В. Немирова и в 1901 году с семьей переезжает в Оренбург. Одиннадцать лет он преподает в мужской гимназии и Неплюевском кадетском корпусе, растет в чинах и получает орден Св. Станислава третьей степени. Параллельно он работает архивистом, археологом, хранителем музея и становится членом Оренбургского отделения Русского Императорского географического общества. Дослужившись в 1908 году до коллежского асессора, Кастанье приобретает право на личное дворянство в России. В 1912 году он, сославшись на

ревматизм, просит перевести его по службе в Ташкент. Прошение было удовлетворено, и он стал преподавать французский язык в реальном училище и кадетском корпусе. Через год туркестанский генерал-губернатор Александр Самсонов удовлетворил его просьбу о переходе в российское подданство, и Жозеф-Антуан на четыре предреволюционных года становится на законных основаниях Иосифом Антоновичем. В 1912 году Кастанье по совокупности публикаций принимают в члены Туркестанского кружка любителей археологии, а через год он уже в рядах Туркестанского отдела Русского Императорского географического общества. Затем получает вторую государственную награду – орден Св. Анны четвертой степени. Блестящая гражданская карьера французского разведчика, так сказать, «под прикрытием» должности преподавателя и археолога-любителя!

Резкий слом в биографии Кастанье происходит в октябре 1917-го года. Он отказывается от подданства развалившейся Российской империи и возвращает себе и семье французское гражданство. Преподавать французский язык ему уже было негде: реальное училище и кадетский корпус в Ташкенте были закрыты. Вести археологические раскопки в отдаленных местностях означало рисковать жизнью. Кастанье предусмотрительно отправляет семью во Францию. Биографы пишут, что он в это смутное время выполнял отдельные поручения МИДа Франции¹. Трудно представить, как Кастанье мог осуществлять это: дипломатические отношения между Советской Россией и Францией были прерваны сразу же после Октябрьской революции, в декабре 1918 года началась интервенция Франции на юге России. Положение французских граждан в РСФСР становилось двусмысленным, их могли просто-напросто интернировать.

Бывшие союзники Российской империи торопливо делили между собой охваченную анархией страну. 12 августа 1918 года английские войска вторглись в пределы Туркестанской АССР; одновременно в Ташкенте подпольная Туркестанская военная организация готовила мятеж, рассчитывая на помощь англичан. Осенью ташкентские чекисты вышли на след белогвардейских конспираторов. За Кастанье была также установлена слежка, готовился его арест. Английский разведчик полковник Фредерик Бейли свидетельствует:

Был в городе французский археолог Кастанье, с которым я встречался несколько раз случайно. За некоторое время до моего ареста я слышал от Мандича², что Кастанье собираются арестовать и предупредил его, но не имел понятия, принял ли он какие-то меры предосторожности. Он был знакомым моей доброй хозяйки, и я встретил его здесь в доме, должен признаться отчасти к своему ужасу. Выяснилось, что он также скрывался. <...> Тогда образовался социальный круг людей, находящихся в бегах, и я встретил некоторых других беженцев, как мы назывались по-русски. Мы даже не представлялись друг другу по именам. Я так опасался в этом своем укрытии быть узнанным Кастанье, что, когда он пришел снова пару дней спустя, ему сказали, что я покинул Ташкент. Я надеюсь, что он простил меня за обман³.

Итак, Бейли не доверяет французу, но в то же время он для него не чужой: постороннего человека английский разведчик не стал бы предупреждать о грозящей ему опасности.

Кастанье удалось затеряться в Ферганской долине. Некоторые биографы пишут, что он скрывался в центральной России. Однако с июля 1918 года Оренбург был под казаками Дутова, и железная дорога, связывающая Ташкент с Россией, была перекрыта. Да и Бейли в своих мемуарах косвенно указывает, что Кастанье был в Ферганской долине⁴.

В «Отчете Кашгарской миссии, 1918–1920» Бейли пишет о Кастанье совсем уж откровенно:

Также было несколько французов, с которыми я имел дело. Один был господин Кастанье, археолог, которого заставили спрятаться вскоре после моего приезда. Он очень успешно занимался пересылкой военнопленных из Эльзаса во Францию. Я дал ему денег, когда он вынужден был скрываться. Сейчас он свободен и занимает пост в отделе снабжения при большевистском правительстве⁵.

И здесь же необъяснимая тайна: незадолго до Осиповского мятежа 19 января 1919 года Кастанье переходит на нелегальное положение. За ним установлена слежка, и ташкентские чекисты готовят его арест. Ему каким-то образом удается скрыться из Ташкента в Ферганской долине и почти год существовать там на деньги английской разведки. Чем он там занимался, где проживал, с кем сотрудничал и поддерживал связи? И как ему удалось вернуться в Ташкент, легализоваться там и устроиться на работу в советские учреждения? Каким образом ташкентские чекисты закрыли на него дело?

Бейли указывает, что Кастанье был принят на работу в некий отдел снабжения. Но документально подтверждается, что Кастанье в январе 1920 года был назначен заместителем главноуправляющего ЦУАРДЕЛа (Центрального управления архивных дел) Туркестанской АССР Дмитрия Нечкина и уполномоченным ЦУАРДЕЛа по Ташкенту. В более поздние советские времена такая должность подразумевала особый допуск к секретным документам. Светлана Горшенина в статье «Центральная Азия в творчестве Жозефа-Антуана Кастанье» пишет, что Кастанье совмещал работу в ЦУАРДЕЛе с должностью военного цензора штаба Туркфронта, о чем он сам повествует в записках. До личного знакомства с уроженцем Пишпека, командующим Туркфронтом Михаилом Фрунзе военному цензору Кастанье оставался один шаг. Фрунзе, как известно, лояльно относился к военспецам. Среди штабистов Туркестанской АССР можно найти фамилии царских полковников ташкентцев Петра Благовещенского и Валериана Дунина-Барковского, однокурсников по Николаевской академии генштаба... Но пути командующего Туркфронтом и Кастанье расходятся: Фрунзе уехал руководить Бухарской операцией, а Кастанье, бросив все свои высокие советские должности, взял курс на Париж. В сентябре 1920 года он вполне официально выезжает во Францию.

На этом русско-советский период в биографии Кастанье заканчивается. В 1925 году, когда выходят «Басмачи», Кастанье становится кавалером ордена Почетного легиона, высшей награды Франции, по представлению Жоржа-Этьена Бонне, шефа службы архива и шифровки в МИДе Франции, иными словами – главы мидовской разведки Франции. Надо подразумевать, что Кастанье был награжден по совокуп-

ности заслуг, то есть не только за преподавание французского языка и статьи по туркестанской археологии.

Кастанье уехал, но память о нем в Туркестане сохранилась. Впервые о нем упомянул советский писатель Бруно Ясенский (1901–1938) в своем романе «Человек меняет кожу», опубликованном в СССР в 1933 году. Звучало это так:

Подробные сведения о миссии (Бейли. – Е.Р.) сообщает агент «Интеллидженс сервис», активный участник революционной военной организации, бывший преподаватель французского языка в Ташкенте И. Кастанье в своей книге «Басмачи» (на французском языке), выпущенной в Париже (изд. Эрнст Леру): «Антибольшевистская организация Ташкента, усиленная этой поддержкой, вошла в переговоры с некоторыми влиятельными туземцами Ташкента и через них завязала связь с басмаческими начальниками. Эти переговоры, в которых приняло участие английское правительство, происходили в сентябре 1918 года. Они были основаны на следующих обязательствах: 1) басмаческие отряды поступают на службу антибольшевистской организации Ташкента; 2) организация обязана снабжать басмачей провиантом; 3) представители английского правительства обязаны снабжать антибольшевистскую организацию деньгами, оружием и припасами. Союз был заключен. Связь была налажена как с басмаческими организациями, так и с мистером Эсертоном (вариант транслитерации фамилии Etherton – Е.Р.), английским консулом в Кашгарии. Такого же рода связь через посыльных агентов была налажена и с белогвардейской армией в Сибири и Оренбурге, откуда было получено предложение организовать восточную конфедерацию, в которую вошел бы и Туркестан»⁶.

Ясенский дает французу характеристику антисоветчика и прямо утверждает, что американский инженер Мурри – это английский разведчик Бейли.

Американские издатели перевели роман на английский язык и напечатали в США. Прошла волна недоумения: каким образом английский полковник Бейли получил американский паспорт на имя инженера Мурри? Почему этот человек занимался диверсиями на плотинах? Да и сам Бейли отрицал, что после 1920 года посещал СССР.

Ясенскому пришлось снабжать роман послесловием в виде открытого письма разведчику Бейли. Получилось еще хуже. Каким образом писатель, ко времени написания романа всего два года живший в СССР, так глубоко вник в туркестанские разведдела? Возникло подозрение, что документальную вставку в роман и открытое письмо Бейли написал другой человек. Ясенский его имя не называет, но вводит его в роман как информатора под инициалами:

Мне удалось разыскать двух чекистов, присутствовавших при аресте полковника Бейли: товарищей А.С. и М.В. На мой вопрос, не было ли у полковника Бейли каких-либо особых примет, товарищ А.С. вспомнил, что полковник Бейли был левшой⁷.

Ясенский слишком прозрачно зашифровал имена своих информаторов. Ими были ташкентский милиционер 1918-1919-ых годов Василий Маслов (М.В.) и Андрей Станишевский (А.С.), ставший позднее писателем (под псевдонимом «Азиз Ниалло») и полковником КГБ. Станишевский вполне мог охарактеризовать Ка-

станье как разведчика, действовавшего под видом преподавателя французского языка.

Личность и деятельность Кастанье заинтриговали еще одного советского писателя – Юрия Домбровского. С тенью Кастанье Домбровский, или его альтер эго, столкнулся сразу же после начала работы в алматинском музее в 1933 году:

А предшественники у меня были знатные. То и дело, например, попадалась фамилия Кастанье. «Из сборов Кастанье», «Из коллекции Кастанье», «Описано Кастанье», «Смотри рисунок в монографии Кастанье» и так далее. Этим человеком я заинтересовался уже намного позже. Тогда же мне просто было от него некуда деваться. Сколько он насобирал камней! И там Кастанье, и тут Кастанье, и везде один и тот же Иосиф Антонович Кастанье – «ученый секретарь Оренбургской архивной комиссии» (так он подписывался под своими статьями). «Преподаватель французского языка в Оренбургской гимназии» (так в одной строчке сообщил о нем Венгеров). Этими титулами, пожалуй, исчерпывается и все, что я о нем знаю. Да и только ли я один? И никто ничего не знал о Кастанье. Много позже мне пришлось просмотреть с добрую сотню словарей и библиографических справочников, я ни в одном из них не нашел упоминания нем. Так я и не знаю, когда он родился, когда умер и даже какая цена его книгам. Знаю только, что был он подвижен и энергичен необычайно. Семиречью предан фанатично. Куда он только не совался с ним! В Париж, в Музей человека, где он вручил «великому Мортилье» доклад о каменных бабах; в Тулузу, где он говорил о них же со «знаменитым Картальяком»; в Мадрид, где он в археологическом музее изучал иберийские надгробья. В Берлин, на Корсику, в Тунис на развалины Карфагена. Все идеи и образы мировой истории, осевшие золотом, мрамором, гранитом и бронзой, этот человек хотел привлечь для того, чтобы они объяснили ему, что же такое каменные бабы его родных степей. Ничего из этого, конечно, не вышло. Карфаген и царство инков только вконец запутывали дело. <...> Но, как теперь сказали бы, краеведом Кастанье был первоклассным: внимательным, знающим, рьяным, из тех, для кого история действительно была музой. О чем он только ни писал, что только ни описывал, в каком только уголке степи ни побывал и какие только истории с таинственными подземельями и скелетами с ним не случались! Писал он и о надгробных памятниках, и о сирийских надгробьях, и о неолитических стоянках, и о свастике, и бог знает еще о чем⁸.

Роман Домбровского «Хранитель древностей» напечатали в журнале «Новый мир». Однако вскоре Домбровскому пришлось вернуться к личности Кастанье; он даже написал статью «Кто же вы, Жозеф Кастанье?», опубликованную в «Казахстанской правде» 15 августа 1965 года⁹.

После выхода романа, как пишет в этой статье Домбровский, в редакцию журнала пришло читательское письмо, обвинявшее Домбровского в том, что тот «делает вид, будто не знает, какими эпитетами честит этого Кастанье Бруно Ясенский в своем романе “Человек меняет кожу”»¹⁰. Далее шла цитата из романа, в которой Кастанье был назван агентом «Интеллидженс Сервис», активным участником контрреволюционной организации, автор книги «Басмачи»...

К сожалению, Домбровский не приводит фамилию автора письма: вероятно, оно было анонимным. Но можно предположить, кто мог быть хранителем информации, выплеснутой на «хранителя древностей». Скорее всего, это был писатель Азиз Ниалло, он же полковник КГБ Станишевский. Из дотошных читателей, про-

листавших этот роман, вряд ли кто-то мог вспомнить имя Кастанье, единожды проскользнувшее в документальной вставке.

После письма в журнал «Новый мир» Домбровский загорелся желанием прочесть книгу Кастанье «Басмачи», что было не так-то просто с учетом цензурно-охранительских норм СССР. И вот, после долгих поисков, которые, по признанию Домбровского, «изрядно перепортили ему крови» (книги не оказалось ни в одной московской библиотеке), он, наконец, получил книгу от кого-то из зарубежных коллег. Ознакомившись с ней, Домбровский обнаружил, что она не содержит ничего собственно антисоветского:

Книга написана очень обстоятельно: первая глава – история Средней Азии, вторая – история мусульманства, затем хроника революционных событий в этом крае и цитаты, цитаты. Цитаты из советских газет, из «Известий» и «Правды», цитаты из журнала «Новый Восток». На тридцати страницах я насчитал 12 цитат из «Правды», 8 – из «Известий», 6 – из «Нового Востока» и перестал считать дальше. И еще одна глава – большое письмо Нариманова. И вот конец. Слушайте: «Таково собрание фактов, характеризующих политическую и социальную историю басмачества с октября 1917 года по октябрь 1924 года. Ныне в Центральной Азии на месте Туркестанского края, Бухары, Хорезма возникли новые советские государства: Узбекская республика, Туркменская республика; автономные республики – Таджикская, Киргизская, Каракалпакская. Центральная Азия, истерзанная войнами, междоусобицами и прочими несчастьями, наконец, обрела свободу, покой и счастье». И далее идут строки о суверенных правах молодых республик, об объявлении национальных языков государственными, о развитии культуры и свободы под водительством Советской власти¹¹.

Тем не менее, и до, и после статьи Домбровского в советской историографии преобладала именно негативная оценка Кастанье и его книги:

Из работ иностранных авторов, имеющих отношение к английской агрессивной политике в Средней Азии, необходимо указать на опубликованную в Париже в 1925 году книгу «Басмачи» Кастанье, одного из наиболее опытных агентов французских империалистов на Востоке, ставшего после Октябрьской революции союзником английской агентуры в Средней Азии. Кастанье дает сведения об антисоветской деятельности британских разведчиков в Туркестане¹².

Еще:

Кастанье Ж. – еще до первой мировой войны находился в Ташкенте якобы на «археологических исследованиях». Прикрываясь составлением археологической карты Туркестана, он занимался шпионской деятельностью. В 1917–1919 гг. был связан с агентами английских шпионских миссий и активно участвовал в борьбе с Советской властью, в связи с чем ушел в подполье¹³.

Если в Советском Союзе книга Кастанье была под запретом, то в англоязычной науке она попросту была забыта. Она не была переведена на английский язык, что не удивительно¹⁴. Сочувственное отношение Кастанье к преобразованиям в Средней Азии никак не соответствовало английской политике в регионе.

В Лондоне, скорее, предпочли бы видеть в регионе Туркестанскую и Кокандскую автономии, Бухару и Хиву под английским протекторатом. Но Великобритания была уже не та, что до Первой мировой войны; на арену стремительно выходил другой мировой гегемон – США. Великобритания охладела к спонсированию повстанцев, сосредоточившись на решении политических задач в Индии и Афганистане, а США не поддерживали басмаческое движение и относились к нему достаточно безразлично.

Если предположить, что Кастанье два года, 1919 и 1920, провел в Ферганской долине, то он мог наблюдать за басмаческим движением изнутри. Времена были жестокие, нравы у повстанцев были крутые, но и борцы с басмачами были не мягче. Кастанье цитирует парижскую газету «Последние новости» от 30 августа 1924 года, рассказавшую о судьбе курбаши Бахрам-бека из окрестностей Самарканда, который был расстрелян большевиками в 1922 году, а его голова была отправлена в Ташкент и выставлена на одной из конференций Коммунистической партии Туркестана в сентябре того же года (если, конечно, «Последние новости» не фантазируют; найти же подтверждение этому в советских источниках просто нереально). Та же участь, по словам этой газеты, постигла курбаши Кари Камила, бывшего учителя из Самарканда. Его голова была отправлена на конференцию большевиков в Ташкент. Если верить «Последним новостям», это было не идеологическое мероприятие большевиков, а выставка трофеев «передовиков» борьбы с басмачами. Третьим экспонатом была голова заместителя бухарского курбаши Агзам Ходжи мингбаши (или юзбаши) Ходжи Хафиза. А новатором в этой «отчетности» выступил командир бухарского ополчения товарищ Рахимбаев, награжденный впоследствии орденом Красного Знамени.

Сами басмачи также отрезали головы как пленным, так и отступникам в собственных рядах. Кастанье рассказывает о судьбе одного из самых известных курбаши Ферганской долины – Мадамин-беке. После перехода на сторону Советов Мадамин-бек, обвиненный в измене его соперником Курширматом, был им убит. Произошло это во второй половине 1920 года. Однако Мадамин-бек был убит руками курбаши Холходжи. Голову Мадамин-бека басмачи Холходжи таскали на копье, пока и сам Холходжа не погиб под снежной лавиной, преследуемый красноармейцами. Курширмат только проявил коварство, пригласив перешедшего на сторону Советов Мадамин-бека для переговоров в составе небольшого красноармейского отряда под начальством ташкентца из семиреченских казаков комиссара Сергея Сухова. Мадамин-бек и Сухов пытались уговорить Курширмата и других курбаши сложить оружие, но были убиты. Предварительная договоренность об их казни уже существовала, и отряд просто был заманен в ловушку.

Показательно, что и Мадамин-бек, и Холходжа, и Курширмат, и Аман Палван, и Хамдан, и Ирғаш, и Исламкул, и многие другие лидеры повстанцев до революции сидели по тюрьмам за уголовные преступления, в том числе и за убийства, но были освобождены по всеобщей амнистии после февральской революции. Обретая свободу, они сколачивали небольшие банды, облагали местное население данью

и взымали сборы за проезд по контролируемым ими дорогами – говоря современным языком, занимались обычным рэкетом. Не имевших уголовного опыта курбаши насчитывались единицы. Кастанье откровенно пишет про ферганского курбаши Ишмата Байбачи, что тот был одним из немногих курбаши, у которого не было дореволюционной судимости. Происходил он из богатой семьи, собрал отряд в четыреста человек и оперировал в районе Бешарыка, враждовал с Иргашем. По свидетельству Станишевского, курбаши Ишмат Байбача сдался в плен 27 августа 1923 года в Кокандском уезде.

Басмаческое движение было головной болью для ташкентского правительства. Единого фронта не было, восстания вспыхивали неожиданно в, казалось бы, глубоком тылу, оперативная обстановка менялась с калейдоскопической быстротой. Вчера еще верные кадры переходили на сторону басмачей. Менялась политика, объявлялись амнистии, и некоторые курбаши переходили на советскую сторону. Ташкентские большевики пытались проводить гибкую политику, это видно по тому, как часто отдельные отряды переходили к мирной жизни. Были и примеры «профессиональных перебежчиков», переходивших с одной стороны на другую в зависимости от текущих выгод.

Лучшие страницы книги Кастанье посвящены Энверу-паше (22 ноября 1881 – 4 августа 1922). Вся его биография соткана из легенд и версий. К чести Кастанье, он старается сохранять объективный подход, цитирует советские и несоветские газеты, публикует письма и манифесты Энвера-паши, воздерживается от эмоциональных оценок.

Едва избежав смерти на родине, Энвер-паша оказался в поверженной в Первой мировой войне Германии. Как отработанный политический материал он болтался на задворках генштаба в Берлине, пока не додумался посетить в печально известной тюрьме Моабит коминтерновца Карла Радека с планами придать «перманентной революции» исламский окрас. Радеку прожектерские теории понравились, и он решил порекомендовать Энвера-пашу московским большевикам. Вполне возможно, что Энвер-паша и Радек прибыли в Москву в январе 1920 года вместе.

Кастанье полагает, что ключевую роль в поддержке Советами Энвера-паши сыграл московский дипломат Лев Карахан (1889–1937): «Всемогущий в ту пору господин Карахан предоставил в его распоряжение в Москве отдельный особняк, реквизируемый для нужд Наркомата иностранных дел».

На наш взгляд, Кастанье несколько преувеличивает роль Карахана в покровительстве Энвер-паше. С мая 1921 года Карахан уже являлся полпредом РСФСР в Польше. К тому же непонятно, как Карахан, этнический армянин, относился к теме геноцида турецких армян, одним из инициаторов которого был Энвер-паша. В последовавшей операции Москвы по ликвидации Энвера-паши были задействованы разведчик-чекист Георгий Агабеков и красный командир Яков Мелькумов, также этнический армянин, писавший, что он лично зарубил Энвера-пашу в бою под Бальджуаном. Возможно, в опеке Энвера-паши были задействованы советские чиновники помощественнее Карахана.

Эпопея Энвера-паши в Восточной Бухаре не могла не окончиться бесславно. Столкнулись две деструктивные силы: красные, которые разрушали вековой уклад Бухарского эмирата, и турецкие эмиссары во главе с Энвером-пашой, которого больше интересовали не пантюркизм и панисламизм, а перехват власти. Одновременно с его военными неудачами приходило разочарование местного населения в этом «зяте Халифа». В итоге под Бальджуаном он остался во главе отряда, маломобильного из-за обоза с награбленным золотом, состоявшего из афганских наемников и турецких эмиссаров, и был разбит малочисленным отрядом красных. Не приходится сомневаться, что в случае успеха Энвер-паша не передал бы власть бывшему эмиру Саидалимхану и быстро бы расправился со всеми остальными курбаши и претендентами на власть, установив жесткую диктатуру.

После ликвидации Энвера-паши басмаческое движение пошло на спад, сохранившись какое-то время в Восточной Бухаре только в виде набегов с территории Афганистана.

Прошло почти сто лет, и вот впервые осуществлен русский перевод этой книги краеведом и переводчиком (родом из Ташкента) Анатолием Цапенко. В 2013 году (под псевдонимом «Анатолий Михайлов») он опубликовал перевод книги английского разведчика Фредерика Бейли «Миссия в Ташкент»¹⁵, а в 2019 году – книги несостоявшегося белого премьера Туркестана Павла Назарова «Погоня по Средней Азии»¹⁶, отрывки из которых были тогда же опубликованы на страницах «Востока Свыше»¹⁷.

Несомненно, книга Кастанье вызовет интерес у историков. Он был одним из первых, кто попытался описать постреволюционные исторические события в Средней Азии «по горячим следам», непосредственным свидетелем которых он был. И не просто описать, но и сохранить в своем труде непредвзятость и объективность. Это перо уже не туркестанского археолога, а французского историка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). – СПб.: ЭлекСис, 2011. С. 188.

² Бывший австрийский военнопленный, этнический серб, служивший в ЧК, агент Бейли.

³ Бейли Ф.М. Миссия в Ташкент. – М.: «Языки славянской культуры», 2013. С. 90.

⁴ «Эта информация нашла подтверждение в книге Кастанье «Басмачи», изданной в Париже в 1925 году. В ней автор писал, что проходы между Ферганской и Сырдарьинской областями были заняты Красной армией, чтобы изолировать контрреволюционные элементы в Ташкенте от басмачей – сторонников Иргаша – в Коканде» (Бейли Ф.М. Цит. соч. С. 102–103).

⁵ Бейли Ф.М. Цит. соч. С. 340–341.

⁶ Ясенский Б. Человек меняет кожу. – М.: Худож. лит., 1969. С. 551–552.

⁷ Там же. С. 553–554

⁸ Домбровский Ю.О. Хранитель древностей // Домбровский Ю.О. Собрание сочинений: в 8 т. [вышло 6 т.] / Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. – М.: Терра, 1992–1993. – Т.3.1993. С. 28.

⁹ См.: Домбровский Ю.О. Кто же вы, Жозеф Кастанье? // Домбровский Ю.О. Собрание сочинений... Т.6. – 1992. С. 179–186.

¹⁰ Там же. С. 183.

¹¹ Там же. С. 185.

Ефрем РЯБОВ. «И там Кастанье, и тут Кастанье...»

¹² *Бабаходжаев А.Х.* Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре. – Ташкент: АН УзССР, 1957. С. 6.

¹³ *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В.* Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов. – М.: «Мысль», 1986. С. 225.

¹⁴ Относительно недавно книга Кастанье вышла на турецком языке под заголовком «Национально-

освободительное движение Туркестана» и с портретом улыбающегося Энвера-Паши на обложке. (Castagne J. *Türkistan Milli Kurtuluş Hareketi*. Istanbul: Bilge Kültür Sanat, 2015). (Прим. – *ВС.*)

¹⁵ *Бейли Ф.М.* Цит. соч.

¹⁶ *Назаров П.* Погоня по Средней Азии. Побег от ленинской тайной полиции. – [Б.м.]: Издательские решения: Ridero, 2019.

¹⁷ *ВС.* 2019. № 3–4 (LI). С. 41–50.

О браке и семье

Отними у любви терпение, и она, как разоренная, перестанет существовать.

Сщм. Киприан Карфагенский (ум. 258)

Первый <брак> есть закон, второй – снисхождение, третий – беззаконие.

Свт. Григорий Богослов (ок. 325–389)

Многие из великих мужей изумляются Девству. <...> Но и честной Брак превосходит всякий земной дар, так как он – многоплодное древо, изысканнейший цвет и корень девства, так как он – насадитель разумных и одушевленных ветвей, так как он – благословение на умножение мира, утешитель рода, соиздатель человеческого существа и живописец божественного образа, так как он получил благословение Господа и удерживает собой весь мир. <...> И Девство, и Брак в равной степени причастны страху Божьему. Ведь без благочестного страха Божия и Девство нецеломудренно, и Брак нечестен.

Свт. Амфилохий Иконийский (340/5 – после 394)

Брак дан для деторождения, а еще более – для погашения естественного пламени.

Как рассекать плоть – дело преступное, так и разводиться – дело незаконное.

Свт. Иоанн Златоуст (347–407)

Чего между вами в семье бывает, не выноси из дома своего в люди, и если что увидишь или услышишь худое вне дома, того не вноси в свой дом.

Прп. Геннадий Костромской (ум. 1565)

Брачная жизнь – Богом благословенная жизнь, и иноческая жизнь – святая и ангельская жизнь, и та, и другая – богоугодная жизнь.

Прп. Антоний Оптинский (Путилов, 1795–1865)

<Брачное сожитие> должно быть неразрывно – до гроба: любовь христианская любит до конца, а не на время. <...> Будут искушения для вашей любви со стороны слабостей того или другого из вас или от несходства характеров, привычек, или со стороны людей, со стороны исконного врага – <...> не раздражайтесь, терпите, снисходите, крепитесь верой во Христа Иисуса.

Св. блг. Иоанн Кронштадтский (1829–1909)

Счастье в брачной жизни дается только тем, кто исполняет заповеди Божии и относится к браку как к Таинству христианской Церкви.

Прп. Нектарий Оптинский (Тихонов, 1853–1928)

Брак есть крест... В то время, когда жизнь супругов безбожных проходит в заботах о материальном благополучии и этим по большей части ограничивается, жизнь христианских супругов состоит во взаимном несении общего для всех жизненного креста (а вдвоем всегда легче) и совместном шествии ко Господу.

Св. прав. Алексей Мечёв (1859–1923)

Изменившая жена – это большая холодная котлета, которую не хочется трогать, потому что ее уже держал в руках кто-то другой.

Антон Чехов (1860–1904)

Виды любви различны: есть любовь мужа к жене, жены к мужу, любовь родителей к детям, любовь детей к родителям... Есть самая совершенная степень любви, самая высокая и самая святая – любовь к Богу. Во всяком деле надо постепенно восходить от простого к высшему. Посему брак да послужит нам в целях обучения любви.

Свт. Лука Крымский (1877–1961)

Если человек посвящает все свои мысли и все свое усердие своей семье и ничего не хочет знать, кроме своей семьи, тогда его семья для него божество. И тогда это болезнь души и нарушение заповеди «не сотвори себе кумира».

Свт. Николай Сербский (1881–1956)

Брак – просвящение, мистерия. В нем полное изменение человека, расширение его личности, новые глаза, новое ощущение жизни, рождение через него в мир в новой полноте.

Бесконечное количество несчастных браков именно от того, что каждая сторона считает себя собственником того, кто любит. Величайшая мудрость брака – дать полную свободу тому, кого любишь: брак наш земной – подобие брака небесного (Христос и Церковь), а там полная свобода.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

Если ребенок не научится любви в семье своих родителей, то где же он научится ей? Если он с детства не привыкнет искать счастья именно во взаимной любви, то в каких же злых и дурных влечениях он будет искать счастья в зрелом возрасте?

Иван Ильин (1883–1954)

С кем бы человек ни начинал строить семейную жизнь, он пройдет периоды искуса. Ведь готового счастья не бывает... Счастье надо тоже выращивать терпеливо и многими трудами с обеих сторон.

Архим. Иоанн (Крестьянкин) (1910–2006)

Цель брака есть брак. Рождение детей – его составная часть, но в брак не вступают для того, чтобы иметь детей, в брак вступают для того, чтобы осуществить жизнь взаимной любви, то есть преодоление индивидуальной изолированности, расширение личности, которое один немецкий автор называет «жизнью единой личности в двух лицах».

Христианская семья должна быть счастливой. Это не значит, что надо потакать друг другу во всем. Но если христианская семья представляет собой картину несчастливого сочетания двух, трех, четырех людей, то всякий неверующий или полупроверок, глядя на нее, скажет разочарованно: ну, если это – всё, что Бог может сделать, то мне Он не нужен! <...> В центре семьи должна быть любовь, должна быть радость, а не постоянная мука во имя какого-то идеала, часто выдуманного. <...> Счастье, конечно, должно быть нравственно выдержанное, то есть должна быть подлинно христианская любовь между мужем и женой.

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

Потому в мире и нет, и не может быть равенства, что он создан *любовью*, а не принципами. И жаждет мир любви, а не равенства, и ничто – мы знаем это – не убивает так любви, не заменяет ее так ненавистью, как именно это постоянно навязываемое миру как цель и «ценность» равенство.

А именно в *любви*, и ни в чем другом, укоренена двойственность человека как мужчины и женщины. Это не ошибка, которую человечество исправит «равенством», не изъян, не случайность – это первое и самое онтологическое выражение самой сущности *жизни*. Тут исполнение личности осуществляется в самоотдаче, тут преодолевается «закон», тут умирает самоутверждение мужчины как мужчины и женщины как женщины и т.д. <...>

«Мужское» и «женское» начала соприродны миру, но только человек претворяет их в *семью*. Ненависть нашей культуры к семье за то, что эта последняя обличает зло «равенства».

Семья – не цель, а источник, питающий жизнь, и сила жизни. Семья распадается, когда она становится целью (то есть опять-таки идолом).

Семья не имеет «цели», она не «прагматична». Она источник, она – та жизнь, из которой вырастают цели.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

Будучи тайной, таинством, христианский брак неизбежно противоречит практической, эмпирической реальности падшего человечества. Поэтому он, как и само Евангелие, является недостижимым идеалом. Но существует огромная разница между «таинством» и «идеалом». Таинство – не абстракция, а опыт, в котором человек общается с Богом. В таинстве человеческая природа, не теряя полноты человеческого естества, участвует в более высокой реальности Духа.

Прот. Иоанн Мейендорф (1926–1992)

В Церкви есть семь таинств, семь священнодействий, которые являются кардинальными в жизни Церкви. И одно из них – это брак. Таким образом, в святая святых своего мировоззрения Церковь вводит союз мужчины и женщины.

Бывает очень страстная любовь – любовь свободная. Я бы боялся ее назвать свободной, потому что она скорее является рабством. Если мужчина любит, он должен найти в себе силы (даже если он слабый человек) взять на себя ответственность быть человеком, который подставляет плечо, – в этом его мужественность.

Настоящая любовь неотделима от ответственности. Случайная связь и построена на том, что человек не несет ответственности за человека. Он его просто использует для того, чтобы насытить, удовлетворить свою страсть.

Прот. Александр Мень (1935–1990)

Супруги, которые приближаются друг к другу, чего-то не простив, припрятав камень за пазухой, практикуют блуд в браке.

Христианский брак <...> не может быть «практичным» временным контрактом. Он нерасторжим в принципе, и это не потому, что попам захотелось помучить людей, а потому, что союз безоговорочного прощения и безграничного доверия заключается только навсегда.

Сергей Аверинцев (1937–2004)

Иерей Сергей КРУГЛОВ

«Царство Божие – здесь»

Избранные записи в Фейсбуке последних лет*

Нашел цитату. Из письма священномученика Дионисия (†264), епископа Александрийского, о временах гонений и эпидемии:

«После короткой передышки обрушилась на нас эта болезнь – для них (язычников) самое страшное из всего страшного, из всех бед самая жестокая и, как говорит их собственный писатель, событие исключительное, какого никто не мог ожидать. Для нас оно таким не было; как и в других случаях, Господь нас испытывал и закалял. Болезнь не обходила и нас, но поражала больше язычников.

Весьма многие из наших братьев по преизбытку милосердия и по братолюбивости, не жалея себя, поддерживали друг друга, безбоязненно навещали больных, безотказно служили им, ухаживая за ними ради Христа, радостно умирали вместе; исполняясь чужого страдания, заражались от ближних и охотно брали на себя их страдания. Многие, ухаживая за больными и укрепляя других, скончались сами, приняв смерть вместо них. <...>

Так уходили из жизни лучшие из братьев: священники, диаконы, миряне; их осыпали похвалами, ибо такая смерть, возможная только по великому благочестию и крепкой вере, считалась равной мученичеству».

Евсевий Кесарийский, «Церковная история», кн. VII.

Главное, что меня зацепило в отрывке из писаний священномученика 3-го века – вот что: противопоставление христиан и язычников. Как я понял из отрывка, христиане смело поддерживали в болезни – но друг друга, членов Церкви. В те времена, времена гонений, когда Церковь и без того чувствовала себя чужой в мире, такая тональность, вероятно, была естественной для христиан. Но, конечно, как кальку наложить это на сегодняшнюю ситуацию невозможно. Мир изменился. И изменился в изрядной степени именно под влиянием Церкви (церковной организации, церковных проповедников, богословов, социальных деятелей и проч.,

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020; 1 (LV), 2021. (Все примечания – ВС.)

«церкви воинствующей»). За истекшие две тысячи лет Церковь, совершая миссию в мире, всемерно и в разнообразных формах убеждала мир: Христос умер за всех и воскрес ради всех, вы – тоже Христовы. Значит, отвечать ей теперь – и за них тоже. Сегодня старая риторика с делением на язычников и христиан – неуместна, мир перемешан и сложен более чем в первые века существования Церкви. Христиане и нехристиане остаются – но отношения между ними изменились по сравнению с 3 веком. Изолироваться Церкви от мира, плюнуть на него и сбежать – уже не получится. Но и стать миром она не может, она остается Церковью. Это страшно тяжелое положение и страшная ответственность.

Суббота Суббот.

Зря, что ли, Бог дал заповедь о субботе: отставьте ВСЁ своё, даже мящееся наиважнейшим, войдите в покой – и там предоставьте место Богу.

Уж, казалось бы, именно для этого и Суббота Суббот – когда Бог во гробе, максимально самоумалился и самоустранился... чтоб утих и я. Если получится, конечно, – меня уторкать не так-то просто.

«Время сокращается, востани, близ при дверех Судия есть, яко соние, яко цвет, время жития течёт, что всё мятётся?..»

Недавно мне в подробностях рассказывали, какие муки в посмертной наруже могут быть уготованы тем, кто укупоривает пасхальные яйца в магазинные пластиковые наклейки.

Должен сознаться, что хоть и человеколюбец, но слушал с пониманием.

«Поэзия – это исповедь водного животного, которое живет на суше, а хотело бы в воздухе».

Карл Сэндберг в детстве и юности тяжело работал, и в мастерских, и на ферме. Ни на водное, ни на воздушное существо он не был похож, хотя и прожил жизнь, да, на суше.

Эту его фразу приводит Михаил Гаспаров в «Записях и выписках».

По поводу всех яростных битв о вере, Церкви и церковном устройении, происходящих днесь здесь, хотелось бы высказать всем-всем пожелание: давайте постараемся остаться, прежде всего, живыми и здоровыми. Мы все в одной общей больничной палате, не драться утками бы надо, а как-то помогать друг другу.

А настанет выписка – там разберемся.

Жены-мироносицы и их любовь.

В частности, верность, *эмуна**.

Месяц нисан и его сила... да.

Верить в Бога, что Он есть – если разобраться, все верят, всякое живое. И бесы веруют, но дрожат**, и атеист верит (но борется – не с Богом, конечно, с верой в

* *Эмуна* (др.-евр.) – вера.

** Иак. 2, 19.

себе, примерно как всем знакома борьба с совестью – уговорить ее, занавесить чем попримичнее, подчистить и подкрасить пожухлое, подгнившее, силой ли ее уторкать, цыкнуть, пытаться ли обмануть: неудобная, неприятная, часто – невыносимая вещь совесть, вот и вера тоже).

Верят – все, так устроено тварное. Другой вопрос – при этом любят ли.

Главная черта антихриста – хоть того, про кого писали Иоанн и св. отцы, хоть того, который мелко есть во мне, в тебе – себялюбие. Верит в Бога, а любит – только себя. «Во имя свое».

Не рассказано в Евангелиях, что делали в те страшные дни и ночи спрятавшиеся ученики. Посыпали головы пеплом? Спорили, выясняя, как же так?.. неизвестно.

А про женщин – известно: как любили, так и любили, как были верны – так и были верны. *Эмуна*. Он, во гробе – *эмет**, они – *эмуна*.

Собрались и пошли.

Пришел суд, по-гречески – кризис.

И попытался раскрыть королю глаза, что он хоть и король, а голый.

А толпе напомнить, что он хоть и голый, а – король.

(о ценностях)

Ангелы, они, например, сторонники беспримесных, чистых чувствований (так, по крайней мере, учит нас воскресная школа).

Не то – человек.

Острая смесь сострадания и злорадства способна в одну секунду ударить ему в голову, как забористое шампанское.

Такое случается, например, когда наблюдаешь, как группа маленьких мальчиков дразнит и задирает группу маленьких девочек, доводит их до нужной степени остервенения, а потом от них убегает; и вот один такой мальчик, щасливо и самозабвенно хохоча, бежит в одну сторону, лицо притом завернув в другую, то есть в сторону догоняющих, дабы полнее наслаждаться эффектом, в результате чего со всего маху врежется в стену, урну, дерево, объемистую взрослую тетеньку и проч.

Вспомнил, что неоднократно таковым в детстве бывал и сам.

В туристической рекламе – видеоролик: «Пять сражений, которые сделали Европу христианской».

«Сражений».

Я-то по наивности думал, что христианской Европу сделало Евангелие, а оно вишь как.

В блаженные дни моих детских простуд бабушка методично, по расписанию, задавала мне один и тот же пристальный вопрос:

– Алой пил?

– Пил...

---

* *Эмет* (др.-евр.) – истина.

– Не пил, – убежденно констатировала она и заставляла пить.

Вкус сока алоэ, смешанного с медом, ароматный невыносимый вкус горечи и сладости, живет у меня на корне языка до сих пор. Запивалось снадобье горячим молоком. Во взрослом сознании этот вкус смешался с библейским: *Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю...**

Кустик алоэ всегда жил у нас на подоконнике. Я любил, отрезав кусочек, иссекать его, влажный, мясистый, животворящий, бритвочкой «Нева». Лист точил слезу; до середины замерзшее окно, вторя ему, точило сквозь толщи и узоры льда синюю зимнюю ночь; вдоль деревянного крашеного подоконника лежала длинная, сжатая в полосу марля, одним концом ниспадающая в стеклянную банку, собирающую в себя талую воду; волшебный жар в голове подымал в горячих ладонях мой дух ввысь; на кровати ждали разбросанные, все раскрытые на треть, четыре-пять книг, читаемых одновременно; в те времена простуды бывали неколебимыми столпами, сезонными основами бытия – в детстве вообще весь мир виделся мне сопряжением светящихся, поющих нутряной музыкой, ликующих столпов.

99 овец, уверенно прущие вперед, на тучные пажити, могут совершенно не заметить, что Пастыря среди них нет – Он отстал, повернул обратно и ищет одну, сбившуюся с пути и свалившуюся в канаву подыхать, шелудивую, ни на шерсть, ни на шашлык не годную, давно уж портящую всю стройность стада, на которой только что крест поставить, потому что печать – уже некуда...

В разных разговорах, ведомых ныне в связи с ковидом и карантинном, в том или ином виде встречается противостояние: «Выбирай, или храм и причащение – или жизнь и безопасность!»

Гоголевский черт украл месяц, потому что украсть всё небо он не в состоянии.

Черт – мастер дихотомий, первый еретик, от «выбор части вместо целого», первый сектант со своим секатором.

На тему вчерашней памяти отцов Вселенских соборов: ночью приснилась книга про ересиархов под названием «Обиженные и упёртые», в яркой синей с желтым и белым обложке.

Проснувшись, подумал: все они – Арий там, Евномий, Евтихий, Несторий и пр. – были, несомненно, выдающимися и талантливыми личностями, все пламенно радели о вере, Церкви и истине, таких, какими они их понимали; а вот были ли они счастливы? (Однажды был свидетелем разговора, в котором один православный человек спросил, означает ли святость святого, что он счастлив. А другой православный человек безапелляционно ответил, что счастье – это неправославное понятие и вообще прелесть. Если кто не в курсе, «прелесть» – это специальное церковное слово, такая страшная вещь, про которую я узнал, впервые придя в церковь в 90-е годы; толком непонятная, что-то типа ковида для тех, кто им не болел и в реальности не встречал, а только в СМИ и в соцсетях, но на всякий случай смертельно опасная и вполне оправдывающая все эти карантинные мероприятия).

---

* 1 Цар. 14, 43.

Сегодня память святителя Алексия Московского, чудотворца.

Думаю про исцеление им ханши Тайдулы (неплохо бы, если представится возможность, пересмотреть фильм «Орда»).

В частности, думаю: если *вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом* (Евр. 11, 1), то зачем нужны чудеса; каков прикладной смысл чудес «для внешних»; желание чудес самим христианином, «для себя», и что оно означает, и проч.

Чудеса – как оранжевый цвет в пестроте мира (и как прекрасно, что есть и другие цвета, в том числе черный).

Ох, непопулярная эта тема – Петров пост, посвященный, как вы знаете, почитанию трудов святых первоверховных апостолов Петра и Павла, наступающий через неделю после Троицы, всякий год длящийся разное время. Непопулярная, несмотря на то, что пишется и говорится про него каждый год во множестве... Простите, что умножу это множество и своими некоторыми размышлениями, отрывочными и несистематичными, но кажущимися мне важными заметками на полях.

Всякий раз, когда приходится писать или проповедовать о посте, особенно почему-то об одном из летних, замечаю за собой, что с кем-то полемизирую, с кем-то, не то чтобы не верящим в Бога и не принимающим Церковь, но явно воротящим от поста нос. С кем? Есть такое, чего греха таить, у священников и вообще у современных православных витий в сани и вне его, говорящих о вере и Церкви с церковного ли амвона, в лентах ли соцсетей: придумать некоего оппонента, совопросника, создать перед верующими слушателями его образ и его же блистательно развенчать и обличить. Кто этот воображаемый оппонент? Обобщенный образ врага Церкви? Нет, избави меня Господь – создавать такие образы присуще идеологам, а мне важна и интересна не идеология, а жизнь. Может быть, тогда – это я сам, *альтер*, что называется, *эго*, перенес на кого-то воображаемого свои собственные большие вопросы, нерешенные проблемы и обсуждаю их прилюдно, так тоже нередко случается у проповедников. (Помните анекдот, в котором на слова батюшки: «Все мы страдаем за наши грехи!» слышится саркастический вопрос из зала: «А чего это все мы должны страдать за ваши грехи?»?) Нет, этак тоже не пойдет. Лучше уж, говоря о посте, держать в уме конкретные вопросы конкретных людей, отвечать именно на них и как-нибудь, избегая витийства, пытаться вместе разобраться, авось и будет польза, Богу содействующу.

Итак, недавно после службы, говоря собравшимся о радости быть с ними вместе в храме в дни Пятидесятницы на Литургии и о том, как эту трудную радость приходится особо ценить в дни коронавируса и карантина, когда не знаешь, что ждет завтра, я сказал также: «А еще поздравляю вас с наступающим Петровым постом!». В основном наши минусинские прихожане к постам относятся с одобрением, однако один человек после службы все же мне сказал: «Ну вот, какой еще пост! У нас у всех и так жизнь вон какая, запёрли нас на карантин, и так нам трудно!..». Говорю: «Так что же, раз карантин, так и пост отменить?». Он мне: «А может, и так! Времена меняются, и Церковь должна к ним подстраиваться!».

Вот с этим реальным оппонентом мы какое-то время разговаривали. Говорю

ему: «У меня есть знакомые, которые вообще считают, что Великий пост – еще ладно, а Петров, Успенский и Рождественский надо отменить, что первые христиане их не знали, что их придумали клерикалы-мракобесы, и в таком роде. Вы, поди, тоже так думаете?». Он, оказалось, так и думал, и еще много чего думал, и переубедить в итоге мне его не удалось, да я, в общем, и не особо старался переубеждать, вольному воля. Но свой взгляд ему сообщил. Взгляд же таков: если считаешь, что пост – некая дополнительная тягота, которая специально налагается на христианина кем там, церковными властями или самим Богом, чтоб христианин помучился, ибо мучение полезно, и измученным запретами человеком проще манипулировать, проще встроить его «в ряды коллектива», то это не так. Если воспринимаешь пост как лишение того и сего в виде наказания, как обязательку, за исполнением которой следит надсмотрщик, – лучше вообще не постись.

Другой реальный оппонент, выступавший против Петрова поста, была, помню, одна дама, боявшаяся за свое здоровье. Она упирала на кулинарную составляющую, говорила, что на Руси Петровки называли «петровки-голодовки», потому что старый урожай съеден, а новый еще не подоспел (очень актуально для современного горожанина, да?), а ей по состоянию здоровья голодать никак нельзя. Ну, с той было, с одной стороны, просто, я ей объяснил, что для болящего человека еда как лекарство, и пусть ест всё, что можно, а с другой стороны, непросто – весь подвиг поста она видела именно в телесном аспекте, и какие-то мои разъяснения про духовную сторону поста были для нее как откровения, но я, помню, был рад, что она все это в конце концов поняла и приняла.

И еще был один интересный у меня товарищ, творческая личность. К посту он подходил тоже творчески (вроде бы, как прекрасно звучит, да?). Он считал пост таким увлекательным опытом христианской психоделики, расширения сознания. При этом, конечно, во главе у него было именно «я и мое сознание», то есть ничего о том, что поститься нужно в послушании Церкви, слышать он не хотел, при самом слове «послушание» он напрягался, постился, помню, сурово, куда там йогам, но как попало и когда попало, для него не было разницы вообще, среда там или пятник, Петров пост или Великий и чему они посвящены, и ничем хорошим это не закончилось, то есть закончилось тем, что эти свои «опыты» он в конце концов бросил (и слава Богу, я считаю). С ним мы говорили о том, что творческий кайф, основанный на самости, и радость во Христе – вовсе не одно и то же (в то время я и сам для себя осмысливал и переживал эту тему), что попытки забраться на Небо – не то же самое, что научиться принимать подаваемое с Неба, и с тех пор в понимании вот этой разницы я укрепился еще больше.

Буду ли поститься в Петров пост я сам («Вот так вопрос! Как это, священник и еще решает, поститься ему или нет?!» – а что вы думаете, священник тоже человек, а всяк человек, сами понимаете...)? Буду. И именно – в послушании Церкви. Реплик типа «тупое послушание», «слепая вера», «закомплексованность и мракобесие» я за годы своего воцерковления наслушался немало, когда-то вступал в прю «за единый аз», каковая пряха осложнялась и тем, что сам я тоже ничего тупого и слепого не люблю, а нынче же стал, видимо, стар, и сил на полемику ради полемики у меня уже нет. Всему этому я могу противопоставить только одно – свой собственный

опыт. А этот опыт показал мне: я люблю Церковь, и она, как бы странно это на чей-то слух ни звучало, тоже любит меня. И послушание, то есть доверие к наработанному Церковью, к традиции поста в том числе, дается Церковью человеку именно в помощь ему в деле его спасения, то есть спас-то человека Христос, а дело человека – принять это спасение и усвоить его. (Спасением дело, конечно, не заканчивается, путь за Христом ведет христианина еще дальше, но сейчас я – пока о спасении). И вот это послушание Церкви, доверие в любви к ней, спасало меня в жизни не раз. Как докажу? Никак. Хочешь узнать, в чем смысл и ценность поста – приступай к нему сам.

Для меня любой пост, в том числе и Петров – опыт попыток обретения свободы. Приведу здесь слова епископа Каллиста (Уэра), он говорит, правда, не о Петровом, а о Великом посте, но, имея в виду аспект свободы, разницы не вижу:

«Будучи временем постижения и обновления, временем духовной весны, пост также связан с тем, как мы используем нашу человеческую свободу выбора. Великий пост – это время, когда мы учимся быть свободными. Ибо свобода, с одной стороны, есть нечто непосредственное, но с другой стороны, и то, чему нужно учиться. Если бы вы спросили меня: “Вы играете на скрипке?” – и я бы ответил: “Я не уверен, я никогда не пробовал...”, – мой ответ показался бы вам несколько странным. Потому что я вовсе не свободен сыграть сонату Баха на скрипке, если сначала, путем долгих и упорных занятий, не овладею инструментом.

На нравственном уровне дело так же обстоит и с проявлением нашей свободы. Будучи человеком, созданным по образу и подобию Божьему, я не обладаю истинной свободой, пока не научусь использовать данную мне свободу правильно, а подобное научение предполагает послушание, дисциплину и самоотречение. Свобода не просто дар, это еще и задача. Русская духовность называет это аскетическим подвигом. Как справедливо отмечал Николай Бердяев (1874–1948): “Свобода не легка, как думают ее враги, клеветующие на нее, свобода трудна, она есть тяжелое бремя”. Но также она есть привилегия и радость».

С днем всех святых!

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч*. Поколения за поколениями ужасаются – какая же жестокость. Между тем, Христос говорит как врач, взявшийся исцелить мир, как хирург: рука срослась неправильно, впереди трудная операция: заново сломать сросшееся и исправить.

Святые – творчески активны. Они живут. Не погружены в сон и морок. Явно или интуитивно, я это чувствую, обращаясь с молитвой к кому-то из них.

Эта активность – продолжение первоначального призыва Божьего к Адаму: бери землю, твори, преображай ее в райский сад; с принятием Духа Святого этот призыв приняла и Церковь. Конечно, ей теперь труднее это делать, чем Адаму, она имеет дело с куда более изгаженным, исковерканным за века миром, но тем не менее.

Святость – это еще и творчество, смиренное притом («нет, я не Бог», антилюциферово устройство).

---

* Мф. 10, 34.

Вот, говорят, Пелевин – местами пророк.

Да какой пророк, просто внимательный к окружающему человек.

И, думается, достаточно мужественный, в том смысле, что прикрывает улыбкой свою внутреннюю печаль и тревогу по поводу происходящего.

(перечитывая некоторые его поздние вещи)

Неделя всех святых, в земле Российской просиявших.

«Буря сомнения, осуждения, раздражения и ужаса охватывает человека, когда он видит, что зло входит в самое святое святых. Кажется, что безысходная тьма окружает сердце и землю. Что же остается нам? Какое спасительное чувство надо изыскать, чтобы выйти из тьмы к свету Христову? То самое, которое оставили нам те же строки Евангелия: на слова Христовы апостолы, «скорбяще зело, начата глаголати Ему един кийждо их (каждый из них. – С.Ф.): еда аз есмь, Господи?» (Мф. 26, 22). «Не я ли, Господи?» Зло надо искать в себе, а не в других. Чем страшнее и ответственнее час церковной истории, тем все глубже и безмернее должно быть смирение христианской души».

(Сергей Фудель, «Церковь верных»)

Да, логика совершенно неземная и нелогичная... «Они творят зло – а я, значит, смирайся и кайся?! Доколе?!»

Впрочем, обычно те, кто на своем опыте знает, что такое смирение и покаяние, и мало того что знает, но и имеет их, таких раздраженных восклицаний как раз и не издают.

Герцен, «Про народ и закон»:

«Русский народ говорит своим старым языком; судьи и подьячие пишут новым бюрократическим языком, уродливым и едва понятным, – они наполняют целые in-folio грамматическими необразностями и скороговоркой отчитывают крестьянину эту чепуху. Понимай как знаешь и выпутывайся как умеешь. Крестьянин видит, к чему это клонится, и держит себя осторожно. Он не скажет лишнего слова, он скрывает свою тревогу и стоит молча, прикидываясь дураком».

«...или пища в Фейсбук», – добавим мы.

Один из самых точных, на мой взгляд, образов на тему Священного Писания – у о. Георгия Чистякова: Священное Писание (и, шире, христианство) – не словарь, в котором есть все значения слов, все ответы на все вопросы, но атлас дорог, карта. Карта что-то скажет, поможет – только тому, кто идет сам.

Таких сильных мира сего, как сегодняшний римский сотник, построивший в Капернауме синагогу (причем синагогу нехилую, раз Капернаум «до неба возносился»), называют у нас «благодетели и благоуказители». Их чествуют, приглашают на службу на Пасху и на престольные праздники, и они там стоят со свечами под всполохами камер, их обильно кропят святой водой на разных молебных мероприятиях и награждают благодарственными грамотами и церковными медалями, по заповеди чьей не помню: «Для церковного дела бумаги и металла не жалейте!».

И вот – пришел этот Иисус из Назарета. И что? Нет чтоб просто молча принять участие в молебне о выздоровлении слуги, раз важные люди просят, да в приветственной речи похвалить благодетеля! Пришел – и исцелить вроде исцелил, и даже благодетеля похвалил, но вывернул всё так, что свои-то, местные церковные руководители наверняка стояли как оплеванные: такой дескать веры, как у него, не нашел Я во всем Израиле, и вообще – со всех концов земли придут в Царство, а вас, богоносцев, – под зад коленом... Да кто Тебя вообще просил веру его оценивать!

Словом, куда ни придет – везде скандал какой-нибудь.

И простому народу тоже вряд ли все это понятно (имею в виду контекст заповеди о любви к ближнему).

«Любить и миловать? Ну, мы согласны, но смотря кого. Котика вот готовы любить. Ребеночка, лучше маленького, не подростка, подростки противные. Больного и недееспособного можем жалеть, только чтоб он не капризный был и чтоб не выносить за ним горшки день и ночь, а благодарил бы Б-га и судьбу смиренно и беспрестанно, и вообще лучше побольше спал бы да побыстрее помер, не был бы обузой. Вдову и сироту, как заповедано, тоже готовы миловать, если только они не пьяные, если побираются не наглея и не очень от них воняет. Но этого-то – как любить?! Мало того, что язычник, так еще и оккупант, еще и представитель администрации! Да Ты на него погляди, у него майбах размером с пол нашего городка!...»

Радостотворный плач.

В тоске про то, что Бога нет, обязательно должна быть радость о том, что, раз тоска, значит, Он есть.

Где взять такую радость? Откуда она вообще берется? Таинственное дело; как сказал бы кто-то из современников, «очень сложная химия».

Насчет того, куда идет мир, возможен ли в нем прогресс в каком-либо отношении и так далее, сказано было много; у меня, например, в голове – пророческие слова Булгакова: «Да, а чай? Ведь это же помой! Я своими глазами видел, как какая-то неопрятная девушка подливала из ведра в ваш громадный самовар сырую воду, а чай между тем продолжали разливать».

Так что не станем унывать, огорчаться и фраппироваться, не станем изменившимся лицом бежать пруду* и волочь в тот пруд никого. Будем стараться любить ту жизнь и тот мир, какие уж есть – трезво, иногда с грустью или, увы, с отвращением, но всегда – с милосердием. И как-то в них действовать со Христом.

Всякие мысли о послушании.

«Послушание» – такое слово, которое часто вызывает бурную реакцию отворачивания и отторжения у разных людей, приходилось ее наблюдать. Любители, к примеру, читать о всяких мерзостях церковной жизни ставят это слово в ряд со словами «власть», «зависимость», «фанатизм», «насилие», «манипулирование» и

* «Графиня изменившимся лицом бежит пруду» – известная фраза из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

всем таким. Что такое «послушание», не как слово, а как подлинное христианское делание и состояние, о котором свидетельствовали св. отцы-подвижники, знает ли нынче кто?.. вспоминаю и не могу вспомнить, встречал ли в жизни таких (встречал, скорее всего, но сразу и не вспомнить, так их мало).

Преп. Силуан о послушании:

«Редко кто знает тайну послушания. Послушливый велик пред Богом. Он подражатель Христу, Который дал нам в Себе образ послушания. Послушливую душу любит Господь и дает ей Свой мир, и тогда все хорошо, и ко всем она чувствует любовь».

Послушание – не зря первейшее делание монаха. Если монах, живя в монастыре, извратит послушание, в духе советско-армейского: «Ладно, я сейчас дух, меня чморят, но я дотерплю и стану фазаном, и тогда уж получу полное право самому чморить духов, а там и дембель недалеко», или же сделает весь упор на «смотря кому», или и вовсе презрит послушание и станет растить в себе самость, – такого монаха будущее бывает прискорбно, в частности, такой – готовый фюрер, чему примеров, увы, немало. Принявший же и прошедший послушание во Христе и Духе, то есть в истинном смысле монашеского послушания – отвергается от фюрерства как от мерзости; преп. Сергей Радонежский молчком ушел из монастыря, когда брат его выказал претензию на власть, и иначе никак не мог поступить.

Иногда спорят о том, что спасительнее – семейная жизнь или монашество; если слово «спасительнее» рассматривать как «ближе ко Христу», то в отношении послушания как христианского состояния человека разницы в общем нет, внешнее только у монаха и семейного – разное. (Разумеется, манифестаций типа «послушание, но кому? только жены мужу», «послушание старцу как фюреру» я и касаться не стану, с этими извращениями и так все ясно).

Говорить вслух о таких вещах – всегда трудно. Например, не раз уж мне говорили: как это так, у тебя вот на странице в Фейсбуке – и какие-то приколы, и картинки, и шуточки, и тут же такие серьезные вещи! как так можно?! Отвечаю обычно: всё, что хорошее на свете – ко Христу, во Христе и с Христом.

Чего-то полез пересматривать «Прогулки с Бродским»*, совершенно как бы случайно. Сто раз просмотрено, а вот ведь...

Например, подумал о том, почему Бродский – большой человек: потому что он чувствовал себя в ответе за мир, язык, культуру, состояние умов и душ (и не только своих студентов), принимал мир, с горечью ли, с чувством утраты ли, с наслаждением, с иронией – но всерьез... И при этом, при всём ГРУЗЕ, лежащем на нём, грузе всего – этой ответственности, а равно и поэтического труда, лет, слабостей, утрат, перемещений по миру, «и так далее, и так далее» – он свободный человек; он-то и свободный. Почему так трудно бывает достичь свободы, о которой мечтаешь? – потому что не хочешь брать на себя эту ответственность; и потому что, спрятавшись от мира, не относишься к нему всерьез, то есть, в том числе, с любовью.

* «Прогулки с Бродским» (1993–2000) – телевизионный документальный фильм о поэте Иосифе Бродском (режиссеры Елена Якович, Алексей Шишов).

Это чувство ответственности – христианское. Не профессионально, но сущностно. Скажем, картинка из монастырского быта (рассказывал товарищ, по образованию агроном, трудившийся как-то в одном из больших монастырей). Копают трудники монастырский огород. И всегда есть кто-то, кто бросил лопату и в самозабвении молится, подняв очи горе, по четкам. А есть те, кто копает и копает... Все – православные, все – продвинутые... а вот же. Бродский – из тех, кто считает себя обязанным копать. Не потому что огород (мир) овладел им – наоборот, потому что он владеет огородом.

Иногда те или иные знакомые спрашивают, мол, как жизнь, батюшка, как сам; отвечаю цитатой из Герцена: «Собака подгоняет лаем рассеянную овцу, и та бежит каким-то деревянным курцгалопом».

Шед сейчас из магазина, у крайнего подъезда увидел двух местных жиличек, кошек, серую и рыжую. Обитают они в подвале, и жители верхних этажей часто мечут им с балконов пищу; так и теперь: кто-то что-то метнул, серая кошка поймала метнутое и скрылась, а рыжая вышла менее проворной, осталась ни с чем, видимо прияла злую долю свою и села на асфальт, опустелым взглядом уставясь в колесо припаркованного здесь же авто. Хвост кошки был длинен, достигая лужи, и оканчивался белым охвостьем.

Кошка смирилась со своим уделом, но не то я: у меня по случаю был в сумке кошачий корм «Феликс», приобретенный для иных, избалованных прихотливой фортуною домашних животных. Достав один пакетик, тщеславно бросив взгляд со стороны на милосердное свое самарянство и кое-как выдавив полужидкое содержимое на асфальт, хотел я уйти, но не тут-то было: кошка приблизилась, склонилась над приношением и стала есть, а я заметил откуда ни взявшегося коршуна, спустившегося вмиг с своих высот довольно низко, на уровень примерно восьмого этажа, и явно избравшего кошку центром нарезаемых им кругов; коршун в беззвучном своем полете имел вид трансцендентный, но страстное выражение рожи хищника выдавало себя как вполне имманентное, и намерения кровавую пищу клевать под окном неприкрыто изображались во всех чертах его. Пришлось стоять близ и ждать, оберегая хрупкий мир ситуации. Так мы трое составили связь взаимоотношений: я стоял, глядя одновременно на коршуна и на кошку, коршун кружил, глядя одновременно на кошку и на меня, а кошка ела свой «Феликс» и не глядела вообще ни на кого.

«Песнь Песней» благословенна и точна: уже тем доказывается, что Бог – Другой по отношению к человеку, что Он любит человека; влюблен, а не самовлюблен. И, как совершенен Он во всём, так и Другой, иной – совершенно. Оттого совершенна и предельно беспредельна любовь между Богом и человеком, оттого Бог потерян и вожделен, совершенно непознаваем и кровно близок. *Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне* (Песн. 3, 1).

Карантинное.

Не то чтобы «народу в храме стало меньше», а...

Такое ощущение, что многие себя почувствовали так, словно им разрешили отдохнуть от церкви и церковного, по уважительной причине (как в молитве евхаристического канона на литургии Василия Великого: «ради благословных вин оставльшихся»).

Я вовсе не сетую, не обличаю и проч., такого настроения нет. В конце концов, люди и есть люди; многим ли из нас хочется именно Царства, а не просто – «другого глобуса», кто подсчитал?.. (У Александра Иличевского где-то в «Городе заката» есть размышление о некоторой боязни христиан перед реальностью пришествия Спасителя). Просто... как-то не по себе все это время. Скорее всего, и не из-за внешнего церковного, а из-за своего; просто – старость.

Михаил КАЛИНИН

Разрозненные мысли

* * *

Христиане нуждаются в художественной литературе, старой и новой, потому что писатели и поэты поднимают тему антропологии. Одной теологией не будет жив человек.

Христианские писатели и поэты – это те, кто замахивается и на антропологию, и на теологию. И в этом они – продолжатели пророков. Потому что эти «два в одном», антропология + теология – основная тема всех пророческих книг. Вызывающая антропоморфичность откровения, получившая окончательное воплощение в Богочеловеке.

После Него всякая только антропология или только теология – шаг назад, в дохристианскую антиномию. В лучшем случае – ветхозаветную, в худшем – языческую.

* * *

Безумное чаепитие из «Алисы» куда более точный образ ада, чем традиционные камеры пыток со смолой, крючьями и сковородками. Черная дыра, зацикленность, повторяемость событий. При этом количество грязной посуды на столе растет. Но даже в это замкнутое на себя пространство может прийти гость и задать неудобные вопросы.

Создал этот образ не богослов, а математик, сказочник и поэт.

* * *

В самом начале романа «Идиот» князь Мышкин приходит к генералу Епанчину и в ожидании хозяина просит разрешения закурить. Камердинер не разрешает. Тогда Мышкин ему рассказывает, как он во Франции видел казнь на гильотине. Камердинер, под впечатлением от рассказа, разрешает.

Сразу видно – домой человек приехал. В Европе никакие жалостные рассказы не помогли бы. Нельзя – значит, нельзя.

* * *

Гениальность Достоевского, по словам Фуделя, в том, что Ферапонт – темный двойник Зосимы в Карамазовых – читает Исаака Сирина.

Православный христианин использует Предание, чтоб с его помощью раскрывать духовный язык Писания.

Двойник с помощью Предания уводит людей от Писания.

И, действительно, Зосиму легко представить и с любым из святых отцов, и с Евангелием в руках. Ферапонт с Евангелием непредставим.

* * *

Любой современный блокбастер напоминает философию построения социализма в одной отдельно взятой стране.

В обоих случаях люди – ресурс для построения либо прекрасного будущего, либо для динамики сюжета.

Вожди и главные герои неприкосновенны и святы, что бы ни произошло.

Языческое мироощущение.

Ценность и уникальное значение каждой личности – как их донести, какой картинкой, каким сюжетом?

Главная новость Нового завета именно в этом и заключается, она по-прежнему, говоря словами поэта – «единственная новость, которая всегда нова».

* * *

Толстой заявил прямо и откровенно, что пишет о дворянах, потому что у них образ жизни предполагает достаточное количество свободного времени и материальных средств, чтоб осуществлять богатую духовную, культурную, умственную, эмоциональную жизнь. Про третье сословие ему писать не интересно, потому что там все время и силы подчинены борьбе за выживание.

Достоевский таких заявлений не делал, но любопытно посмотреть на его персонажей, учитывая, что это наиболее христианский из всех русских писателей. Он начинает с рассказов о чиновниках и о чиновнике – его первая повесть. Герой «Бедных людей» реализует себя в переписке, потому что все время проводит на службе, а после нее в свободное время пишет письма. Других форм для раскрытия свой личности у него нет.

Постепенно писатель переходит к персонажам-дворянам по той же неумолимой логике, о которой высказался Толстой.

Если ограничиться центральными романами, то картина следующая. Раскольников — выходец из обедневшей дворянской семьи, студент юридического факультета университета. Пришлось сделать его в романе оставившим учебу, иначе сюжет не состоялся бы, сидел бы Родион день-деньской за учебниками.

Мышкин – дворянин, получивший наследство в самом начале, только это и запускает сюжет, иначе пришлось бы ему скрипеть пером у кого-нибудь в конторе по рекомендации Епанчина за 25 р в месяц, как герою «Шинели» – и тут не до рассуждений и безумств.

В «Бесах» Ставрогин не работает, Верховенский тоже (главные персонажи).

Герой «Подростка» – внебрачный сын помещика Версилова. В романе живет с семьей, подрабатывает, но времени на авантюры имеет достаточно.

В «Карамазовых» на момент происходящих событий никто из семьи особо ничем не занят.

ПОКОЛЕНИЕ ДВОРНИКОВ И СТОРОЖЕЙ

«...– Неужели и в литературе ничего не было национального? – перебила Александра Ивановна.

– Я в литературе не мастер, но и русская литература, по-моему, вся не русская, кроме разве Ломоносова, Пушкина и Гоголя.

– Во-первых, это не мало, а во-вторых, один из народа, а другие два – помещики, – засмеялась Аделаида.

– Точно так, но не торжествуйте. Так как этим только троим до сих пор из всех русских писателей удалось сказать каждому нечто действительно свое, свое собственное, ни у кого не заимствованное, то тем самым эти трое и стали тотчас национальными. Кто из русских людей скажет, напишет или сделает что-нибудь свое, свое неотъемлемое и незаимствованное, тот неминуемо становится национальным, хотя бы он и по-русски плохо говорил. Это для меня аксиома («Идиот»).

Почему русский рок не смог обрести мировую популярность, как удалось в свое время русской литературе? Подражательность в мелодиях, отсутствие оригинальности в текстах?

Главная причина – он так и не стал русским.

Его создавали еще советские, а не русские, люди. Хотя каждый исполнитель старался дистанцироваться от советской идеологии. Искал для себя новую культурную и духовную самоидентификацию.

Страна, освободившись от железного занавеса, показала другим то, что у нее есть. И в этих песнях не увидели то неповторимое и национальное, что было в прежней русской литературе.

Русский рок пытался отыскать эту уникальность не философскими, не идеологическими, а исключительно художественными средствами.

Но одной искренности для преодоления своего безличия оказалось мало.

Задумался о двух текстах культовых песен. Обе знаю и люблю давно. Обе – о неком средстве передвижения, ставшем символом (поезд и троллейбус).

Но бывает так – то, что знаешь и любишь, вдруг открывается с совсем неожиданной стороны.

«Поезд в огне» Гребенщикова неожиданно оказался призывом к бунту – и только. Это речь агитатора с хорошо подвешенным языком.

В «Троллейбусе, который идет на восток» Цоя открылись смирение, терпение и вера.

Парадокс в том, что в первом тексте – разрушенные церкви, земля, которую нужно вернуть – все традиционные символы. Вторая – будничная зарисовка, не претендующая ни на какой пафос высказывания. И тем не менее именно в ней вдруг зазвучала вполне христианская тема преодоления и чуда. В первой автор ударил во все колокола – но не ощущается ни того, ни другого...

Это не камень в огород БГ. У него есть тексты, которые без натяжки можно назвать христианскими. Но вот песню, когда-то шедшую по всем каналам тогда еще советского ТВ, время обнажило как осень – лес от листьев... вот так все, что мы говорим, пишем и поем, обнажается перед лицом вечности.

* * *

«Пáфос, или патéтика – приём обращения к эмоциям аудитории. Соответствует стилю, манере или способу выражения чувств, которые характеризуются эмоциональной возвышенностью, воодушевлением, драматизацией».

Поколение Довлатова, Лимонова, Аксенова выбросило пафос. Идеология предлагала вместо него эрзац, подделку. Они это хорошо понимали. И отказались от него целиком. Но у них в заглавниках не было ничего, что бы помогло родить свой собственный пафос. Без фальши.

А между тем человек в нем нуждается. Нужда славословить – то, что в нем заложено очень глубоко. Ее можно игнорировать – она так или иначе даст о себе знать чувством неудовлетворенности. Неполноты.

Из классиков девятнадцатого века к пафосу восхваления и гимна с трудом смог прорваться Достоевский.

Толстой, Тургенев, Чехов – не смогли.

Из поколения вышеупомянутых, как ни удивительно, его смог реализовать Венедикт Ерофеев в «Москва-Петушки».

* * *

Вдруг подумалось, что задолго до Льюиса и его: «двери ада заперты изнутри» – эту же идею донес Жюль Верн.

И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга (Мт. 18, 34).

Ад – это одиночество, истязатели – собственные мысли и чувства человека. Они не дают ему быть в полноте общения, но если здесь, в этой жизни, еще можно как-то соблюдать его видимость, то в присутствии Господа нет никакой видимости. Или полнота общения на свету – или его полное отсутствие.

И человек выбирает одиночество.

Айртон в «Детях капитана Гранта» сам просит о необитаемом острове – и получает его. Не зная, что при всех плюсах жизни на нем в сравнении с тюрьмой или

каторгой это окажется куда страшней. Не внешним физическим одиночеством, а его внутренним следствием. Для человека без Бога в себе одиночество – самое страшное, что только может быть. Он не способен сам вынести самого себя, без проявлений к себе любви от других, хотя бы самых незначительных. Источника любви нет в нем. Но таинственное присутствие Божьей милости сопровождает его даже в аду.

* * *

«Таинственный остров» – самый любимый из его романов. Единственная вещь, где количество чудесных происшествий в тексте зашкаливает все допустимые пределы, поднимая приключенческий роман в жанре научной фантастики на куда более высокую планку волшебной сказки.

Община на острове – то ли образ Эдемской гармонии до грехопадения, то ли картина церковной общины, где все пребывают в любви и служении друг другу каждый своими дарами. Этот роман ярче, чем другие помогает заметить, пожалуй, принципиальнейшее качество наиболее сильных книг Верна – его герои не грешат. При том, что они – живые, несовершенные люди.

Именно зрелище взаимоотношений островитян смирило сумрачную душу ангела мщения из преисподней под водной и гранитной толщей, пробудив в нем потребность в милосердии.

В отличие от «Робинзона Крузо» у Верна благовествование не звучит напрямую из уст автора или героев, а донесено исключительно через контекст.

Как бы ни были дружны и жертвенны герои романа, сюжет жив постоянным вмешательством чудесных спасений и разрешений неустрашимых человеческими усилиями проблем – с первой до последней страницы.

И отчаянная, неумиряющая надежда на чудо, спасающая героев как в самом начале, так и в конце.

* * *

Неизменное тягостное ощущение от «Молодой гвардии» Фадеева – абсолютно нормальная реакция на попытку показать мученичество без благодати.

* * *

Библейские истории написаны очень просто. Порой язык детских сказок более сложен. И при этом библейские тексты – трудное чтение. Но трудность эта не интеллектуальная. В голову приходят картинки-загадки вроде пейзажа с заданием найти спрятанную в нем птичку или белочку. И ты таращишься на рисунок, все больше склоняясь к тому, что нет тут никакой птички. И когда, наконец, ее увидишь, или кто-то тебе на нее укажет, будешь в шоке – как можно было ее не видеть! Ведь все время была перед глазами... да, смотрел в упор и не замечал.

* * *

Одним из тех, кого Он исцелил, Христос говорил – «иди и свидетельствуй». Другим – «иди и никому не говори о происшедшем с тобой».

Он видел, что в человеке, и готов ли тот быть свидетелем. Или же всё, о чем тот поделится, по сути будет как в известном фильме: «Я свидетель! – А что случилось?»

Вспоминая большую часть всего, что я когда-то говорил, понимаю, что услышу однажды: «Лучше бы ты молчал. Это было бы вменено тебе в мудрость».

Большинство свидетелей из своего благовестия вычеркивают человека. Оставляют только Бога. Соблазн велик. Только Бог, только Его любовь, Его прощение, Его благодать. От человека одни проблемы. Он все время все портит и все делает не так.

Но Откровение богочеловечно. «Ты чувствуешь сквозняк оттого, что это место свободно?» И в дыру пролазит темный двойник.

МОЖЕТ ЛИ ДЬЯВОЛ СМЕЯТЬСЯ?

«Проданный смех» – одна из любимых сказок с детства. Ее посыл – дьявол лишен возможности смеяться, смех – проявление свободы, а он, при всех своих способностях, неполноценное существо, раб своей гордыни (которая и сделала его падшим ангелом).

Поэтому он может только приобрести смех у свободного создания – обманув его в сделке, как он обманул Адама с Евой.

Но в сказке дьявол смеялся именно так, как смеялся герой – заразительно, по-детски, и ничего страшного в его смехе не было.

В то же время личный опыт напоминает множество случаев поистине дьявольского смеха, который буквально убивал того, в чью сторону он был направлен. Сложно отделаться от дихотомии, что есть изначально добрый и злой, светлый и темный смех.

Эта дихотомия никак не решается, пока дьявол мыслится как некая отдельно от человека существующая личность.

Даже гениальная повесть «Письма баламута» до конца не проясняет этот вопрос (да и хотел ли Льюис его прояснить?)

Нужно сделать очень смелый шаг в богословии, чтоб выйти за границы этих противоречий и снять их, сказав, что нет никакой отдельно существующей темной личности, а есть только Бог – и есть человек, сотворённый по Его образу и подобию. Как творение, потенциально содержащее в себе всю полноту Творца, имеющее в себе потенцию и зла, и добра.

Но Творец никогда не реализует в себе зло – а его творение это может. В чем и весь ужас и риск свободы, данной ему.

И тогда – дьявол, конечно, может смеяться, и не нужно ему этот смех каким-то образом выторговывать у человека – потому что дьявол и есть человек, сознательно реализующий в себе потенцию зла.

Самое парадоксальное, что среди наших современников самым ярким образом эту мысль выразил (возможно, даже не желая того сознательно) не богослов и даже не христианский писатель, а автор всемирно известных триллеров Стивен Кинг. У него в целом ряде произведений то и дело всплывает мотив темного двойника, который – сущность главного героя, сокрытая от него самого. Но он понимает это лишь в конце сюжета, будучи уверен, что борется с неким страшным внешним врагом.

А задолго до Кинга это сделал Стивенсон в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда».

* * *

Можно вывести человека из ада, но нельзя вывести ад из человека. Это нужно сделать ему самому.

ПАВЕЛ И ВАРНАВА

Варнава – тот, кто долго искал и нашел Павла, «ушедшего в затвор» после осознания своего поражения в прежнем иудействе и в своей новой жизни уже после обращения.

Варнава твердой и любящей рукой выдернул его обратно в служение.

Годы после этого он был другом и наставником Павла.

И что же Павел о нем говорит в посланиях – в тех посланиях, где столько про-никновенных слов о своих сотрудниках?

Только одно упоминание – когда все иудеи грешили лицемерием в отношении обращенных язычников, включая Петра, Варнава грешил с ними.

Сначала я оторопел.

Рассказывая о своей жизни, Павел обходит молчанием роль Варнавы, но не забывает сообщить, что тот грешил.

Но потом я внимательней вчитался – «даже Варнава был увлечен их лицемерием».

«ДАЖЕ» – одно это слово стоит всех дифирамбов в адрес друга.

* * *

Когда-то, читая кого-нибудь из прежних знакомых, ушедших по разным причинам из Церкви в прежнюю жизнь, я удивлялся, насколько в том, о чем он пишет, не видно ничего из того, чем он был полон вроде еще совсем недавно. И расстраивался.

Сейчас наблюдая такое, вспоминаю пьяного Разумихина из «Преступления и наказания», кричавшего, что «вранье по-своему лучше, чем правда по-чужому: совершь – до правды дойдешь, а мы и врать по-своему не умеем. Только цитируем чужих авторов».

И я понимаю, что раньше человек *цитировал*, а сейчас он естественный. И сейчас у него есть шанс дойти до правды. Или не дойти.

АХ ТЫ, СТАРАЯ ТВАРЬ

Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое (2 Кор. 5, 17).

Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь (2 Гал. 6, 15).

Еще много лет назад заметил, что, как написал Маяковский, «никогда ничего не хочу читать». А если читаю (или слушаю, если это песни), то смотрю только на это – родилась ли в авторе *новая тварь*? Или он в муках рождения? Или даже не забеременел и тщательно предохраняется?

Бывает так – все хорошо. И талант есть, и образы яркие и незатертые, и свой голос: ставь лайк. И ставлю. Мысленно или буквально. Но себе говорю – нет, не родился свыше... хотя чувствуется, что старая тварь понесла. Или даже не чувствуется.

То же и к себе применяю, хотя с собой сложнее всего. Поэтому важен отклик тех, кто понимает, о чем речь.

Вот Достоевский – помню, как читал «Униженных и оскорбленных». Ну мощная, реально, вещь. Язык, персонажи, настрой... Читал запоем. Но если взглянуть на «Преступление и наказание» и последующие романы, видно – родился новый Достоевский. Совершенно новый, это не апгрейд. Это Преображение. Прежним языком, прежними художественными средствами заговорила новая тварь.

Скажут – приведи еще примеры. Ну, вот Кибиров. Сильный поэт. Но в какой-то момент написал «а наш-то на ослике цок да цок». И это был новый Кибиров. Или Сергей Круглов до 1996 года – один. С середины нулевых – другой.

Но это заметно, потому что очень резко все меняется. В Пастернаке новая тварь сидела десятилетиями и не могла разродиться. Только сигналила о себе то и дело. Пианистка Юдина, слушая «Рождество», подумала: «Он же – вот такой – всегда был рядом. Почему не замечала раньше?»

* * *

Помню, как в конце института впервые прочел центральные романы Достоевского. Было ощущение, что читаю не просто сильного писателя. Тогда я себе сказал, что он важен как мыслитель. Сейчас называю его, как и многие, пророком. Пророком гибели нарративного мира. «Если Бога нет, все позволено». Я тогда уже пробовал писать стихи, но понимал, что после прочтения его книг совершенно не представляю, какими должны быть стихи, чтоб они были жизнеспособными в распавшемся мире. *Что* должно обеспечивать целостность видения, стоящего за текстом. Сейчас понимаю – только пророческое видение обеспечивает эту жиз-

неспособность. Все стало как-то честно. Либо художник – пророк, либо создает мифы, цель которых – вызвать иллюзию целостности. А ее нет.

Стругацких я прочел еще раньше, в 9-10 классе. Друг-одноклассник выписывал из Москвы вышедшие тогда тома полного собрания сочинений (конец 80-х) и по прочтении давал мне.

Спустя тридцать с лишним лет для меня вполне ясна сила их воздействия. Они начали с искреннего отклика на миф – мир Полудня. Миф коммунизма – реакция на то, о чем предупредил Достоевский: раз невозможно восстановить цельность мира, значит, нужно дать некую мощную иллюзию, которая была бы в состоянии склеить разрывы. И миф коммунизма не может не поражать величием замысла. Феномен Стругацких в том, что они, усердно включившись в его творческое переосмысление, вдруг выявили в себе пророков, которые уверенно и последовательно развалили – не как богословы или философы, но как художники – ту конструкцию, которую вначале пытались возвести.

Как с удивлением признался однажды Борис, «мы с братом всегда были убежденными атеистами. Но, подсчитывая цитаты в своих книгах, обнаружили, что библейских цитат у нас более всего». Пройдя искушение «прогрессорством» в 90-х и нулевых, в формате евангельского постсоветского прозелитизма, я очень хорошо понимаю тот путь, который проделали братья, чтоб прийти к видению, воплощенному в поздних романах.

Выявилась нужда в личной святости, которая одна являет цельность в мире с разрушенными основаниями. Мир Полудня не смог показать, как к ней прийти.

«Там, за дверью, умирал Горбовский – умирала эпоха, умирала живая легенда. Звездолетчик. Десантник. Открыватель цивилизаций. Создатель Большого КОМКОНа. Член Мирового Совета. Дедушка Горбовский... Прежде всего – дедушка Горбовский. Именно – дедушка Горбовский. Он был как из сказки: всегда добр, и поэтому всегда прав. Такая была его эпоха, что доброта всегда побеждала. “Из всех возможных решений выбирай самое доброе”. Не самое обещающее, не самое рациональное, не самое прогрессивное и уж, конечно, не самое эффективное – самое доброе! Он никогда не говорил этих слов, и он очень ехидно прохаживался на счет тех своих биографов, которые приписывали ему эти слова, он наверняка никогда не думал этими словами, однако вся суть его жизни – именно в этих словах. И конечно же, слова эти – не рецепт, не каждому дано быть добрым, это такой же талант, как и музыкальный слух или ясновидение, только более редкий» («Волны гасят ветер»)*.

* * *

...Возразили тогда фарисеи: «Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твоё не истинно».

Это так. Каждый свидетель о Нем услышит эти же слова. «Твое свидетельство

---

* «Волны гасят ветер» (1984) – заключительная повесть А. и Б. Стругацких их цикла о Мире Полудня – обществе коммунистического будущего. (Здесь и далее все прим. – В.С.)

субъективно – за ним стоит твой личный опыт». «Оно важно для тебя самого, но не для других».

Только свой крест может преодолеть этот разрыв между субъективностью и принятием. Поэтому и обязательность его несения. Иначе будешь как тот «заяц на березе в алюминиевых клешах, сам себе начальник и сам падишах, он поставил им мат и поставил им шах, и он смотрит на них глазами»*.

* * *

Наставник – тот, на кого хочешь быть похожим. На кого не хочешь быть похожим – не наставник.

* * *

На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи – чтоб отныне никогда не слезать с него.

Итак, всё, что они велят соблюдать, соблюдайте и делайте; но не стремитесь при этом согнать их с седалища или сесть вместо них.

* * *

Библия – Слово Бога, и потому совершенна.

Библия – слово человека, и потому несовершенна.

* * *

Христос отвечает на вопросы по Писанию так, что становится ясно – Его ответы почерпнуты не из Писаний.

Ни один Его ответ нельзя обосновать Писанием. Они рождены Его познанием Отца. Они – откровения о Троице.

Какое «соло скриптура»** – рядом с Христом? Евангелия не оставляют от него камня на камне.

* * *

Цель христианина – стяжать Святой Дух, сказал Серафим Саровский Мотовилову. Смысл пребывания в Новом завете именно в этом. Иначе можно прожить всю жизнь в ветхозаветной реальности, читая, говоря и уча о Христе, но делая все это по букве. Может быть, даже с мудростью, но без «явления духа и силы». Некоторые под святостью понимают радикальность своих заявлений, безапелляционность мнений, смелость обличений и харизматичный стиль проповеди. Христос все это называл лицемерием (в греческом тексте Он говорит не «лицемеры», а «лицедеи»***). Лицедей = актер.

«Обличить» = помочь выявить истинный лик под личиной.

* Из песни Б. Гребенщикова «Иван и Данило» (1989).

** Sola scriptura (лат. «только писание») – тезис характеризует отношение протестантов к Библии как к единственному источнику вероучения, что принижает роль Предания.

*** «Ипокритис» означало одновременно и актер, и лицемер.

* * *

- Расскажите мне о Церкви.
- О Церкви не говорят. Ее являют в себе. Или...
- Или что?
- Или не являют.

* * *

Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих (Ис. 53, 7).

Наш Бог слабый. Эта слабость – Его добровольное решение. Творение должно иметь возможность проявить в отношениях с Творцом ту свободу, которая ей сообщена.

А оно не сможет ее проявить, пока Творец себя не умалит настолько, насколько нужно для этого.

Поэтому Бог-Человек отказался от всего Божьего, что не могло вместиться в Человека.

Во Христе Бог отказался от всеисилия, всезнания, всемогущества и неязвимости.

Боги греческих мифов, сходявшие к людям в облике людей – стопроцентная фальшивка, «развод». Никто из них не отказался бы от малейшей толики своего всемогущества, если бы результатом была возможность причинить себе боль.

Эту грань часто не могли осмыслить ветхозаветные авторы, когда писали о всевластии Бога. Не так легко понять отличие силы от власти.

Слабость Бога – слабость с точки зрения падшего творения, для которого слаб всякий, кто добровольно отказывается от власти. Пока ты у власти – ты силен. Отдал власть – стал бессилён.

Поэтому в истории почти все властители цепляются за власть как могут. Они не чувствуют себя сильными без нее.

Бог, отказавшийся от власти, настаивает, но не принуждает, у Него не остается для этого никаких инструментов. Но если ты ему доверяешься, Он увлекает тебя за Собой.

Бог, принявший решение отказаться от власти среди падших творений, рискует так же, как и человек. Может быть все что угодно. Его могут не выбрать. Могут начать Его использовать. Он от этого не застрахован, и не может противостоять этому.

А вот теперь ты, принявший это откровение – иди и попробуй сделать так, чтоб слабость твоего Бога увидели в тебе.

* * *

Мудрые рассуждения и глубокие толкования Иову не помогли. А трепетный показ красоты творения помог.

Книга Иова – оправдание и благословение искусства.

* * *

Самая малая неделимая частица в Церкви, по учению Христа – не один человек, а двое. Отношения между ними – вот кирпичик, из которых строится здание. Для плодов личной веры достаточно одного человека. Для Церкви – двух. *Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мат. 18, 19-20).

Этим Он не утверждает то, что Бог не может быть с одним человеком. Он этим учением подчеркивает специфику Церкви. Ее строительный материал – отношения между ее членами. Их «аминь» или «не аминь», сказанные друг другу.

* * *

На это Иисус сказал: истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также.

Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь (Ин. 5, 19-20).

Сын делает то, что делает Отец. Имеющий в себе Сына делает то, что делает Сын. Если Отец исцеляет и воскрешает, то и Сын тоже. Если не я живу, но живет во мне Христос, и Церковь подтверждает это – я могу делать то же, что и Он. Ученики в Новом завете делали это – и мы верим, что Он был в них. Если говорим, что мы Его ученики – делаем то, что делал Он и делали они.

Это так просто. И так страшно. Велик соблазн сказать, что все эти вещи были, но закончились. И придумать богословие, объясняющее, почему закончились. Почему мы такие, как они, но не такие, как они.

* * *

Крытая купальня у Овечьих ворот похожа на нашу реальность. Вроде все вместе – но каждый наедине со своей бедой, как очередь в поликлинику. («Все говорят о том, что мы вместе, все говорят, но немногие знают, в каком»^{**}). Источник, на который вся надежда – государство, которое вроде обещает какие-то гарантии, помощь, но на деле – все это фикция. И все лежат.

Но вот в купальню приходит Христос. Зачем? Он находит там кого-то одного и исцеляет его. Почему именно его? Почему не исцеляет остальных? Не говорится, что этот человек как-то проявил свою веру, подобно другим в историях с исцелением. Что его вера была причиной исцеления. Скорей наоборот, он отреагировал на исцеление своеобразно – пошел и сдал Христа властям, узнав о том, Кто его исцелитель.

Реально во всей этой истории одно – произошло чудо, не поддающееся объяснению (толкований можно придумать миллион, и все они будут по-своему убе-

^{*} Из песни Виктора Цоя «Бошетунмай» (1986).

дительно). Произошло в субботу (что как-бы не очень с точки зрения законников), не совсем справедливое (наверняка там лежали куда более заслуживающие исцеления, чем этот человек) и как будто бесплодное по результатам.

Но Он сам отвечает на все эти недоумения – *как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. ... Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе* (Ин. 5, 21, 26).

Если посмотреть на эту историю лично – я вполне тот человек. Не скажу, что моя жизнь – в целом безусловное объяснение для всех, почему Он исцелил именно меня. Мнения обо мне будут неоднозначны. Но чудо не перестало быть чудом. Его отпечаток на человеке – само по себе свидетельство присутствия живого Бога в реальности, похожей на купальню. И всегда остается свобода отреагировать на этот факт так, как решишь для себя.

* * *

«О приучении себя к постоянной молитве сердца еп. Феофан Затворник пишет так: «Существо дела есть приобрести навык стоять умом в сердце. Надо ум из головы свести в сердце и там его усадить, или, как некто из старцев сказал: «сочетать ум с сердцем». Как этого достигнуть? Ищи и обрящешь» (С. Фудель).

Но искусство – всякое подлинное искусство – как раз и осуществляется на территории ума, сведенного в сердце – т.е. прорастает на той же самой почве, что и молитва. Язык образов осуществим не одним лишь умом и не одним только сердцем, но в их соработничестве.

* * *

Счастливые семьи – это семьи, члены которых научились принимать *инаковость* друг друга. Согласились на свободу другого не во всем отвечать ожиданиям от него. Но это качество не автономно – такое возможно в семейных отношениях, только если такое принятие инаковости есть в отношении ко всему – ко всей окружающей реальности. Если есть способность в мире принимать то, что эта реальность не такова, какой тебе хочется ее видеть. Другими словами, семья основана на таком качестве, как смирение. Все остальное вырастает уже на этой почве.

НАГОТА

Когда в Писании заходит речь о наготы (Ис. 3, 16–23; Откр. 3, 17–18; 16, 15), она – не объектная нагота, не анатомическая, но статус положения. Образ падения, позора, поражения.

Характерна реакция первых людей на свою наготу до и после грехопадения: *И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились* (Быт. 2, 25).

И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания (Быт. 3, 7).

Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся (Быт. 3, 10).

До грехопадения нагота – образ максимальной открытости перед Богом и другим человеком.

После она – осознание утраты своей красоты.

Наступившее уродство нуждается в том, чтоб его прикрыть.

Алексей УСТИМЕНКО

Перелистывая прежние дни...

Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года

«Дорогой Алик!

Посылаю тебе два блокнота. Этот, на котором я пишу, для писем, а второй для дневника. Записывай в нем всё-всё. Как твоё самочувствие напиши*.

Посылаю тебе наушники. Слушай радио, но не увлекайся очень. Больше отдыхай.

Не забывай выполнять советы врачей.

Целую, Папа».

1/V – 62 г.

Сегодня праздник 1 мая.

Приходила мама. Мы с ней обо всем поговорили. Демонстрацию я, конечно, не увидел, но всё время слушал радио.

Восьмого числа будет ровно месяц, а там уже ничего не останется лежать.

В нашей палате тоже справляли праздник. Один, с обморожением ног, напился так, что еле на костылях держался.

Мама принесла поздравление от девчонок. Когда ушла, я от скуки взялся за рисование. Надо закончить успеть картину и нарисовать другую по заказу врача.

2/V – 62 г.

Самочувствие нормальное. Приходил папа, принес записку от бывшего танкиста дяди Васи и заготовки для грамот. Нужно нарисовать 17 штук. Эти грамоты для учеников Ёлкиного класса. Вечером приходила мама и принесла печенье (собственной выделки). Оно очень вкусное.

12/V – 62 г.

Скоро выпишут. Возили на рентген. Очень тянет на улицу. Меня привезли сюда, когда был снег, а сейчас уже ходят без пальто.

---

* Пунктуация и стилистика оригинала сохранены. (Прим. – В.С.)

13/V – 62 г.

Снимки оказались хорошие. На днях поднимут на ноги.

14/V – 62 г.

Завтра поднимут на ноги, а сегодня разрешили переворачиваться и «ползать» по кровати.

15/V – 62 г.

Сегодня ровно в 11 часов 30 минут во время обхода меня трижды подняли на ноги. Острая боль в ступнях, и как у зайца дрожат коленки. Ноги как свинцовые, не мог пошевелить.

16/V – 62 г.

Поднимали на ноги, и я прошелся с грехом пополам, почти повиснув на врачах. Боли меньше.

Сегодня сделал несколько шагов на костылях. Со всех сторон меня поддерживали. Плохо гнуться ноги.

18/V – 62 г.

Сегодня утром при помощи нянь выполз в коридор.

Днем ко мне пришли заниматься ребята, но вместо уроков я гонял их взад и вперед по коридору. Я стою уже самостоятельно.

19/V – 62 г.

Ничего нового. Всё так же с чужой* помощью «ползаю» по коридору.

20/V – 62 г.

Сегодня сам вышел в коридор и немного походил.

21/V – 62 г.

Ходил целый день.

На днях меня выпишут, – как только наши достанут костыли.

...Полупроводники – это вещество, по своим электрическим свойствам занимающее промежуточное положение между металлом и изоляторами.

Большое будущее у наших полупроводников.

28/IV – 63 г. – воскресенье.

Сейчас стоят предмайские дни. Всё это время писал различные плакаты, рисовал различные рисунки. Всё это идет на украшение школы.

Подстригся под «канадку», но попросил сделать так коротко, что стал походить на ежика.

Удивительно, что по поводу этой прически полное разногласие. Мальчишки говорят, что правильно и даже одна девчонка (которая сама обрехала себе косы). Но в основном все девчонки против.

* После месячного бездвижного лежания на спине – были множественные переломы костей – впервые встал на ноги. И «чужие» (больные соседи по палате, нянечки и врачи) учили меня заново ходить, поддерживая...

Прошлый год 1 мая я праздновал в больнице, а в этом году я праздную вместе со всеми.

10/1 – 65 г.

Шел вечером по городу. На улице пурга. Только чуть-чуть светятся окна домов. Тихо шелестят (сухими ветками) деревья, и воют провода. Станный, ни с чем не сравнимый вой. Прохожих мало.

30 апреля 1965 г. Пятница.

Был последний день занятий перед 1 мая.

Потерял пальто.

Идет дождь.

Ходил в библиотеку. Взял (5 изд.) 10 том Ленина.

1 мая 1965 г. Суббота. Весенний праздник.

Отослал *впервые* стихи.

Выходил на улицу. Громадные скопища народа. Единая радость. Пальто нет. Я не пошел на демонстрацию, так как всё же холодно.

9 октября 1965 г. Суббота.

Сегодня в школе был только на двух уроках (физкультура и, конечно, история); пропустить лекцию нашего историка есть самое непростительное для меня.

По математике была новая тема, но я надеюсь, что изучу сам.

В то время, когда наши учились, мы с Игорем сначала думали, как украсить зал, а затем украшали. Сегодня вечером, то есть – сейчас, там состоится первый вечер нашего кафе «Экспромт». Я, как руководитель группой художников, как член комитета, теперь не волнуюсь. Во вторник есть, о чем говорить.

В шесть вечера был в больнице, сверлили два зуба. Кстати, приятно чувствовать, что зуб сверлит ударник коммунистического труда.

Я стал какой-то нервный и больно хлипкий, чуть не упал в обморок, хотя раньше мне сверлили, начиная с детского сада (в общей сложности, где-то около 8 штук). Но нет худа без добра. В понедельник необходимо явиться в 9 утра опять, на доделку. Это значит, что не иду в школу, а там – немецкий. И хотя он нужен мне, я очень рад отсутствию его в понедельник.

Сейчас буду читать «Войну и мир». Надоест, выпью чаю и пойду спать, а то две ночи подряд не могу нормально уснуть.

Надо не забыть поторопиться однажды отдать Дмитриенко шесть номеров «Юности». Взять последние.

Завтра должен сходить в библиотеку Пушкина, мне ведь там до пятого числа.

На улице холодно. Физкультура была в зале.

12 октября 1965 г. Вторник.

Был в школе. Писали контрольные по физике и по математике. По физике задачку пришлось списать у Володьки. Математику решил всю сам. На уроках по ма-

тематике нашла апатия. Учиться не хочется. Особенной скучно сидеть на цифирных уроках.

После школы взял книгу Э.-М. Ремарка «Три товарища». Замечательная вещь. Сразу же зачитался. У этого писателя очень легко читаются все вещи. Написано как-то очень живо. Буквально зарываешься в эту книгу. И потом, как это часто бывает с хорошими книгами, очень трудно оторвать ее от себя.

Еще одна книга, о которой хочется упомянуть, это – «Ромео, Джульетта и тьма»*.

Прекрасная, чистая, добрая, нежная. Одна из лучших книг на свете.

Сейчас буду заниматься. Вечером комитет.

Опять читал Ремарка. Замечательно.

13 октября 1965 г. Среда.

Утром был в школе. Не было одного урока. Ездили работать на склад, где убрали картофель.

31 декабря 1965 г. Пятница.

С самого утра мы с Сашкой выехали за город. Шли километра четыре по лесной дороге, а затем – около километра по лесу. Снег по пояс.

Один шел впереди – разгребал и утаптывал, а другой – немного расширял снежную тропу.

Наконец нашли полянку, где расчистили снег, наломали с деревьев хвой, немного передохнули и начали разводить костер. Варили суп (у нас была банка тушенки). Его, в основном, варил Сашка. Он специалист по походному супу (если вспомнить суп по нашим летним походам). На мою долю достался чай... Я сварил его таким крепким, что во время, когда мы возвращались [по] нашей снежной тропе обратно в город, нас качало из стороны в сторону.

Написал зимний этюд маслом.

4 января 1966 г. Вторник.

Завтра с утра идем в лес. Всё готово: палатка, рюкзак, этюдник, растворители, дневник и прочее... Выступаем утром, в девять часов. Настроение бодрое. Всё отлично. Мороз 25 градусов.

5 января 1966 г. Среда.

День начался. Пошли с Сашкой к Зое, неся для нее полное собрание зимней таежной одежды, после чего и началось наше путешествие...

В лесу было замечательно. Красиво и совершенно беззвучно падал снег, и от него в лесу стоял серый полумрак. Интересное с художественной точки зрения, это явление засыпало наши тропинки, рюкзак и нарубленную хвою (наше ложе).

---

* Роман чешского писателя Яна Отченашека (1924–1979).

Палатку ставить не стали. Начали строить снежный дом и увлеклись грандиозными возможностями. Хотя набросали одну стену, за один день, и наметили *общие* контуры этой ледяной берлоги, но не остались неудовлетворенными... Увлёклись так, что я даже не сделал ни одного этюда, только в походном журнале – небольшой карандашный эскиз, который в будущем отделаю тушью.

15 января 1966 г. Суббота.

На улице мороз. Утром, когда мы с Игорем шли в школу, термометр показывал -46 градусов. Днем потеплело: -35.

26-27 января 1966 г. Среда-Четверг.

Запись в каждый из этих дней я решил не делать, а записать о прошедшем в это время сразу и полностью. Дело в том, что я посвятил их прохождению приписки при Кировском РВК. И сегодня (27 января, вечером) я уже не просто Алексей Устименко, а призывник 1948 года рождения. Всё это должно было закончиться вчера, когда я прошел весь медицинский осмотр и всё формальности по заполнению документации и личного дела. Но невропатолог оттянул получение приписного свидетельства и отослал меня за выпиской из истории болезни, то есть – за характеристикой сотрясения мозга и переломов.

Нас «исследовали» не только врачи, но и представители офицеров запаса и даже военком. Офицеры запаса беседуют с каждым вновь прибывшим отдельно. Время, в ожидании, проходит монотонно и неинтересно.... Но зато беседа всё это окупает. С тобой беседуют долго и серьезно. Спрашивают о жизни и рассказывают о ней. Мне попался человек, вернее, – я попался к нему, обладавший живой, сочной и интересной речью. Но с одним недостатком, он весьма часто отвлекается и разбивает свою речь. Это, очевидно, результат разговоров (их прошедшего количества, а так же – предстоящего). Но не в этом дело... В разговоре, узнав о моем увлечении журналистикой и о работе в комитете, он посоветовал мне пойти в Военно-Политической училище и дальше – по желанию – в Академию. Хотя это и кажется чем-то весьма нереальным и далеким, но над этим, по-моему, стоит задуматься... В конце концов, это не идет в разрез с моими мыслями... Надо *серьезно* подумать.

А завтра снова в школу. Я пропустил три дня, а поэтому и чувствую себя не совсем спокойно.

И работа моя в газете что-то не появляется...

– Проверьте у меня: что? кишечники не болят?

2 февраля 1966 г. Среда.

Два последних дня в школе была физкультура. Ходили на лыжах в Бугринскую рощу. Спускались на лыжах с берега Оби. Хорошо! Из трех спусков не удержался только один раз. Упал лицом вперед. Очки залепил снег. Ноги, лыжи и крепления перемешались и перепутались. Распутывался и приводился в порядок около пяти минут. Но зато – какое удовольствие лететь между берез. И, вообще, в лесу очень и очень хорошо. Да еще и день выдался замечательный. Солнечный...

29 марта 1966 г. Вторник.

Поехал в лес.

Бродил по снегу. Далеко заходить не стал: в ботинках идти невозможно, а в валенках мокро.

Примостившись на поваленной осине, сделал этюд маслом. На сегодняшний день это лучший зимний этюд.

В лесу хорошо, тихо. Иногда трещат сороки и редко, очень редко, звенят представители птичьей мелкоты.

Видел летевшую, и державшую в клюве ветку, сороку. Ветка в три раза длинней птицы.

Сосны покрыты зеленью. На молодых деревьях она нежного желто-зеленого цвета, а на солидных стволах бурого оттенка...

Заходя в лес, шел по старой лыжне. Шаг в сторону и – провалишься по пояс.

От лесных проталин струится пар.

А в городе зимой уже и не пахнет. Кругом лужи, ручьи...

Солнце яркое, яркое!

30 марта 1966 г. Среда.

Учил билеты (но не очень много – один по химии и один по математике).

Сходил в библиотеку им. Герцена. Взял две книги и журнал.

В журнале публикуется «Звездный билет» Василия Аксенова.

31 марта 1966 г. Четверг.

В четыре часа дня поехал в картинную галерею осматривать выставку художественных произведений «На страже мира» (к 20-летию победы над фашистской Германией). Выставка составлена из картин художников всего Советского Союза. Есть много замечательных работ, но какое дикое оформление картин: в рамках разной (хотя это было всегда!), некоторые картины имеют мелкие таблички, а на других их и вовсе нет. Плохо, очень плохо.

Сегодня же был и на выставке акварелей Грицюка*. Боже, сколько мусору! Пейзажи сухие, канцелярские. Я даже задерживаться не стал – однообразие (на осмотр всех акварелей затратил тринадцать минут!).

Ученик (говорит ответ):

– 19,7.

Учитель:

– Откуда?

Ученик:

– Отсюда...

---

* Николай Демьянович Грицюк (1922–1976) – новосибирский художник. В 1966 году состоялась его первая персональная выставка.

9 апреля 1966 г. Суббота.

Вечером ходили смотреть фильм к бабушке. У нее есть телевизор. Возвратились в 12 часов ночи. Но попасть домой оказалось невозможно: прыгая от радости, что мы вернулись, наша собака закрыла защелку дверного замка. Пришлось нам с папой бродить по ночному городу, чтобы раздобыть лестницу до второго этажа. Когда ее нашли, я, через открытую форточку, проник в квартиру и открыл дверь. Теперь на моем счету еще и проникновение в квартиру второго этажа по лестнице через форточку.

28 апреля 1966 г. Четверг.

Когда идешь на занятия, на улице уже светло. Солнце всю дорогу светит в лицо, а на уроках освещает классы.

Физики у нас сегодня не было, но на уроке литературы я заглянул в журнал и увидел две оценки по ней – 4 и 5. Это вчерашняя работа (лабораторная). Все взяли доделывать домой, а я сразу сдал...

По истории – изучение «Апрельских тезисов» – это в школе, а дома – «Уроки кризиса» В.И. Ленина. Читается интересно, просто и конкретно.

Учил, уже дома, те вопросы, на которые не ответил на зачете. Выучил. Вспомнил о том, что еще остались новые вопросы, начал учить, но законспектировал архикратко. Наверное, завтра придется доучить. Днем постараюсь еще и дозвониться в редакцию – узнать о консультации. Если она будет, то...

Сейчас, кроме Ленинских работ ничего не читаю: как-то нет настроения.

А днем весело поют скворцы. Они сидят на ветках, на крышах, столбах и проводах. Иногда их пересвист напоминает летние, летние дни... А это скоро, уже скоро...

Листал страницы своего «дневника», – не записи, а что-то душещипательное: читал, ходил, бродил, смотрел, учил, сидел, скучно, грустно... Черт его знает что!!

13 мая 1966 г. Пятница.

Утром, встречая на вокзале бежавших от землетрясения ташкентцев, я увидел третий номер «Иностранной литературы». Однако киоск, где был этот журнал, оказался закрытым. Именно из-за этого мне пришлось вторично приезжать на вокзал.

Используя свободное время, побывал в редакции, где получил свой гонорар полностью (всего у меня накопилось около 17 рублей).

На шесть часов вечера у меня была назначена консультация с Е.Ф. Ивановым*. Когда я пришел, он отдал мне стопку моих стихов, испещренную вопросительными знаками, всевозможными подчеркиваниями и т.п. пометками. Я взял это и стал знакомиться. Из нескольких стихов два отмечены звездочкой. Оба они могут идти в печать, только одно, правда, требует незначительной доработки. Еще раньше он взял моего «Журналиста», чтобы ознакомить с ним «верхи».

Признавшись в авторстве фантастических рассказов, я, тем самым, навлек на

---

* Евгений Филиппович Иванов (1895–1973) – новосибирский писатель; автор повестей, очерков и фельетонов.

себя новую порцию критики, однако «История» – с измененным концом, очевидно, пойдет в печать.

20 мая 1966 г. Пятница.

Большинство газет занято материалами съезда*, в том числе и наша. На всех страницах доклады и речи, а для остального материала места не остается, не исключая и моего. Сейчас не печатают из-за съезда, а после него – (не напечатают) из-за давности материала (всё же это газета!). И хотя мой материал не относится к спешным, но всё же...

22 мая 1966 г. Воскресенье.

Целый день прозанимался какими-то мелочами. Оформил вместе с Игорем громадный, созданный нами же, конверт. Это завещание уходящих классов оставшейся молодежи.

Немного покопался в «Обществоведении» – завтра отвечать.

День прошел вяло и бесцветно.

23 мая 1966 г. Понедельник.

Самый последний день занятий в школе.

Ответил по обществоведению. Получил «удовлетворительную» отметку. Рад, что отвязался.

24 мая 1966 г. Вторник.

Прошедший день был бурен. И сегодня наблюдается то же самое.

Сегодня был день, когда последний раз прозвенел школьный звонок. Всё это, конечно, было соответственно оформлено и организовано: торжественным строем десятиклассники (то есть – мы) прошли через ряды четвероклассников, после чего – выстроились рядами в спортивном зале.

Начались поздравления и напутствия: сначала директор, потом завуч, потом секретарь нашей школьной партийной организации (учитель химии) и представители от учителей, а затем – от родителей.

Четвероклассники сказали стихами о нас и о наших делах. Между прочим, проехали и по моей линии**.

В заключение, они вручили значки нашей школы каждому выпускнику и приглашение на все торжественные школьные вечера, которые состоятся в будущем.

Честно говоря, даже это еще не было заключением... Им явилось общеклассное фотографирование. При этом произошел интересный случай:

Только один парень из нашего класса пришел в черном галстуке. Он выглядел весьма элегантно. Этого захотелось всем.

И тогда этот единственный галстук пошел гулять по классу. И почти все сфо-

* Имеется в виду 23-й съезд Коммунистической партии Советского Союза, проходивший в Москве с 29 марта по 8 апреля 1966 года.

** Что-то вроде: «Алексей – школьный наш поэт и лучше его нет»; за точность, конечно, не ручаюсь.

тографировались с ним, только несколько человек составили исключение (в том числе Игорь, Валерка и Володя – он измучен, его за уши тянут к медали).

Солнце сегодня особенно щедрое. Погода стоит жаркая до невозможности. Деревья покрыты тонким ярко-зеленым налетом. Лето начинает увлекаться своей профессией.

14 июня 1966 г. Вторник.

С Александром и Зоей решили ехать на пляж к Обскому морю, но погода была прохладная...

Мы поехали в лес.

Шли пешком после прибытия туда долго (вечером ныли ноги). Залезли в самую чащу.

Кругом сосны. Небо почти и не мелькает. От земли до нашего пояса протянулись резко пахнущие папоротники. Между ними красными точками сверкали «огоньки»*. Так зовут эти цветы. Тучи комаров жужжали вокруг. Они отравляли наше существование, садясь и на все части тела, и кусая их. Несколько особо нахальных залетело за мои очки.

Мы с Александром собирали цветы, а Зоя присела на землю, накрылась плащом и – сидит, ойкает.

Вконец искусанные, мы с неровными охалками цветов выскочили на обочину автострады, чтобы привести себя и цветы в порядок.

Теперь они стоят на моем столе, сменив черемуху и сирень.

Комариный край, в котором Александр носит Зою на руках...

23 июня 1966 г. Четверг.

Сашка смеялся, узнав, что я собираюсь встретить генерала Шарля де Голля. Но я успел сделать все.

Встречу генерала посмотрел по телевизору. Теперь знаю – какой он блестящий оратор.

Потом видел его, когда он проезжал по улицам Новосибирска.

Хорошо успел рассмотреть в бинокль.

Теперь я имею еще одно право – сказать:

– Я видел своими глазами президента Франции – генерала Шарля де Голля.

Улицы шумели. Народ приветствовал президента, но женщины и здесь остаются женщинами... Они пытаются связать дела воедино – встретить Президента и забежать в магазин, – узнать и посмотреть новые ткани.

3 июля 1966 г. Воскресенье.

Целый день в лесу. Бродили, собирали цветы, загорали, хотя (увы!) не купались...

Сосны, трава по пояс, воздух терпкий, тяжелый, лесной. В полдень от земли поднимаются испарения. Они столь ощутимы, что кажется – они материальны.

* Купальница сибирская (многолетнее травянистое растение семейства лютиковых).

После городской промышленной и обычной пыли наши легкие готовы были лопнуть от притока свежего воздуха, хватая его всеми своими частицами...

Записей сегодня я делаю мало. Действия почти не было. Сегодня мы *дышали* и наслаждались природой – такой старой и такой молодой...

Мой стол украсился свежим букетом. Он красивее всех предыдущих. В нем ромашки, саранки, два вида – неизвестных мне – голубых цветов и несколько красивых травинок. А в искусстве оформления букетов я, очевидно, не уступаю японцам (конечно, если убрать ненужное смущение...).

8 июля 1966 г. Пятница.

12 часов. Выехал в Центральный район. Мне необходимо выяснить всё о поездке, побродить по книжным магазинам и зайти за палаткой к дяде Васе.

Первое, что я сделал, это зашел в редакцию. Поговорил с Галиной Шпак*. Узнал, что мне придется ждать какого-то Герасимова, когда он вернется из отпуска. А пока она решила дать мне задание, но вдруг она сказала:

– Ты работаешь односторонне. Распухаешь на одну сторону... – и с Ямпольской** отправила меня на второй этаж к В. Ржанникову*** – распухать на другую сторону, для симметрии.

И вот, в результате, я имею новое задание – «Люди завода» (так понял я). И мне необходимо посетить два завода (или предприятия: № 66 и Заельцовский кожкомбинат). Кажется, оба – «женские». Но для того, чтобы меня пропустили в цеха, мне необходимо удостоверение. Оно было тут же отпечатано и заверено В. Ржанниковым.

Когда я выходил из его кабинета, меня окликнул ответственный секретарь (кажется, Котельников):

– Слушай, Устименко, а Серебрякова разве жива?

– Да, – ответил я. – Она эмигрантка. В Париже.

После этого он спросил, почему я так мало пишу? (Во время всей нашей беседы он держал в руках и просматривал уже перепечатанную мою рецензию.) Я ответил, что как-то всё не было времени.

– Слушай, – сказал он, – А ты сделай что-нибудь полуочеркового типа о художнике-любителе... Распухай на одну сторону...

Я засмеялся и сказал, что попытаюсь сделать материал и для него, и для Ржанникова. Это выгоднее.

20 июля 1966 г. Среда.

Рабочий поселок Колывань****.

...Встал в пять часов утра. Последние приготовления. Напутствия тети Лиды и бабушки.

* Галина Антоновна Шпак (1931–2009) – журналистка; в 1966–1967 годы – сотрудник газеты «Молодость Сибири», затем многолетний сотрудник газеты «Наука в Сибири».

** Нелли Степановна Ямпольская – журналистка; в 1966 году корреспондент газеты «Молодость Сибири».

*** Валерий Иванович Ржанников – поэт; в 1966 году заместитель редактора газеты «Молодость Сибири».

**** Колывань – поселок городского типа, административный центр Колыванского района Новосибирской области.

С первыми трамваями до пристани. Улицы свежи, тихи и пустынно. Город только просыпается. Красивый город.

Пристань.

Тихо плещется вода в гранит пристани...

Но вот я уже покинул город Новосибирск. Мои ноги уже на палубе теплохода.

Весь путь длится четыре часа с минутами.

Красивые спокойные берега.

Пристань.

Я – в Колывани.

Перед спуском на берег проходишь через ящик с опилками. Они чем-то смочены. Карантин. Недавно здесь был ящур.

Нахожу редакцию «Трудовой правды» – одноэтажное каменное здание, бывший купеческий дом.

Разговор с редактором*.

Знакомство с газетчиками.

Мне выделен отдельный стол. В комнате, где он стоит, кроме меня и стола ничего не поместится.

Знакомство с селом... Извиняюсь – с рабочим поселком...

Много не увидишь – пыль застилает все. Туфли тонут в пыли, об их блеске и говорить не приходится.

Знакомство с коллегой – Евгением Ивановичем**. Сразу спор о балете и опере. Я против того, что это «искусственное искусство». Он – за...

Спали на чужой квартире. Три комнаты. Полупустые. Хозяин уехал в Новосибирск.

Вечером – кино в Доме культуры – «Окровавленная рубашка».

Обед и ужин в столовой. Немного грустно: как там, в Новосибирске?

А девушки здесь есть замечательные...

21 июля 1966 г. Четверг.

С утра в редакции. Слонялся из угла в угол. Поговорил с П. Ганиной***, взял от нее задание и пошел искать автохозяйство. Там. Встреча с комсоргом. Знакомство.

Материала почти не собрал. Однако – небольшая прогулка под солнцем и по пыли.

Когда пришел обратно – время идти на обед. Обед в столовой. При той же порции, что и на заводе тратишь в два раза больше. Для сравнения: там – 50 копеек, а здесь – 1 рубль. Так можно разориться.

Был в нашей небольшой типографии. Наблюдал за процессом выпуска газеты. Есть что-то увлекающее. Потом в редакции просмотрел номера «Советской печати» и «Полиграфии».

* Семен Андреевич Стелюков – в 1966–1968 годах главный редактор Колыванской районной газеты «Трудовая правда».

** Евгений Иванович Осипов – кажется, был учителем где-то в Подмосковье (почему-то помнится – Старая Руза), но, как будто разошелся (или серьезно поссорился) с женой и любил писать. Все это привело его в Сибирь: здесь можно было попробовать начать новую личную и творческую жизнь, занимаясь журналистикой.

*** Прасковья Михайловна Ганина – насколько помню: заместитель редактора и зав. отделом партийной жизни.

С Евгением Ивановичем прогулка по магазинам. Именно – прогулка..., так как делать здесь пока, кроме этого, нечего.

Взял кровать в школе-интернате. Поставил ее к нашему хозяину. Но спать не пришлось. Он неожиданно приехал, да еще с девушкой...

Мы, как люди сознательные, собрали вещички, и пошли по ночной Колывани в гостиницу. «Гостиница» – это сказано слишком громко. Это, скорее, постоялый двор на общественных началах. Даже запах специфический – полубжитого человеческого жилья.

Ночь всё же прошла нормально и спокойно. Выспался, хотя моя кровать и хромала, Но это я быстро исправил – пришлось положить под ножку томик Есенина.

22 июля 1966 г. Пятница.

С самого утра понемногу брался за работу, а после обеда даже сдал материал в набор.

Утро. Посещение вместе с Евгением Ивановичем правления колхоза им. Кирова.

В редакции. А. Дзюгина принесла «Положение о конкурсе за безопасность движения», цифры, идею и фамилии. Я – литсотрудник. Мое дело состояло в немногом – я написал статью по этому материалу. Она пойдет в воскресенье под фамилией госавтоинспектора Сенченко – цифры давал он.

Вечер. Кинофильм «Девушка из джунглей» – первая серия.

До этого – безуспешные поиски квартиры. Нашли одну, но, Бог ты мой, что это за квартира!.. Кислый воздух, «интерьер» комнат – смесь квартиры Плюшкина с абсолютной безвкусицей и произведениями холодного художника.

Когда-нибудь опишу подробнее. Сейчас не хочется портить настроение.

Мы опять в гостинице, где даже можно слушать в шипящем динамике какой-то варшавский джаз.

26 июля 1966 г. Вторник.

Сплю в редакции.

Ночью немного замерз. Уже прохладно. Чуть болит шея – словари Ожегова (вместо подушки) вещь не очень удобная.

Начало рабочего дня ознаменовалось обработкой материала со вчерашнего совещания. Когда его отпечатали, – отдали ответственному секретарю. Откорректированный материал завтра пойдет в набор.

П. Ганина – это наш зам. редактора – читала, ей понравился.

Вторую половину дня провел в мелких работах: кое-что писал, кое-что читал, стал на комсомольский учет. В графе «место жительства» поставили прочерк.

Вечер. Делать нечего. Немного порисовал. Смотрел, как печатается завтрашний номер газеты.

Сейчас уже 23 часа. В редакции я один. Иду спать.

Раздобыл чью-то старую меховую шубу. Вот только под голову...

Написал письмо Тане. Осталось отослать.

С квартирой понемногу проясняется. Во всяком случае, пока – есть место. Завтра выясню окончательно.

В редакции хорошо – есть приемник, есть музыка.

1 августа 1966 г. Понедельник.

В редакции. Евгений Иванович и Прасковья Михайловна Ганина вчера ездили за черной смородиной. Приятно, что вспомнили обо мне – на столе меня ждал кулек с ягодой.

Материал с охотоведом не вышел (очевидно, пока...).

По заданию (уже на август) взялся за лаборанта маслозавода. Действительно – «люди скромных профессий», – писать почти нечего. Правда, это пока со слов главного инженера маслозавода.

Там же. Присутствовал на небольшом совещании. Узнал, «как» делают молочные продукты. Моя «подопечная» скромно сидела в углу и не сказала ни слова. Серьезна.

Вторую половину дня почти ничего не делал – возьмусь завтра. Только некоторое время занимался правкой оттиска с третьей полосы нашей газеты (за среду). На второй полосе идет мой «Прожектор».

Утром, в поле, мокрым от недавнего дождя, красиво поют неизвестные мне птицы. Пшеница спутана, колосья напоминают длинные волосы девушки после бессонной ночи.

3 августа 1966 г. Среда.

Грузовая машина, на которой мы тронулись в город, имела весьма неприличный вид. Машина труженица, машина рабочая. Грязные борта и – стальные детали, которые на каждой кочке стучат друг о друга, словно кости неизвестных мертвецов. Кроме этого, у нее почти не работают тормоза. В общем, совершенно неизвестно, как эту машину пустили в рейс, да еще в город.

Шофер – не очень опытный даже в полях, а тут, попав на шумные улицы города, в громадный поток машин и совсем растерялся, начав метаться среди них, словно овца в волчьей стае.

Несколько раз нарушал правила уличного движения, а однажды даже нарвался на свисток милиционера и имел с ним долгую беседу.

Когда разговор кончился, он залез в кабину, несколько раз выругался и сказал:

– Больше не поеду в город. Черт с ним...

Всю дорогу я ехал в кузове, который до самой кромки борта был наполнен зерном. Я впервые видел такое количество, и словно скупой рыцарь восскакивал над его золотыми россыпями. Влезая на него, я попытался было разуться, – все-таки хлеб... Подняли на смех.

А когда я вылезал, в моих ботинках и карманах пересыпалось зерно...

Остановились мы около облисполкома, зашли в управление по делам печати и начали договариваться о получении необходимого материала. Договорились, но...

материла (бумага, краска, олифа) на складе не оказалось, а клише будет готово только через десять дней.

В том же облизполкоме зашли в столовую. Замечательно оформленный интерьер, небольшое, но уютное помещение – всё приятно радовало глаза.

Домой удалось заскочить только на пять минут. Видел только Димку. Этот со-рвиголова продолжает носиться с мячом.

Дома. Умылся. Оставил деньги и газету с новым отпечатанным материалом...

Через два часа был уже в этой Колывани.

Поздний вечер. Темно. Я выхожу в сад. На юго-востоке горит и переливается как ожерелье далекое и яркое море огней. Это зарница засыпающего города. Он далеко, но огни видно издали...

9 августа 1966 г. вторник.

Решил отдохнуть.

Вышел на берег речушки Чаус. Лег на один из его крутых склонов, подложив под голову руки.

Земля была теплая, хотя сейчас и стоят прохладные дождливые дни – за неделю до этого стояла душная и невыносимая жара. Я отдыхал.

Внизу тихо лежала река, в которой иногда раздавался плеск уток. По серо-синей ее поверхности пробегала мелкая рябь.

Чуть слышно в сухой траве шелестел ветер, а по низкому небу пробегали разорванные и хмурые облака. Кругом стояла такая тишина, что шелест ветра казался знакомым и ненатуральным. В этой тишине мне пришла в голову интересная мысль, - ведь лето почти прошло, а я этого, можно сказать, и не заметил. Я почти не отдыхал...

Стало немного грустно.

11 августа 1966 г. Четверг.

Телефон в редакции не работает. Дозвониться в РСУ не было никакой возможности. Пришлось мне по огромной пыли прошагать до этой организации. Встретившись с нужными мне людьми, я узнал, что данные еще не готовы. Под давлением с моей стороны приступили к выискиванию оных. Правда, материал хороший, да и не так мал. Для дополнения его посетил дорожный участок, и уже непосредственно на самом месте записал еще несколько фактов, обогатив материал. До обеда я успел его обработать и отдал Гале на перепечатку.

Так прошло утро и половина дня.

После обеда я сходил в лесхоз – для сбора данных о стенной печати. Собрал.

Пришел в редакцию, где занялся обработкой. Статья, кажется, получилась не очень скучная. Она должна пойти уже в среду.

Недурно я сегодня поработал: два материала на воскресенье и один – на среду. На следующий воскресный день у меня пойдет рецензия, на пятницу – что-то по плану; так что – живем!

В свободное время читал Булгакова*.

Спать сегодня пришлось ложиться поздно, а уснул около часа ночи.

Вечером не было света. Печатник газеты уехал на рыбалку, а к тому времени, когда свет загорелся, он не смог вернуться.

А утром газета должна выйти.

Мы с Евгением Ивановичем пытались заняться самостоятельным печатанием, но сделали десяток газет браку и оставили это дело.

Потом пришел хозяин станка. Отпечатал один разворот (две полосы) и решил переспать пару часов. Проспал около пяти, и утром – на пару часов позже – газета была готова.

Ночи становятся прохладными. В редакции, хотя и уютно, но прохладно. А с квартирой ничего ясного нет.

14 августа 1966 г. Воскресенье.

Новосибирск. Друзья все готовятся, все поступают. Хотя Александр и недобрал несколько баллов до «проходного».

Возвращаюсь в Колывань. Купив билет, я долго-долго бродил по вечерней набережной с тяжелыми гранитными плитами облицовки и перил. Вокруг были люди. Молодые – их больше, старые. Группами и парами. Они провожали друг друга, смеялись, гуляли.

Меня никто не провожал.

И, может, поэтому в голову лезли строки ненаписанного печального стихотворения.

Когда я сел на теплоход, вокруг уже было темно. Я отплывал опять от этого красивого города.

В воде отражались осколки городского света.

По берегам, раскиданные в художественном беспорядке, светились искры ночных окон.

Небо было без звезд, они все скатились к горизонту и зажглись огнями города. А потом они скрылись, исчезли за лесными стволами сосен, за многочисленными поворотами реки, за множеством километров. Зато на небе засверкали и заискрились россыпи холодных мигающих звезд. Они вернулись на свое настоящее место. И неизвестно, где они были красивее...

Почти всю поездку я простоял на палубе. Было прохладно, или даже холодно.

Голова была совершенно ясная, не сонная. Мысли проносились резкие, острые, холодные. И только глаза натружено и тяжело закрывались...

В это время оставалось только думать, думать и думать...

Подплыв к Колывани и сгрузив пассажиров в кромешную тьму ночи, теплоход сам потерялся в ней.

Плутая и еле-еле узнавая улицы, я добрался до редакции, где насилу, добрыми ударами ноги и кулака в дверь, разбудил спящего Евгения Ивановича.

---

* Имеется в виду Валентин Федорович Булгаков (1886–1966) – последний секретарь Льва Толстого и автор воспоминаний о нем.

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

Через десять минут я уже спал.

Идешь по траве. Идешь долго. Дорога пыльная и нудная. Когда устанешь – садишься на траву и, вытянув ноги, отдыхаешь. Ты – и природа.

А на тебя смотрят как на идиота. Оказывается, ты сел посреди улицы.

(Продолжение в следующем номере)

АВТОРЫ НОМЕРА

КАЛИНИН Михаил – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Укитувчи», «Узбекистон». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока». Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Туле.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Автор восьми книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

ОЗМИТЕЛЬ Екатерина – историк, религиовед; ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского отдела Новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Автор пяти монографий по истории Православной Церкви в Средней Азии, русской культуре, религиоведению и культурологии. Живет в Московской области.

ПАНИНА Ольга – музыкант, литератор. Преподаватель детской музыкальной школы № 15 им. П.И. Чайковского города Чирчика Ташкентской области. Публиковалась в журнале «Звезда Востока» и периодической печати Узбекистана. Живет в Чирчике.

РЯБОВ Ефрем – историк, публицист, кандидат филологических наук. Автор многочисленных публикаций по новой и новейшей истории Средней Азии. Живет в Москве.

Иеромонах Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекстанской епархии. Живет в Ташкенте.

УСТИМЕНКО Алексей – писатель, журналист. Был главным редактором журналов «Звезда Востока» и «Восток Свыше». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Звезда Востока», «Новая Юность» и др. Автор нескольких книг прозы. Живет в Ташкенте.

ЦАПЕНКО Анатолий – переводчик. В настоящее время – на пенсии; до выхода на пенсию в 2014 году работал заместителем директора по научной работе Научной педагогической библиотеки имени К.Д. Ушинского в Москве. Живет в Москве.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше
Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LV
№ 1, 2021, январь-март

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2021 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2021).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568